АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР АБХАЗО-АДЫГСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
им. В. П. АНКВАБ

А. В. Анкваб

ФЕНОМЕНЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Сухум, 2025

УДК 821.35.0
ББК 83.3(5Абх) 6
А 67

А. В. Анкваб
Феномены литературного пространства. – Сухум: РИО АГУ, 2025. – 205 с.

В данный сборник вошли статьи, охватывающие различные аспекты исследования творчества как видных представителей абхазской художественной словесности, так и классиков северокавказской научно-творческой интеллигенции, а также материалы об истории абхазо-адыгских культурных взаимосвязей.

Сборник рассчитан как на специалистов-филологов, так и на всех, кто интересуется культурно-творческими связями с народами Северного Кавказа.

Г/Р 978-5-155-81-07025

© Абхазский государственный университет, 2025
© А.В. Анкваб, 2025

ОБ АВТОРЕ

Ахра Владимирович Анкваб родился 20 июля 1974 года в селе Хуап Гудаутского района. В 1991 году, окончив среднюю школу в родном селе, поступает в Абхазский государственный университет на филологический факультет (специальность «абхазский язык и литература»).

Во время Отечественной войны народа Абхазии 1992-1993 гг. принимал участие в боевых действиях на Гумистинском фронте в составе ОБС. С октября 1993 г. по ноябрь 1994 г. проходил службу в рядах Вооруженных сил Республики Абхазия в составе ОРС в Гудаутском военном гарнизоне.

С января 1995 г. начал работать преподавателем в Хуапской средней школе им. В. П. Анкваб. По завершении учебы в высшем учебном заведении в 1997 г. был назначен заместителем директора школы по воспитательной работе. С 2000 по 2005 г. работал директором данной школы. При нем было построено нынешнее здание Хуапской средней школы, также он приложил много усилий по совершенствованию учебно-воспитательной работы и укреплению учебно-материальной базы школы родного села.

С 2001 по 2004 г. был депутатом II созыва Гудаутского районного собрания (член комитета по культуре, образованию, делам молодежи и спорта).

С 2005 по 2009 г. являлся соискателем кафедры абхазской литературы Абхазского государственного университета. В течении этих лет работал в школах Гудаутского района: с августа 2006 по ноябрь 2007 г. – преподавателем в Гудаутской средней школе № 1

им. Н. А. Лакоба; с ноября 2007 по декабрь 2012 г. – заместителем директора школы по воспитательной работе, ведущим преподавателем абхазского языка и литературы в Гудаутской средней школе № 3 им. Ф. Ч. Авидзба. Присвоена 1-я квалификационная категория преподавателя.

В марте 2009 г. назначен зав. кабинетом абхазской литературы им. В. П. Анкваб АГУ. С октября того же года является руководителем созданной им при кабинете студенческого литературно-творческого объединения «Ацəыкəбар», среди воспитанников которого – многие абхазские поэты и журналисты нынешнего поколения: А. Гунба, А. Колбая, И. Гицба, Щ. Бганба и др.

С 2013 г. – преподаватель кафедры абхазской литературы АГУ.

С 2014 г. по руководимому им проекту начал выходить молодежный литературно-художественный журнал «Ацсынгьари», главным редактором которого он является и по сей день.

С 2016 г. – старший преподаватель кафедры абхазской литературы. Ведет дисциплины: история абхазской литературы; история и теория абхазской литературной критики; спецкурс – «Творчество Михаила Лакербай».

Ахра Анкваб на протяжении двух десятилетий занимается научно-творческой деятельностью, которая отличается своей оригинальностью и своеобразием. Он автор более 30 научных, 40 публицистических, учебно-методических статей и материалов, которые опубликованы на абхазском и русском языках, как в родной Абхазии, так и в регионах ближнего зарубежья, среди которых – десятки статей о добровольцах Северного Кавказа.

Также он является автором-составителем трех монографий-сборников по истории абхазской литературы: «Ажəлар рыбзиабара иалнахыз» (соавтор Д. С. Аджинджал); «Зышьха ʒиас еихымсыҩуа» (соавтор Л. А. Хибба); «Ауаԥы иԥьынҵь да-

цəхымҟьароуп» и первой поэтической антологии, посвященной первому Президенту Абхазии В. Г. Ардзинба «Ашьауардыназ ажəа» (соавтор И. Г. Гицба).

Исследовательские интересы Ахры Владимировича включают широкий круг проблем изучения как истории родной – абхазской литературы, так и литератур народов Северного Кавказа. Он неоднократно представлял отечественную науку на многих международных конференциях, симпозиумах и форумах в КЧР, КБР, Адыгее, Дагестане.

Является членом редакционной коллегии литературно-художественного и научно-просветительского журнала на абазинском языке «Абазашта адзыхьква» (КЧГУ им. У. Д. Алиева).

В 2019 году по приглашению кафедры абазинской и черкесской филологии читал лекции по истории абхазской литературы в Карачаево-Черкесском государственном университете им. У. Д. Алиева.

Также Ахра Владимирович является переводчиком на абхазский язык многих поэтических произведений известных адыгских и абазинских мастеров художественного слова, таких как Х. Тхазеплов, К. Мхце, М. Чикатуев, Ф. Апсова и др., где, оберегая красоту родного – абхазского языка, он передает не только идеи и мысли автора, но и дух времени.

Преподавание – другая сторона его творческой деятельности. Почти за три десятилетия педагогической работы как в средних школах, так и в национальном высшем учебном заведении воспитал несколько поколений, из числа которых более 20 человек сегодня занимаются преподавательской деятельностью в школах районов нашей республики. Участвует в решении проблем преподавания абхазского языка и литературы – в работе по совершенствованию учебных программ средних и высших учебных заведений: является соавтором учебной программы по «Истории абхазской литературы», «Литературы народов Север-

ного Кавказа», «Истории и теории абхазской литературной критики и литературоведения».

Под его руководством защищено более 30 дипломных и курсовых проектов по истории отечественной литературы и литератур народов Северного Кавказа.

С 2013 по 2016 г. работал редактором на Гудаутском ТВ.

В 2015 г. под его руководством в г. Гудауте на общественных началах была создана литературно-творческая студия «Асаркьал», целью которой являлось выявление и продвижение талантливой молодежи – поэтов, художников, музыкантов.

С 2019 по 2021 г. по совместительству работал внештатным сотрудником Госкомитета по языковой политике – представителем в Гудаутском районе и г. Новом Афоне, являясь референтом делопроизводства (на государственный – абхазский язык) Администрации г. Нового Афона.

В 2021 г. в г. Гудауте организовал и возглавил работу методического кабинета по развитию абхазского языка, где велись бесплатные курсы по обучению абхазскому языку.

С 2021 по 2022 г. на АГТРК – «Апсуа радио» работал ведущим авторского проекта «Асаркьал» (о творчестве молодых писателей).

Ахра Анкваб является одним из инициаторов создания в Абхазском государственном университете Центра абхазо-адыгской филологии им. В. П. Анкваб, где ныне является заведующим.

С 15 июня 2023 года назначен главным редактором абхазской национальной газеты «Апсны», где проявляет себя активным, инициативным руководителем, поэтапно восстанавливающим работу национального периодического издания.

Член Союза журналистов РА. В 2023 г. стал лауреатом премии Союза журналистов (номинация «Добровольцы»).

За многолетнюю работу в области развития национальной культуры в 2024 году присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Республики Абхазия».

С 18 апреля 2025 года является председателем Государственного комитета РА по государственной языковой политике.

Награжден медалями: «За Победу», «За освобождение Кодора», «20 лет Победы», «25 лет МО РА», «30 лет Победы», а также многочисленными почетными грамотами ректората КЧГУ им. У. Д. Алиева, КБГАУ им. В. М. Кокова и Международного объединения содействия развитию абхазо-абазинского этноса «Алашара» за значительный вклад в развитие научно-образовательного и культурного сотрудничества.

А. З. Бейя,
аспирантка АГУ
ст. лаборант Центра абхазо-адыгской филологии им. В. П. Анкваб

.

ПОЛЕЗНАЯ И ЦЕННАЯ КНИГА

Ахра Анкваб известен в Абхазии и за ее пределами как опытный педагог, литературовед, публицист, занимающийся исследованием жизни и творчества классиков абхазской литературы, проблем развития и укрепления традиционных творческих взаимосвязей мастеров художественного слова Абхазии и братских республик Северного Кавказа. Он является автором множества публикаций по актуальным литературоведческим вопросам.

Плодотворно и достаточно энергично работая на кафедре абхазской литературы АГУ и возглавляя Центр абхазо-адыгской филологии им. В. П. Анкваб, он вносит весомый вклад в столь важную и социально востребованную гуманитарную сферу. На Ахру Владимировича также возложена весьма ответственная миссия возрождения национальной газеты «Апсны», у истоков которой стояли выдающийся Дмитрий Гулиа и его сподвижники. Он назначен главным редактором государственного печатного издания, к которому изначально была приобщена национальная интеллигенция.

В настоящее время Ахра Анкваб подготовил к изданию новый сборник статей (очерков), исследований, посвященных ряду видных представителей абхазской художественной словесности: Дмитрию Гулиа, Омару Беигуаа, Владимиру Анкваб, Мушни Ласуриа. В книгу вошли статьи об истории абхазо-адыгских культурных взаимосвязей, о творчестве классика адыгейской литературы Тембота Керашева, о поэзии знаменитых абазинских поэтов Микаэля Чикатуева, Керима Мхце, Кали Джегутанова, о видном кабардинском поэте и ученом Зауре Налоеве.

В плане сравнительного анализа, на мой взгляд, представляет собой определенную научно-исследовательскую ценность работа Ахры Анкваб «О некоторых особенностях использования пословиц в романах Б. Шинкуба «Последний из ушедших» и Б. Тхайцухова «Горсть земли».

В сборник включен интересный аналитический материал, посвященный творчеству народного поэта Дагестана – Расула Гамзатова. В статье особое внимание уделено нравственно-этическим аспектам художественно-философского мировоззрения великого мастера.

На мой взгляд, заслуживает значительного внимания анализ абхазской тематики в творчестве классика русской советской литературы Константина Паустовского, представленный в данном сборнике.

Думаю, достаточно актуальны вопросы, поднятые автором в статье «Владислав Ардзинба: аспекты функционирования и развития государственного абхазского языка» и в других материалах, отражающих многогранную деятельность основателя независимого Абхазского государства.

Я считаю, что в целом книга станет полезным подспорьем для дальнейшего исследования ряда проблем, связанных не только с историей становления родственных абхазской (абазинской, адыгской) литератур, но и с процессом современных художественно-стилистических исканий.

Владимир Зантариа,
доктор филологических наук,
академик, лауреат Государственной
премии им. Д. И. Гулиа

«Я ВИДЕЛ ЯРКУЮ ЗВЕЗДУ…»

Как горные потоки сливаются в полноводную реку, так и творчество многих выдающихся писателей наполняет единое русло мировой литературы. Но есть особо дорогие имена, без которых нельзя себе представить национальную словесность, к которой они принадлежат. Для абхазской культуры одним из таких имен, несомненно, является имя Дмитрия Гулиа. Нет в Абхазии человека, который не осознавал бы значимость этой личности для абхазского народа.

«…О Дмитрии Гулиа сказано и написано немало, – отмечал в связи с этим В. Ш. Авидзба. – Но говорить и писать о нем можно бесконечно – потомкам и культуре в самом широком и глубоком смысле этого слова он оставил колоссальное наследие. Разгадать, понять всю масштабность его деяний – дело еще не одного поколения» [1, с. 175].

«Всю жизнь свою в труде, как горная вода», – писал Д. Гулиа в одном из своих стихотворений [8, с. 1]. И когда размышляешь о нем, невольно на ум приходят эти строки. Вся его деятельность показывает, что он был трудолюбивым, как неустанный горный поток, не знающий покоя ни днем ни ночью.

Константин Симонов, который на протяжении многих лет общался с Дмитрием Гулиа, писал о нем: «Это удивительная жизнь мальчика из абхазской деревни, молодого сельского учителя 90-х годов XIX века, ставшего сначала великим просветителем своего маленького народа, а потом писателем и поэтом, известным в громадной двухсотмиллионной стране, такая

жизнь, конечно, граничит с подвигом, а быть может, и является им» [11, с. 435].

Начало творческого пути Д. Гулиа связано с его просветительской деятельностью, не прекращавшейся, можно сказать, до конца его жизни, первыми опытами осмысления духовной культуры своего родного народа, которая всегда приковывала его пристальное внимание и служила источником вдохновения.

Дар привлекать к себе сердца – это еще не самый высокий человеческий дар. Гораздо выше – дар привлекать сердца людей не к себе, а к тому, что ты любишь, к тому, во имя чего ты живешь. Дмитрий Иосифович в высшей степени обладал этим даром.

Поэзия интересовала Дмитрия Гулиа задолго до того, как состоялся его литературный дебют. А настоящая литературная деятельность началась с середины первого десятилетия XX века, когда он, используя устно-поэтическое наследие родного народа, написал несколько стихотворений.

Бывают поэты, которые вступают на свой творческий путь в ранней молодости. Путь Дмитрия Иосифовича сложился иначе. Первые его публикации относятся к периоду, когда ему было уже за тридцать лет. Стихотворения с фольклорными мотивами, такие как «Весна», «Гуляка», «Двое еле волочили ноги, а третий не мог догнать их» были опубликованы в «Книге для чтения на абхазском языке для абхазских школ» в 1908 г. (составители А. И. Чукбар и Н. С. Патей-ипа). Тогда за плечами Дмитрия Гулиа был уже солидный жизненный опыт. Своими глазами, а не по рассказам очевидцев, он достаточно увидел, познал правду жизни, сердцем почувствовал чаяния и надежды родного народа.

К 1906 году, когда и Абхазии коснулись вихри революционной бури, нараставшей в России в период Первой русской революции, относится проба пера Дмитрия Гулиа. В 1910 году он

составил небольшой сборник своих стихотворений, однако их издание затянулось. Издать книгу в Сухуме он не мог, так как в Абхазии в то время не было типографии. Сборник под названием «Стихотворения и частушки» увидел свет только через два года, в 1912 году, в Тифлисе, в типографии канцелярии Наместника Его Величества на Кавказе. В книгу, по словам Х. С. Бгажба, «вошли 30 стихотворений поэта, написанных в разные годы, из которых самые ранние датированы 1906 г. В таком же виде, с включением всех без исключения произведений, данный сборник был переиздан в 2004 и 2013 гг.» [2, с. 153].

Другой известный абхазский литературовед В. Ш. Авидзба отмечает: «В этой книге было репринтно воспроизведена копия первого издания с параллельным переводом текстов на современную абхазскую графику» [2, с. 154].

Невзирая на острую материальную нужду, которая постоянно преследовала поэта, весь тираж своей первой книги – несколько сот экземпляров – автор перевез к себе домой и раздавал их (разумеется, бесплатно) крестьянам, своим гостям, посылал сельским учителям и школам.

«Выход сборника ознаменовал собой рождение абхазской литературы – событие, равного которому не было во всей культурной истории абхазского народа. Д. Гулиа мог бы сказать словами первого русского печатника – «чудотворца» Ивана Федорова: «Первее нача печатати ради братии моих и ближних моих» [5, с. 103].

В качестве эпиграфа к своей книге поэт поставил абхазскую пословицу: «Лошадь околеет – поле останется, человек умрет – слово останется». В ней заключено значение, которое автор придавал своему творению. Сборник открывается восьмистишием, содержащим оптимистическое напутствие автора, которое звучит как призыв, как надежда на лучшее будущее абхазской национальной литературы, символом которой являлась книга.

Итак, моя книга, в далекий поход!
Будь стойкой в пути жестоком.
Не заплутай в захолустье – вперед,
По необозначенным тропам! [11, с. 424].

И действительно, книга, как зажженный факел в темной ночи, стала символом просвещения и за короткий срок завоевала широкую популярность.

«Ни в коем случае не преуменьшая роли всей печатной продукции на абхазском языке, сыгравшей важную подготовительную роль для зарождения и становления собственно абхазской художественной литературы, можно смело утверждать, что именно первая книга Д. Гулиа стала качественно новым, этапным явлением. С нее берет начало утверждение литературных традиций абхазского народа», – отмечает литературовед В. Ш. Авидзба [1, с. 176].

Тематика первого стихотворного сборника Д. Гулиа разнообразна и поучительна. В нем представлены не только фольклорные мотивы и образы, хотя они и занимают значительное место. Читателя привлекает отражение мыслей и чувств современников автора, живые картины сельской жизни. Поэт воспевает красоту природы родного края, труд земледельца, передает его думы, мечты и помыслы.

Большой интерес к первой книге объяснялся, очевидно, злободневностью и актуальностью проблем, затронутых в ней, простотой и доходчивостью формы изложения.

Дмитрий Иосифович как просветитель-демократ берет на свое поэтическое вооружение юмор и сатиру, стрелы которых и направляет против тех людей и явлений в дореволюционной абхазской действительности, которые становились помехой на пути возрождения и просвещения родного народа. Стрелы, как говорится, попали не в бровь, а в глаз. Вот что пишет сам автор

в своих воспоминаниях: «Поэтом я почувствовал себя в тот год, когда царские власти «заинтересовались» моим стихотворением «Ходжан Большой». Пошло тайное следствие. Об этом я узнал случайно и понял тогда, что значат стихи. Сущность поэзии и ее пафос заключаются в ее общественном звучании, в том, за что она борется, насколько она нужна народу» [11, с. 425].

«Стихотворение «Ходжан Большой» направлено против самовластия и дикого барства, отнимающего у беззащитных крестьян не только труд и время, но и саму жизнь. При этом бог здесь выступает как некий обобщенный символ грядущего торжества народной правды, а само стихотворение воспринимается как негодующий протест против господствующей в мире социальной несправедливости. Социальное зло будет побеждено, возмездие возможно и даже неизбежно, – в этом заключается основная идея произведения», – писал известный критик Ш. Инал-ипа [5, с. 106–107].

Сатира Д. Гулиа, имевшая большое воспитательное значение, была тесно связана с традициями любимой абхазами народной сатиры. Поэт, развивая эти традиции, направлял острие своего пера против всего, что являлось помехой на пути возрождения народа, прививал ненависть к ворам, бездельникам и тунеядцам.

Таково, например, стихотворение «Милое создание» (1907), в котором изображен никчемный «герой» абхазской жизни того времени. Автор открыто и смело бичует бездушных и лживых людей, прикрывающих свой грубый нрав «искусством» краснобая.

Но это не только нравоучительное наставление, осуждающее отсутствие в человеке необходимых моральных устоев. В стихотворении можно увидеть и довольно выразительный социальный портрет той части абхазского дворянства, которая пыталась перенести на абхазскую почву торгашеские нравы капиталистических отношений, столь чуждые по духу горским

(абхазским) традициям, но, к сожалению, типичные и сегодня, в XXI веке.

Непреходящую силу в творчестве Гулиа раннего периода имеют социальные и героические мотивы. Естественно и закономерно, что в поэзии многих народов мы встречаем обращение к героическим образам фольклора. И творчество Дмитрия Гулиа не исключение. Древние легенды и сказания, отразившие лучшие черты народного характера и столетиями передававшиеся из уст в уста, под пером Д. Гулиа обрели новую жизнь. Это, в частности, исторические предания о любви и чести, о традиционных, часто суровых заповедях высокого уважительного отношения к старшим, это легенда о богоборце Абраскиле – абхазском Прометее и др.

Как отмечает В. И. Кукба, «Абраскил – борец за истинное благо» родины и «покой человека под луной». «Неповиновение «высшим силам» обошлось ему дорого. Но и заточенный в мрачном подземелье, он остался верен своим идеалам. Его гордое соперничество с богами и непримиримая ненависть к врагам являются символом мужественной борьбы народа за свою свободу и независимость, за светлое будущее» [5, с. 108].

Д. Гулиа обращался и ко многим другим фольклорным образам, олицетворяющим собой героизм, добро, справедливость, а также и к прошлому родной страны, к ее древним устоям, в таких стихотворениях, как «Пистолет Эшсоуа», «Отец и сын», «В старину» и др. В них автор выступает против коварной низости и подлости, воспевает мужество, выдержку, цельность натуры героических людей, наделенных высокой нравственной красотой.

Дмитрий Гулиа в начале своего творческого пути был не столько лириком, сколько социальным поэтом, т. е. поэтом гражданским, выразителем народных дум, певцом труда, сатириком – обличителем общественных пороков.

«Однако в его [Д. Гулиа] творчестве того периода [1910-е гг.] нередко встречаются произведения, насыщенные идеалистической и мистической тематикой [7, с. 122], – писал известный абхазский ученый Виктор Кукба в своей статье, опубликованной в «Альманахе писателей Абхазии» в 1936 году. Да, в сборнике есть и риторические, суховато-рассудочные и в художественном отношении слабые стихотворения (такие, как «Высшее учение», «Спокойствие», «Видение воскресшего», «Желание» и т. п.), но в целом, с точки зрения В. Ш. Авидзба, «в стихах этого сборника подняты важнейшие этические вопросы человеческого бытия. Причем осмыслены они в полной гармонии с господствовавшим в то время народным мировоззрением. И, что важно, морально-нравственное содержание произведений вполне соответствовало сознанию читателя» [1, с. 176].

Анализируя первый сборник Д. Гулиа, известный критик и литературовед В. В. Кожинов отмечает: «Только что начали вырабатываться поэтический стиль и принципы абхазского стихосложения, но тут же сразу возникает в стихе сложный, полный драматизма смысл. Даже не верится, что это одно из первых творений рождающейся литературы» [6, с. 255].

Д. Гулиа в своих первых стихотворениях не воспроизводит механически и не оголяет мысль, а выражает ее через собственное, неповторимо эмоциональное восприятие. «…Каждое стихотворение поэта несет новую конкретно-индивидуальную мысль – отражает в себе часть целой, всеобщей идеи… В то время взор его был устремлен на непосредственное общественное познание, а не опосредованное через самопознание», – пишет литературовед Н. М. Байрамукова [3, с. 6–7].

«Как бы ни был крепок гранит, он долговечен все же только тогда, когда долговечны те живые человеческие дела, которые при жизни сделал тот, чье гранитное лицо мы видим после его смерти» [9, с. 13].

О работе литературного кружка, организованного в 1919 году при Сухумской учительской семинарии, Д. Гулиа писал в газете «Апсны»: «Наши питомцы читали свой еженедельный рукописный журнал «Утренняя звезда», и с той поры я убедился, что мой труд не пропал даром, посев дал свои всходы. Я видел яркую утреннюю звезду, и надо полагать, что скоро станет светло» [4, с. 24].

Да, действительно, светло стало скоро… Первый сборник Дмитрия Иосифовича «Стихотворения и частушки», вышедший в свет 20 февраля 1912 года, заложил основы большой многообещающей литературы малого по численности, но сильного духом и богатого талантами абхазского народа.

Сегодня, спустя 110 лет, на основе этого крепкого духовного фундамента бурно развивается пронизанная своими национальными традициями абхазская художественная литература, являющаяся живой ветвью мировой литературы.

Горит очаг и пламя вьется,
Подбросить дров – не проворонь!
Из рода в род передается
Неугасающий огонь. [10, с. 41]

Б. Шинкуба

P.S. В 90-х годах XIX века Максим Горький, оказавшись на берегу абхазской реки Кодор, недалеко от места, где родился Дмитрий Гулиа, восхищенный неповторимой красотой абхазской природы, воскликнул: «Превосходная должность – быть на земле человеком…». Да, в этом сила и смысл жизни. Эту мысль еще раз подтверждает фрагмент стихотворения из первого сборника писателя:

Будь ты юноша или старик,
Ты, читающий этот стих,

Я прошу тебя об одном:
Если ты наделен умом
Иль богатством – помни вовек:
Кто б ты ни был: ты – человек.

Литература

1. *Авидзба В. Ш.* Сын Апсны // Литературные горизонты. – Сухум, 2016.

2. *Авидзба В. Ш.* Текстологический анализ разных редакций сборника Д. И. Гулиа «Стихотворения и частушки» // Литературные горизонты. – Сухум, 2016.

3. *Байрамукова Н. М.* Введение // Баграт Шинкуба. – М., 1981.

4. *Бгажба Х. С.* У истоков // Абхазская литература. – Сухуми, 1968.

5. *Инал-ипа Ш. Д.* Постоянная величина // Страницы абхазской литературы. – Сухуми, 1980.

6. *Кожинов В. В.* Современная жизнь традиций. Размышления об абхазской литературе // Дружба народов. – 1977. – № 4.

7. *Кукба В. И.* Обзор абхазской литературы // Избранные труды. – Сухум: АбИГИ, 2007.

8. *Пачулия Л.* «Всю жизнь свою в труде, как горная вода» // Созвездие. – № 1–2. – Сухум, 2014.

9. *Симонов К.* Неотъемлемая частица своего народа / сост. Д. Чачхалиа // Константин Симонов в Абхазии. – Сухум, 1981.

10. *Шинкуба Б. В.* Слово о Д. И. Гулиа // Баграт Шинкуба. – Собр. соч. – Т. 4. – Сухум, 2008.

ВЛАДИСЛАВ АРДЗИНБА: АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА

...Если завтра мой язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть.
Пусть говорят, что беден мой язык,
Пусть не звучит с трибуны ассамблеи,
Но мне родной, он для меня велик…
Р. Гамзатов

Родной язык – это духовная ценность, которая является важнейшей составляющей культурного наследия и этнического самосознания народа. Языковая архитектоника отражает архетипические особенности национального мышления, обеспечивая преемственность его категориальной системы. В первую очередь через язык происходит приобщение человека к культуре народа. Общеизвестно, что народ существует лишь до тех пор, пока существует его язык. Исчезает язык – исчезает и народ. Безразличие к своему языку вытекает из безразличия к судьбе своего народа. Выдающийся представитель абхазской культурной элиты Дмитрий Гулиа, понимая всю хрупкость положения немногочисленного абхазского этноса, с последней четверти XIX века оказавшегося в окружении многоязычной и поликультурной среды, не зря отмечал: «Абызшәа зегь рацхьа игылоуп. Уи зегь ацанакуеит!» («Язык на первом месте. Он всему основа!»).

Эту мысль подтверждает и академик Академии наук Абхазии, языковед Вячеслав Чирикба: «Вместе с потерей языка теряется

огромный пласт национальной культуры, которая у каждого народа уникальна и которая не может функционировать на чужом языке. Утрата языка равнозначна утрате исторической памяти, которая необходима для поддержания идентичности и чувства пристрастности к этносу и его судьбе. Утрата народом родного языка ведет к размыванию этнического самосознания» [1, с. 12].

«Поскольку мы начали строительство правового, независимого демократического государства, то нам понадобилась новая Конституция. Она была разработана и принята Парламентом 26 ноября этого года. <...> Подчеркнута в Конституции и важная роль абхазского языка. К большому сожалению, в последнее время реальные условия нашего существования привели к тому, что абхазский язык стал исчезать из употребления. Сейчас мы будем прилагать все усилия… Ведь если из общего созвездия языков вдруг исчезнет абхазский язык, пострадаем мы все, не только Абхазия…» – сказал в 1994 году в первом интервью в должности Президента Республики Абхазия группе российских журналистов Владислав Григорьевич Ардзинба [2, с. 164].

«Владислав Ардзинба – выдающийся политический и государственный деятель, заложивший на стыке веков основы той эпохи, в которую гармонично вписались абхазский народ и основанная лидером нации новая абхазская государственность», – писал абхазский журналист В. Чамагуа [3, с. 17].

Нет, наверное, такой сферы в жизни нашей республики, где не оставила бы свой след деятельность Первого Президента. Это и экономика, и дипломатия, и социальная сфера, и духовная жизнь, и создание законодательной базы, и многое другое.

«Однако не следует забывать и того, что до своей политической карьеры Владислав Григорьевич был известен в научных кругах прежде всего как ученый-востоковед, крупный мировой авторитет в области истории, культуры и религии древних хеттов... Кроме того, являлся редким специалистом в области языка

и культуры хаттов, древнего малоазийского народа, оказавшего, в свою очередь, большое влияние на цивилизацию… И наконец, Владислав Ардзинба был кавказоведом, автором ряда незаурядных работ в области кавказского фольклора и традиционной религии», – писал Чирикба В. А. [4, с. 275]. Глубокое изучение ритуальной практики, фольклорных текстов и языковых данных хетто-хаттов и абхазо-адыгов позволило Владиславу Ардзинба реконструировать некоторые общие основы культур этих народов. При этом ученый в ряде статей опирается на весьма убедительные параллели, которые могут быть объяснены предполагаемым генетическим родством хуррито-урартского и хаттского с западнокавказскими языками. Среди них, во-первых, статья «Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков», опубликованная в 1974 г. на английском языке, а в 1979 г. вышедшая в «Переднеазиатском сборнике» на русском языке; во-вторых, послесловие «О некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и культуры древней Анатолии» к изданному под редакцией Ардзинба русскому переводу работы английского ученого Дж. Маккуини «Хетты и их современники в Малой Азии», представляющее самостоятельную научную ценность. Также к теме абхазо-адыгско-хаттских параллелей ученый обращается в одной из работ, посвященных нартскому эпосу, «Нартский сюжет о рождении героя из камня», которую завершает следующей мыслью: «Параллели между нартским эпосом и хурритской «Песнью об Улликумми», а также хаттским мифом о борьбе бога грозы со змеем, видимо, указывают на их общие истоки. Они могут быть объяснены предполагаемым генетическим родством хуррито-урартского и хаттского с восточнокавказскими и западнокавказскими языками» [5, с. 76].

Известный общественный деятель, видный представитель украинской творческой интеллигенции Лесь Танюк еще в нача-

ле 90-х годов прошлого столетия отмечал: «…именно эти исторические работы дают Владиславу Ардзинба возможность возвыситься над процессом и посмотреть на мир как бы с птичьего полета. Он не просто смотрит на Абхазию как человек…, но и как человек, который смотрит с точки зрения истории… с точки зрения тех веков, которые были перед этим… и с точки зрения тех веков, которые будут дальше…» [6, с. 41].

По образному выражению Допуа Г. Х., «он пришел к нам из далекой древности, как посланник этнического реликта со всей накопленной пращурами статической энергией, для того чтобы трансформировать энергию в динамический созидательный процесс» [7, с. 70].

Под непосредственным руководством Владислава Ардзинба реализовывалась и идеологическая основа абхазской государственности. Это концепт независимой Абхазии: сохранение ценностей культуры, опора на Апсуара как на морально-этническую основу абхазского народа, исключительное внимание к абхазскому языку как к государственному. Владислав Ардзинба высоко ценил и глубоко осознавал роль и значение родного абхазского языка как основного источника самоидентификации абхазского этноса. Непоколебимым убеждением и верой в необходимость осуществления научно обоснованной языковой политики, главной задачей которой является изучение, сохранение и развитие абхазского языка, т. е. укрепление его статуса как государственного, он обладал изначально. В этом он был тверд и непреклонен.

Такая позиция главы государства четко просматривается в его публикациях, выступлениях и интервью, которые становились событием, имевшим сильный резонанс не только в Абхазии, но и во всем мире, так как знание предмета разговора, широкая эрудиция, простота в общении абхазского лидера оставляли у собеседников и слушателей глубокое впечатление. Благодаря Владис-

лаву Ардзинба в Конституцию Республики Абхазия впервые за всю историю существования Абхазской республики было внесено четкое положение о государственном языке, закрепленное 6-й статьей. Также под его руководством была разработана государственная программа развития абхазского языка, за выполнением которой он строго следил. А в 1998 году был создан специальный Государственный фонд абхазского языка. По требованию Владислава Григорьевича Министерство юстиции Абхазии ввело в практику обязательный перевод на государственный абхазский язык основных разрешительных документов, уставов учреждений, проходящих государственную регистрацию; создало специальную комиссию по проверке использования государственного абхазского языка при изготовлении и установке адресных табличек, вывесок учреждений и рекламных щитов.

«Бывали моменты, когда он, увлекшись на редкость интересными размышлениями об абхазском фольклоре, начинал наизусть вспоминать отрывки из великого Нартского эпоса, очень колоритно произнося богатые аллитерациями и другими звукоподражаниями абхазские словосочетания.

…Я никогда не забуду, как во время грузино-абхазских переговоров в Турции, проходивших под эгидой ООН в Стамбульском отеле «Хилтон», Президент Владислав Ардзинба блестяще провел свою полуторачасовую пресс-конференцию на абхазском языке. Перевод на турецкий язык обеспечивали Владимир Авидзба и Сизай Папба. Наверное, этот факт тоже говорит о многом! Он продемонстрировал всем, что абхазский язык не уступает никакому другому языку и прекрасно выполняет свои коммуникативные функции и на международном уровне» [8, с. 97], — вспоминает общественный и государственный деятель Владимир Зантариа.

Важную мысль несут в себе слова супруги Первого Президента, историка Светланы Джергения: «Осиливший несколько

древних и иностранных языков не отступит, пока не заставит мир услышать и понять язык родного многострадального народа» [9, с. 44]. Действительно, язык наш все еще способен не только обеспечивать своих живых носителей нормальным для общения материалом, но и быть полезным для объяснения многих языковых явлений, универсалий, не поддающихся объяснению при помощи других языков. Потенциал абхазского языка огромен. Неслучайно, академик Н. Я. Марр характеризовал его как язык, стоящий на одной из высочайших ступеней развития человеческой речи. По его мнению, место абхазского языка среди родственных языков подобно по своему положению месту английского среди европейских [10, с. 28].

«…Проблемы языка нельзя решать исходя из узколокальных интересов, – писал В. М. Бганба, – без анализа его современного состояния и перспектив развития, без учета тенденций, характеризующих его нынешнее состояние. Говоря иными словами — настоятельно необходимы… анализ и осмысление внутренних системных связей… и внешних условий… — общество, сознание, языковая ситуация, этнический состав населения государства, характер языковых контактов, государственные институты, система образования, делопроизводства и т. д.» [11, с. 130].

Глубоко осознавая все это, в июле 1999 года, в своем интервью газете «Абазамҩа» Владислав Григорьевич, давая оценку послевоенному восстановительному периоду, в частности созданию соответствующих государственно-правовых механизмов, отмечал: «— Аԥсуа, даԥсыуаны даанхаразы, иахьала дахьынхозаалакгьы, — ара, Аԥсынтәылан дынха, мшыннырцә дынха, — ԥхьаҟатәи иԥеиԥшымҩа иабацәа жәытә-натә аахыс аҳәынҭқаррақәа ахьаԥырцалоз адгьыл иадҳәалазароуп.

Ҳабацәа зқьышықәсала идырҷиоз, иеихарҳауаз хьчатәуп, иеиҷекаатәуп… ԥьара еиқәхарак абри аганахьала иҟалозар, аԥсуа иҳәынҭқарраҷоуп иҟалар ахьалшо. Уаҳа ԥьаргьы.

Абри аус аҽы зегьы ирыцкыуп абызшәа. Ҳбызшәа анаҳцәыӡ — зегьы ҳцәыӡит. Абри иазхәыцроуп… зегьы…» [12, с. 422].

Значение этих слов для государства, независимость которого продекларирована на Всенародном референдуме 3 октября 1999 года, трудно переоценить. Речь идет о языке государствообразующего этноса, а, следовательно, об одной из важнейших составляющих национального суверенитета народа, что напрямую связано с национальной безопасностью.

Владислав Ардзинба как историк мог смотреть на настоящее будущего. Без этого было бы невозможно принимать решения, закладывавшие основы независимой государственности [13, с. 204].

Юрист, правозащитник Зураб Ачба писал: «Язык есть средство коммуникации и, чтобы полноценно существовать, он должен… функционировать по всему периметру государственной жизни. В любом ином, даже очень щадящем режиме, он деградирует и вымирает» [14, с. 2]. Безусловно, чтобы язык развивался, он должен полнокровно функционировать, обслуживать все усложняющиеся понятийные аппараты и, в первую очередь, понятийный аппарат, связанный с ведением дел государственных. Этот смысловой акцент и присутствовал в той или иной форме почти во всех выступлениях первого главы Абхазского государства. Об этом в очередной раз Владислав Григорьевич заявил в интервью Абхазскому телевидению в декабре 1999 года: «…аҧсуа бызшәа ҳҭахымзар, ҳара ҳаҧсуааup ҳәа ҳазҳәаӡом. Избан акәзар… амилаҭ… имилаҭны иануҧхьаӡо зегь раҧхьаӡа игылоу абызшәа ауп. Уи зегьы иреиҳауп… Абызшәа аныҟамла, иара амилаҭгьы ыҟаӡам.

Аамҭала убас азакәан ҭыцуеит… досу аус ахьиуазаалак, аҧсуа бызшәа изымдыруа иҟамло, дызмилаҭзаалакгьы… Ирдыруазааит… Рхәычқәа абызшәа ддырцалааит. Абра Аҧсынтәылан… цхьаҟа рҧеиҧш ҟаларц рҭахызар, аҧсуа бызшәа ддырцалароуп.

Иҟаҳамҭеи… Аҳәынҭқарратә программа аҧсуа бызшәа иазкны. Ус анакәха, шьаҿа-шьаҿала аҧсуа бызшәа арҕәҕәара ҳаҿызар ауп ҳара.

Аҧсуа бызшәа ҟамлар, аҧсуа литература ҟамлар, аҧеиҧш амамзар, нас аҧсуа ҳәынҭқаррагьы аҧеиҧш амаӡам. Аҧсуа ҳәынҭқарреи аҧсуа бызшәеи рҧеиҧш еибаркуп. Аҧеиҧш аҧсуа бызшәа иамазар, аҧсуа ҳәынҭқаррагьы иамоуп, абызшәа иамамзар аҳәынҭқаррагьы иамаӡам» [15, с. 63].

Тогда Владислав Ардзинба завершил свое интервью словами из поэмы «Звезда Дагестана» известного дагестанского поэта Расула Гамзатова: «…ажәҩан аҿы ирацәоуп аеҵәаҟәа. Ихәычу ыҟоуп, иҟоуп идуу. Досу иара хазы аҧштәы амоуп… даараӡагьы иссируп. Иахәҭаӡам… абарҭ аеҵәаҟәа зегьы еидкыланы мзак аҟаҵара». («На небе есть много звезд — больших и маленьких, и каждая из них светит своим неповторимым светом. И не надо из множества этих звезд делать одну большую луну».)

«…Ажәҩан аҿы ҳара ҳбызшәа… ҳажәлар… ҳҳәынҭқарра риеҵәахә ауп!» [15, с. 63].

Также Владислав Ардзинба высказывал свою точку зрения по данной проблематике в беседе с главным редактором газеты «Апсны» в 2003 году: «Аҧсуа бызшәа — ҳәынҭқарратә бызшәак аҳасабала иаҟәнагоу аҭыҧ аҟынӡа изхамлацт иахьанӡагьы. Уи зегьы рганахьала ацхыраара аҭатәуп, иадгылатәуп. Ииашаны ҳаҧхьаҟа аҳәынҭқарратә бызшәа афункциаҟәа нанагӡо иҟалароуп» [17, с. 288]. Следует подчеркнуть, что речь идет о языке, который в соответствии со статьей 6 Конституции Республики Абхазия 1994 года является единственным государственным языком страны, в то время как русский язык признается, наравне с абхазским, языком государственных и других учреждений.

Несмотря на наличие Государственной программы по развитию абхазского языка и соответствующей Госкомиссии при Президенте Республики, а также Государственного комитета

по языковой политике, которые проявляют немало усилий для того, чтобы переломить ситуацию, положение родного абхазского языка становится сегодня все более незавидным. Здесь нужно обозначить такие проблемы, как сужение сфер его функционирования, этноязыковое сознание и самосознание подрастающего поколения и др. «Наиболее тревожным показателем, характеризующим серьезность ситуации… является нежелание многих родителей передавать родной язык детям, так как они не связывают с этим языком… дальнейшей жизни своих детей. Вследствие этого все меньше процент городской молодежи, которая вырастает с полноценным знанием родного языка» [18, с. 12], — отмечает академик Вячеслав Чирикба. Думается, здесь уместно процитировать няню внучки Владислава Григорьевича: «Уи итцаулара иацын ахәыҷы аԥсышәала лырцәажәараҿы, лажәаҳәа артбааратҿы еснагь иҿыцу акы алагалара. Дмыраԥсазакәан абызшәа абзиабара лыркра…» [15, с. 292].

Владислав Ардзинба в 1995 году, характеризуя послевоенный этап развития республики, подчеркивал: «Есть много… важных вещей, которые надо хорошо осмыслить. Например, мне кажется существенным недостатком Государственной программы развития абхазского языка то, что мы не уделили достаточно внимания детским садам. Это очень важно и особенно в условиях города для сохранения родного абхазского языка» [20, с. 173]. Общеизвестно, что одним из главных достоинств нашей Конституции, провозгласившей Абхазию суверенным демократическим государством, является именно наличие в ней статьи 6, в положениях которого четко обозначены ориентиры нашего государства в области языкового строительства, в области, являющейся поистине судьбоносной для нашего народа и государства.

Оценивая вклад Владислава Ардзинба в дело сохранения и развития родного языка и национальной культуры, соотe-

чественница из Турецкой Республики, писатель, общественный деятель Папапха Махинур (Туна) отмечает: «…апсадгьыли ажәлари зырԥшҙо ачыдараԛәа аазырԥшуа ахатәы бызшәеи ахатәы культуреи лымкаала рызҽлымхахара амшала… ажәлар рԥызаҩы Владислав Арҙынба… дҽырԥшыга дуҙҙаны дыҟоуп» [21, с. 173].

Нет ни малейшего сомнения в том, что с течением времени актуальность мыслей, взглядов Владислава Ардзинба на те или иные социальные, политические, научные и другие проблемы будет только возрастать. Какие бы интервью с ним, беседы, статьи, высказывания, воспоминания мы ни перечитывали заново, в них четко прослеживаются его глубоко аргументированные, весьма доступные и прозрачные мысли о путях становления и развития абхазского государства [22, с. 168].

Язык, являясь средством коммуникации, обеспечивает возможность объединения людей на основе общего мировоззрения, общих идей и мнений. Без бережного отношения к языку невозможно не только сохранение народа, но и передача этнокультурных ценностей, традиций и самоуважения, которые тесно связаны с жизнедеятельностью представителей этноса — носителя данного языка. Как писал К. Паустовский, «человек, равнодушный к своему языку — дикарь. Истинная любовь к своей стране немыслима без любви к своему языку».

Идеи основателя современного независимого Абхазского государства Владислава Ардзинба живы и по-прежнему актуальны, востребованы.

Подводя итог вышесказанному, приведем слова Владислава Григорьевича из интервью корреспонденту издания «Независимая газета» в ноябре 1995 года: «…У абхазского народа другой земли, кроме Абхазии, нет. Это единственное место, где могут развиваться его культура и язык» [23, с. 221].

Литература

1. *Чирикба В. А.* Дискуссия о государственном языке в Абхазии в 20-х годах XX века в связи с современным положением абхазского языка // Вестник Академии наук Абхазии. – 2019. – № 9. – Сухум, 2019.

2. *Сизов И.* Первый автограф Президента / Мы шли на смерть, чтобы жить: сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. — Сухум, 2011.

3. *Чамагуа В.* Слово лидера // Мы шли на смерть, чтобы жить: сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. — Сухум, 2011.

4. *Чирикба В. А.* Научное наследие Владислава Григорьевича Ардзинба // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов. – Т. 3. — Москва – Сухум, 2015.

5. *Ардзинба В. Г.* Нартский сюжет о рождении героя из камня // В. Г. Ардзинба. Собрание трудов. – Т. 3. — Москва – Сухум, 2015.

6. *Танюк Л.* С высоты птичьего полета / В. Зантария // Первый Президент Абхазии. — Сухум, 2017.

7. *Допуа Г. Х.* Не разрушайте святыни / В. Зантария // Первый Президент Абхазии. — Сухум, 2017.

8. *Арутюнов С.* Великие люди остаются неизменными / В. Зантария // Слово о Первом Президенте. — Сухум, 2008.

9. *Джергения С. И.* …Быть впереди в пору безвременья / В. Зантария // Первый Президент Абхазии. — Сухум, 2017.

10. *Марр Н. Я.* Кавказоведение и абхазский язык // О языке и истории абхазов. — М.– Л., 1938.

11. *Бганба В. М.* Проблема сохранения языка и культуры абхазов и процессы глобализации // Как живется тебе, речь абхазская. — Сухум, 2011.

12. *Арҙынба В. Г.* Аԥсны Ахада (Владислав Арҙынба: Абызшәа анаҳцәыҙ — зегьы ҳцәыҙит) // Мы шли на смерть, чтобы

жить: сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба 1992 – 2005. — Сухум, 2011.

13. *Авидзба А. Ф.* Имя Владислава Ардзинба достояние вечности / Эпоха Ардзинба. — Стамбул, 2009.

14. *Ачба З. В.* Перешагнув этнические рамки // Газета «Нужная». — 2000. — №2.

15. *Џьапуаԥха Ҭ. Ш.* Владислав Арҙынба иҿцәажәара / Владислав Арҙынба (к 70-летию со дня рождения). — Сухум, 2015.

16. Там же.

17. *Ҭыжәба Б.* Ҽаанбзиала шәнеилааит, сыжәлар! // Эпоха Ардзинба. — Стамбул, 2009.

18. *Чирикба В. А.* Дискуссия о государственном языке в Абхазии в 20-х годах XX века в связи с современным положением абхазского языка // Вестник Академии наук Абхазии. — 2019. — № 9. — Сухум, 2019.

19. *Џьыкырба Гә. Ш.* «Елла, сара уаҳа сзыхынҳәҙом…» / Владислав Арҙынба (к 70-летию со дня рождения). — Сухум, 2015.

20. *Зантариа В. К.* «Абхазия никогда не обладала такой собственностью…» // Мы шли на смерть, чтобы жить: сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба. 1992–2005. — Сухум, 2011.

21. *Папаԥха Маҳинур (Туна)* Ахьымҩа // Эпоха Ардзинба. — Стамбул, 2009.

22. *Зантариа В. К.* Ретроспективный взгляд // Первый Президент Абхазии. — Сухум, 2017.

23. *Драпушко В.* Формулу взаимоотношений с Грузией определит двусторонний договор // Мы шли на смерть, чтобы жить: сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба. 1992–2005. — Сухум, 2011.

ТЕМА РОДИНЫ В ПОЭЗИИ ОМАРА БЕИГУАА

О человеке судят по его делам. В жизни так было всегда. Говоря словами профессора Абхазского государственного университета Е. Бебиа, «есть на земле люди, чьи слова, дела, вся жизнь светят нам, как звезды с небес, чьи души высоки, как родниковая вода…» [1, с. 20–21] Такой личностью и являлся прибывший впервые на землю предков из Турции в числе делегации из 11 человек в один из осенних месяцев 1975 года Омар Беирам-ипа Беигуаа. Со слезами на глазах он говорил: «Жива Апсны… Живы абхазы… Значит, есть наша Родина, есть мы, и мы живы, что больше…» [2, с.385].

С раннего возраста Омар Беигуаа посвятил себя служению своему народу. Его главной целью стало донести до соплеменников, что они являются потомками древнейшего этноса. И несмотря на то, что оказались на чужбине, они не должны забывать, что в их жилах течет кровь абхазов, история которых насчитывает тысячелетия.

Омар Беигуаа понимал, что каждый человек неповторим и неисчерпаем, в нем заключен его собственный мир, который никогда не может до конца раскрыться, и человек, умирая, уносит с собой так много невысказанного, не сделанного, так много надежд, желаний и мечтаний, — и это трагично. Но человеку свойственно великое чувство оптимизма, веры в людей, в смысл и назначение своей жизни. Поэт бессилен только перед физической смертью, духовно он бессмертен: он воплощается в стихах, которые являются продолжением его жизни.

В духовной жизни О. Беигуаа взаимодействуют, вытесняя временами друг друга, различные пласты национальной куль-

туры. Помимо исследования абхазской мифологии, истории и языка, он оставил неизгладимый след и в литературе, о чем свидетельствуют его стихотворения. Он писал на родном языке. Его глубокие стихи притупляли боль в сердце и звучали, как колокол, как нобат, предупреждая последующие поколения.

Беигуаа относится к числу тех поэтов, кто использует свои слова и строки для выражения сокровенных чувств в те часы, когда молчание становится невозможным. Автор незримо присутствует в повествовании, чувствуется его вера в силу и духовную мощь своего народа. Выражаясь словами литературоведа В. Устинова, «нотка страдания проходит сквозь все произведения поэта. Но эта нотка перерастает в тему преодоления рабской черноты в душе, в порыв к свету — ради созидания в себе и других воли духа, ради высшей справедливости, ради того, чтобы боль не стала вечной, непреходящей, заслоняющей ту радость, которой является сама жизнь» [3, с. 401].

Свою любовь к родной земле О. Беигуаа вкладывает в каждое слово, в каждый звук, интонацию и пластически воссозданный, «увиденный» образ. Для него чрезвычайную важность имеет внутреняя стихия образности: не столько то, что сказать, а то, как это сказать. Размеры, которыми он пользуется в своих стихотворениях, отличаются от обычных стихотворных размеров. Все изобразительные средства поэт пропускал через свое поэтическое «Я», и именно поэтому его поэзия приобрела особое звучание.

Одна из сильнейших сторон творчества Омара Беигуаа – его образный поэтический язык, который чрезвычайно богат по своему словарному составу. Каждое слово поэта ощутимо и весомо. Он охотно и умело пользуется малоупотребительной лексикой, но строит свои фразы так, чтобы они были понятны самому неискушенному читателю и слушателю. Без преувели-

чения можно сказать, что Омар Беигуаа – один из создателей абхазского литературного языка.

Высоко оценивая все то, что сделал О. Беигуаа во всех областях национальной духовной культуры, отметим, что к нему применимы слова известного поэта К. Симонова, характеризующие основоположника абхазской литературы Д. Гулиа: «…трудно мысленно представить себе другого человека, который бы с такой силой любил свою страну и свой народ. <…> Такая жизнь, конечно, граничит с подвигом, а может быть и является им…» [4, с. 393]

Литература

1. *Саркисян С.* Судьбы людские – образ времени // Газета «Республика Абхазия». — Сухум, 2003.
2. *Тужба Б.* Абхазская историческая публицистика. — Сухум, 2004.
3. *Устинов В.* Свет любви и надежды / Созаруков Ю.Ш. // Всей памятью своею. — М., 1987.
4. *Шинкуба Б.* Он жил у нас / Шинкуба Б. // Собрание сочинений. — Т. 6. — Сухум, 2008.

АҧСАДГЬЫЛ АХЬАА ОМАР БЕИГӘАА ИПОЕЗИАҽЫ

Зыҧсадгьыл зҧәызыз – шьарда ищәызит,
зхатәы бызшәа зҧәызыз – назаза дызит.
Ажәаҧҟа

Ианакәызаалакгьы ауаҩы илшамҭеи иҳәамҭеи рыла акәын иҙбахә зларҳәоз. Аҧсҭазаара агәеисра ус иацын еснагь. Ажәаҭынха аҧсуаа ҳҽы жәытәҙаахыс ҳаҭыр ду ақәыртцон азоуп «Аҽы ҧсыр адәы аҭынхоит, ауаҩы – ажәа» ҳәа, ажәаҧҟа заҧыртцазгьы. Итцаулоу ахшыҩцак зцоу ҳәамҭалоуп, аамҭақәа рзыблара иалганы амилаҭ рҽахәы злеиҭарҳәо. Шаҟа имариамзеи рызхәыцра ҳажәлар рҽахәҳәаҩ ду Б. Шьынкәба иажәақәа:

Адунеиажә, цәгьа уеижьагоуп,
Еҳ, ҳаҳоу дуҭоуп,
Цьоук рзыҳәа уҧсыршьагоуп,
Цьоук рзы ухьанҭоуп [11: 370].

Ааи, ирҳәоит «Анцәа бзиа иибо дҧишәоит» ҳәа. Аха, иҳәаадоума убри аҧышәара ҳара ҳзы уҳәартә, аамҭа ҳҭанаргылахьоузеи шаҟантә? Шаҟантә аҭоурыхтә ҧшаҳьы ыкәсхьоузеи ҳадгьыл? Шаҟаҩы… ҳаблала, қыҭала, иқәнагахьада?

Аха, ҳажәлар, Аҧсадгьыл агәбылра ирнаҭон агәамч аиҭеиныларазы.

Зыдгьыл гәакьа ааныҙмыжьыр ада ҧсыхәа змамыз, рнышәнапкәа рчабраҟәа иргәылаҳәа ирыма ианцоз, рыҧсҭазаара иа-

налтцлак рнышәынтра агәы иқәрыцсарцы руасиат – ажәа изалазгьы… нарцәыҟа, наʒаʒа иахьцозгьы рыцсадгьыли дареи убри ала еимадазарц акәын. «Ашьажә баауам, ипсуам» ҳәа апсуаа иззырҳәо, ашьоура мацаразы акәымзаап… Аамта цәгьа, аешьцәа адунеи еиуеипшым акәакьқәа рахь иага иапсаҟьазаргьы, бызшәала рҽы еибамкуа иҟанатцазаргьы, зегь дара роуп иахьымчыдоу ыҟоуп. Уи – ршьа ак акәны иахьаанхо ауп.

Баша ирҳәом «Ашьа ахала аҽеадыруеит» ҳәа.

Амшын егьи ахықә ахь инанагаз ҳажәлар, ирхыргаз алацәажәара даара ишуадацугьы, рхы иаиааины, атәым жәцан атцаҟа аҽыц пстазаара ашьапы ркыр акәхеит. Рынхарта тыпқәа шапсыуа нхартоу уацы ибо, рыхшаара гәыла-псыла иапсыуааны, рыцсып лага-цагаратцәкьагьы Апсны иадҳәаланы.

Атоурыхтә аамта уадацаз аʒыблара ихнатцаз, ҳажәлар рхылтцшьтракәа рыʒбахә ала, рацәак аздыруамызт апсадгьыл акыр аамта. Аха, ҳцьынцьуаа рышьтра еиуоу рахьтә, абдуцәа рыцсадгьыл ʒбахәыла акәымзар, хатала ишырымбацызгьы, имачцымызт ажәакәа Апсадгьыл, Апсны, Апсуара – зшьа-зда иалаз, ргәы-рыцсы змардаз ипшьоу ажәакәаны иззыҟалаз.

Атцыхәтәантәи ахтцәара аахыс шәышықәсеи бжаки инарзынапшуа иштцуагьы… арантәи ицаз ракәым, уаҟа ииз рыхшарагьы, аʒәырцы рдунеи рыцсаххьеит… Аха, иахьа иҟоу, атәымдгьыл аҽеы ишизгьы, итцаулоу гәыблрала рыцсадгьыл гәакьа иамадоуп. Уи атцабыргра шьақәдыргәгәоит: «…Сапсуа жәлар ирыцымло, Сыпсадгьыл иапсамхо, уи ахьчара злымшо сыгра дышпатиаауеи» [10: 352] ҳәа, ахшаароура мап ацәызкыз, атырқәа зынасып имаздаз, апсуаа рхылтцшьтра еиуоу апҳәыс ҷа лажәақәа. Рабдуцәеи урт рабацәеи рахьтә дара рахь ииасыз, имцаны ирыцралартә аҟынʒа есымша ргәатца итатцәахыу, рыпстазаара зегьы уасхырсгьы, мчысгьы иамоу Апсадгьыл шакәу мцашьарада агәра удыргоит, Германиа инхо апсуа тыпҳа Жалье Чытанаа: «…Апсадгьыл змоу иоуп аразҟы змоу» [1: 2] ҳәа иҳәаз лажәақәагьы.

Ииашоуп, ажәа «аԥсадгьыл» еиҳау даҽеа ажәак рымазам аԥсуаа. Уи агәыблра ахьынзаҟоу, ԥсадгьылда инхаз дахьынзарыцхау здыруаз, уи амца иаблыз роуп изыбзоуроу мшыннырцә иҟоу ҳцьынцьуаа рхатәы бызшәеи, рцас қьабзқәеи иахьа уажәрааназа еиқәырханы иахьаарго.

«Аԥсны ыҟауп»… «аԥсуаа шәыҟауп»… «Ус анакәха, Ҳаԥсадгьыл ыҟауп, ҳаргьы ҳаҟоуп, ҳаԥсгьы ҭоуп, уажәшьҭа иаҳурхьраны иҟаузеи» [10: 385] ҳәа зылабжышқәа хаддыла уажәы-уажәы изҳәоз, 1975 шықәсазтәи ҭагалан мзақәа руак аан, Ҭыркәтәылантәи раԥхьазакәны, рабдуцәа рыԥсадгьыл ахь иааз 11-ԥык дреиуан – Дырмит Гәлиа диеиԥшны, амшын нырцәтәи аԥсуаа рыԥнутҟа зегьы дырхацыркԥны, дҽаҳәҳәаԥны, ҳажәлар азпагьаны есқьынагьы зыхьз ргәалашәало – Беигәаа Беирам-ипа Омар.

Омар Беигәаа дшыҷкәынзаз инаркны ажәлар рус иҿазикыз, ихьз аҭгаразы акәзам. Уи зызкыз зыԥсадгьыл иаҟәгаз ижәлар – рыԥсадгьылгьы шыҟоу, даргьы жәларык раҳасабала здац-ԥашә ашәышықәсақәеи азқьышықәсақәеи иргәыларсу, ажәытәзатәи ажәларқәа ишыруаку… атәым жәԥан атҵаҟахь ишнанагазгьы, ршьа шаԥсыуа шьоу рхамыштырц акәын…

Беирам-ипа Омар инапы злакыз иарбан усхкзаалак раԥхьа иргылон, Аԥсны ахьчаразы зхы иамеигзоз М. Гәажәба «…милаҭ гәышьтыхгоуп, милаҭ мырзгоуп» [7: 6] ҳәа ззиҳәаз, ихатәы бызшәа – аԥсшәеи иԥсадгьыли. Иԥстазараҽәы илиршазгьы зызку урҭ роуп, ихаҭа иажәақәа рыла иаҳҳәозар «зны дырзышәаҳәон, даҽеазных дырзыгызуан». Аԥсныка ииаишьҭуаз исалам шәкәқәа рҟны изныкымкәа дазаатгылахьан – Аԥсны аԥсшәа ацкьара, аԥсыҿхара рызцаарақәа; амилаҭтә интеллигенциа ирабжьеигон лассы-лассы иазхьаԥшларц макьана ицкьаз, ирԥашьам абыргцәа рбызшәа. Убас, 1988 шықәса, цхынҷкәын мзазы И. Марыхәба изааишьҭыз ашәкәаҽәы иԥуан: «Сара 80 шықәса срықәуп, саԥсышәагьы ҳлыгажәцәа Аԥсынынтә иааргаз аԥсышәа цкьа ауп…

Аԥсынытәи… апоетцәа ражәеинраалақәа рҽеы рапсышәа бзиауп. Ацаратә ҩымҭақәа рҽеы заԥсышәа бзиау маҷзоуп, 50-60 шықәса рапхьа шәаԥсышәа иаҳа иҩәгәан, шәаԥсышәа ицаԥхьеҙе иагхаоит, итаҕсахоит. Ари гәкажь-гауп… аԥсышәа аиқәырхара Аԥсынаа ишәуалуп» [2: 123].

Беигәаа Омар игәы итцхоз азцаатәқәа рацәан. Аԥсуаа рмифологиеи, рҭоурыхи, рбызшәеи рыҭцаара анаҩсгьы, уи атәым дгьыл аҽеы хатәы бызшәала иаԥицон, хьаа хҽыгак изаҩызаз, саркьалбжьцас абиԥарақәа ргәырҽанызцо, еихсыҕьра зқәым игәынқьыбжьы зхыҩуа апоезиатә рҽиамҭақәагьы. Ҳәарас иаҭахыузеи, урҭ зегьы хьаҳәа-ԥаҳәа рымамкәа инагҙоуп ҳзымҳәозаргьы, апоет ҳлитература рҽиаҩык иаҳасабала ҳпоезиаҽеы ҩашьара иқәымкәа даанхоит. Иазгәаҭатәуп инатцшьны Беигәаа Омар апоезиаҽ ҿырбашақә ицәырцқәаз дышреиуам. Уи дырцабыргуеит иажәеинраалақәа. Апоет ипсҭазааратә цышәа иабзоуроуп идунеихәаԥшра, ихәыцрақәа. Ажәеинраалақәа рҟны иаҳпыло еиуеиԥшым ахшыҩзцарақәа, аҳәашьақәа, аҳәоу артәашьақәа, ҳзышьцылахьоу анормақәа излареиԥшқәам ыҟоуп. Иҟалап урҭ, апоет ихәыцшьаҽеы Мрагыларатәи апоезиа аныррa ахьамоу акәзар изыхҟьо, аха дара арҽиаҩы ихшыҩцак аарԥшра иаԥырхаҙам идмырҭбаауазар.

Беирам-иԥа Омар Беигәаа ипоезиатә ԥцамҭақәа ирзеиԥшу ҟазшьа хадоуп: аԥсадгьыл азхьаара; хыхь-хыхьла, ҿырԥшҙагас акәымкәа, иашалацәкьа уи азгәыбылра; агәышьҭыхра. Зыпсадгьыл иацәыхароу ихәыцшьа, уи иблала аԥсадгьыл агәыбылра шааԥшуеи, зыпсадгьыл аҟны иҟоуи ртәы злеиԥшым рацәоуп. Ҳара ҳадгьыл гәакьа абзиабара шьцыларак еиԥш ианҳзааиуа ыҟоуп, аха уи иаҟәыгоу, ахьаа еиҳа изацуп.

Апоет уахи-ҿени ибла ихгылоу, Анцәа ибаҳча иеиԥшнишьало иԥсадгьыл гәакьа дахьалхәдааy игәы инархьуа, 17 шықәса анихыцуаз иҩыз раԥхьатәи иажәеинраалақәа иреиуоуп «Аҳ, угәаны сыпсында!..»:

Махәы ԥхьаза ӷыс бжьы,
Дәы ианы◌ӧуа са сыбжьы!
Жә◌ӧани мшыни цқьазаза,
Уыи сытәыла иаӷәаза,
<…>
Схы итԥау – сгәы итԥау, Аԥсны,
Сы бзанӷыра, Аԥсны!
Аԥсабара иысзаныу,
Сыԥсы, сызаӷә, Аԥсны! [3: 26]

Атҵеи лаша дызмыртынчуа аԥсадгьыл агәхьаагара ҕәгәала ианыԥшуеит «Аԥсны, Аԥсны!» ҳәа хьзыс измоу ажәеинраалагьы:

Сы-иахьагьы уа уыла иытԥаны
ыыыст, Аԥсны!
Еихсыҕьра зқәым уымцаны
сара усыҕрауп, Аԥсны!
<…>
Уымца харԥны уысшәында,
ных, сҳәарымызт, Аԥсны!
Уымца гәаҕьны усыҕразааит,
сгәыҕра ԥымӷәааит, Аԥсны! [6: 20–21]

ажәеинраала аҿы ажәа амчи, атәым дгьыл игәжәажәо иқәхаз, забаҵәа ртәылахь ахынҳәра иазгәышьуаз апоет игәтахәыцрақәеи доуҳала реинырра иалтҵшәаны, ицәаҳәақәа иргәыл◌ӧ◌ӧуеит ҳмилатҭә гәхаштра атҳарцәҳәа ҳалызхырц зылшо ашәа.

Омар Беигәаа итынха азыргараҿы аԥьабаа збахьоу Маҳинур Папаԥҳа ари «ажәеинраала иышԥау◌ӧыи?» [9: 212] ҳәа даниазҵаа: «Аԥсныи сареи аимадара уыс иышдыру еиԥш иысыбжьамызт. Аха ҳара аҳауантә, ажә◌ӧантә ахабар ҳаууан. Ҳабдыуцәа рыхьаа ала ҳамдыухазыи, 1924 шықәсазы, Едырне лицеи санҭаз, …ԥьа-

ра амшын аԥшаҳәа сыƙан, стәаны нырцә сыԥшыуан. Убасƙан сеиҳабацәа сабдыуцәа зыʒбахә рҳәоз Аԥсны сылаԥхьа иаазгеит. …ƙарматцысык шәаҳәон уыи зынʒа сыгәы арыԥшааит. «Сыиахьа ауыла иытәны иыиасиит Аԥсны», – ҳәа иалагоз ажәакәа снарҳәеит» ҳәа атак ƙаитеит автор.

Аԥсадгьыл агәхьаагара агәырԥала итәу, хара дыԥшуа амшын иҷеԥынгылоу, зхәыцракәа зегьы зыдгьыл гәакьа иазынархоу ихаҷесахьоуп иаарԥшу, 1968 шықәсазы иаԥцоу, аԥхьатәи авариант аҷы «Сызцәыхƙьоу сан рыцха, исцәыʒыу, сашьцәа!» ҳәа хьʒыс измаз ажәеинраала «Асҭампылтәи аԥсыуа бжьы» аƙны. Апоет ииҳәои, дзызхәыцуеи игәатцанʒа ихьааганы ишиҳәо агәра удыргоит иажәакәа:

Амшын еиқәа сыҷеԥынгылауп –
иасымша нырцә сыԥшыуа.
<…>
Мрагылантәи ԥшак аасысыр –
рыԥсы алаушь ҳәа сахәауеит.
<…>
Амшын анырцә иыҷеԥынгылау,
сан, абааԥсы, бгәы камҳааит,
<…>
Быԥкәын сара, ччара зхашҭыз,
бгәыҳәԥы схы нкыдӷаны –
аӷәыуара зны сақәиҭхар –
саагәыдыбкылап срыҷҷәаны [6: 15].

«Азхәыцра, атцәара хьанҭоуп, ҳәарада…уи игәтыхажәа ажәеинраала иара Омар ихата ибжьы датцасны иацыргызуа ҷырҳәала данҳзаԥхьоз уа Сҭампыл, …инапы ззынамʒоз, илаԥш зхьымʒоз, аха гәыла-ԥсыла еснагь дыззааʒоу, ...итәыла-ԥсадгьыл ацәыхарара, азгәыкра ахьаа, ауаз еиԥш ианеихиҳәалоз збоз-изаҳа-

уаз, иарбан иеиҳаз ланырԥшыра хьанҭас ҳаԥсы ахьынӡаҭаз иаҳҭахыз! Уажәымзар-уажәы игәы ааҽԥәоит, даахпсаауеит иуаз уҳәарын, убасҟак идуун ауаҩы-ԥааимбар игәнхьаа» [6: 7] – ҳәа лыҩҩуеит лабҽаба азыӡырҩра зразҟхахьаз, 1990 шықәсазы, раԥхьаӡа акәны Аҟәа иҭыжьыз Омар Беигәаа иажәеинраалақәа реизга «Асҭампылтәи аԥсыуа бжьы» аредактор, Аԥсны жәлар рышәкәыҩҩы Н.Ҭарԥҳа.

Апоет ихьаақәа зыргәгәо еиҳаракгьы иԥсадгьыл даҟәыганы дахьыҟоу ауп. Уи «иҩымҭақәа аформа аганахьала ирыгыу ыҟазаргьы, уртәыртәуеит рыцқьарала, раартрала ирхылԥуа адоуҳатә мчхарала» [3: 15] ҳәа азгәеиҭоит афилологиатә ҭԥаарадыррақәа рдоктор В. Бигәаа. Ииашаны, Омар ду «Ажәа ауԥашәыл гәы ааӡагоуп» [5] ҳәа шиҳәахьаз еиԥш, жәа лыԥшаахла иҩу иажәеинраалақәа угәаҵанӡа агәахәара урымҭарц залшом, избанзар ҳабшьтрақәа, адунеи иакәлоу ҳаԥсуа шьхақәеи, ҳарҩашқәеи ирҿырԥааз, еилыхха жәытә шьҭыбжьеилыԥсала узыршынхо аԥсышәа цқьала иҳәоу аҵәаҳәақәа ирытҵоуп иԥсыртынчгоу ахшыҩзцарақәа.

Аԥсадгьыл, ипоезиа зегьы цәаҳәа ҟаԥшьны ишагәылсуа, уи азы игәыбылра ҳәаак шамам артцабыргуеит ажәеинраала «Саушәыжь» захьӡугьы:

Схы иҵау, сгәы иҵау Аԥсны!
Сеиҩразбылуа, Аԥсны!
Аԥсабаран уа уҷыда
Акы сашьҭам, Аԥсны!
Аҳ, угәаҷы сыԥсында
Сааугәыйаукрын, Аԥсны! [4: 11]

«Омар Беигәаа иажәеинраалақәа ргьырак қәыԥсычҳара цаулак цсыс ирхоуп. Урҭ егьарааны ҳарзыхынҳәларгьы, еимгеимцарақәак ирылагӡаны ҳаимҿхаркуеит ҳәаа змаӡам, цсра зқәым цәанырра цқьала» [8: 5]– иҩҩуеит алитератураҭцааҩ Вл. Занҭа-

риа. Аԥхьаҩ ицәа дтанырзыҙыртә аҟынҙа ацәаныррақәа иззырцысуа, аҳәааныркәтәи аԥсуаа инарылукааша атеи иԥсадгьыл иазгәакьара, Аԥсынтәыла гәыкала иазыҟазаашьа агәра аагартә ицәаҳәақәа иахьырныԥшуа ауп цабыргны.

Аԥсны агәхьаагара рныԥшуеит жәеинраалала иаԥцоу, ҳинтеллигенциа рхатарнакцәа, еиуеиԥшым ашықәсқәа раан ирзааишьтуаз исалам шәҟәқәагьы, иаҳҳәозар, 1984 шықәса рзы, атоурыхтцааҩ Р. Гәажәба изааишьтыз «Уыбжьы зымгаои, сахьшьапа?» ҳәа хыс измоу ажәеинраалаҟны ҳаԥхьоит:

Аԥсна шәыбжь сазгәышьын,
Уаргьы Аԥснаа урыбжьын;
Уҽала исаҳаон Аԥсны бжьы,
<...>
Слымҳа кыдуп уыбжьахьы [4:85].

Аԥсадгьыл иашала згәы иахьаау, уи здақәа иртаныҟәо игәтыхажәалоуп ажәеинраала «Мҷышь азы» злеибытоу. Иара убас, Беигәаа Омар иԥсадгьыл азы игәаҟтцәаҟра, Аԥсныи аԥсуа жәлари рлахьынца дшазыҟоу знып шуа жәеинраалақәоуп: «Сы «ыыҳ» бжьы зны иуаҳап…», «Ах угәаны сыпсында – Сааугәытцаукрын, Колхида!», «Чҟалаԥыуа Маҳмуд илақмар», «Хьажәа цыпжәахақәак», апоет ихата лирикатә хаҽсахьаны дахьатцубааua, абырзен миф афырхаца изку «Промете ибжьы: Ах, псеивгартак!..» уҳәа убас даҽеа акык-ҩбак.

Беигәаа Бирам-ипа Омар гәыла-псыла иԥсадгьыл азы иҧьатцәыгьатцәбжьы знып шуа иажәеинраалақәа рыхшыҩцаккәа рытцаулара шьақәзырҧәгәо цәаҳәақәак раҳасабала иупхьазар алшоит анаҩстәи ацыпцәахақәа:

Ҽахәы рхаашьа сыздырам,
Ҽахәы рхаахагьы сымам.

Зықьнызқь – зықьнызқь ҳәҳәабжьы
Заҳао сгәы ада ак сымам.
<…>
Иырҷаԥкатԥа иырҷаҳәҳәао
Сыҳәҳәабжьы ада бџьар сымам.
<…>
Аашьа-ааԥсара зӷасым сауп,
<…>
Сеитԥаҳәаҩуп, сыҳәҳәаҩуп [4: 63].

Мамзаргьы:

Сыршьы-рыжхьеит иагарааи –
Аха сыԥсы ԥсра ақәым.
Сгәаҕь ԥсыма, ишәымбаои –
Сыбжьы ҕьаца ԥӷәара ақәым [4: 87].

Ааи, атәым жәҩан атцаҟа «…саԥсыуарала ауп саԥсабара злахаау» [3: 15] ҳәа, уи иахәҭакыз: Аԥсадгьыл абзиабара, ахатәы бызшәа ацқьара, ажәлар рҭоурых уҳәа… реиқәырхара зымч-зылша зегь азкыз Беигәаа Омар, «пҵәара зқәым ибжьы ҕьаца» ҳзызхьанырԥшуа рацәоуп.

Иаадыруазароуп, ахеиқәырхаразы Омар ду дызҷахәеитаҳәаҩу, иԥсаҟьаны атәым тәылақәа ирылаԥсоу ҳажәлар рхылҵшьҭрақәа аҷерымадара шырҕәҕәатәу, ҳзеиԥш ԥсадгьыл аҟны аҷееидкылара шхымпадатәу. Иаххаҳмыршҭуазароуп, «акәтаҕь былгьо иҟалаанӡа» ҳәа ҳаԥшны, ҵыхәаԥҵәара змам аилацәажәарақәеи, аибарҷехәарақәеи ирықәҳарӡыша аамҭа шҳамам. Аԥсадгьыл иазхьааува маҷѡзам, урҭ амѡа иқәцатәуп, ҳнапы арыҭара ҳазхиазароуп, иара убасҵәкьа даргьы рнапы ҳарҭароуп. Убасҟан ауп, Омар Беигәаа «Хьажәак атцыхәа» зыхьӡу иажәеинраала аҟны:

<...>
...Аԥсны, шәеиха амарԥьа!
Шәымԥа ишәыҕрау иԥызхалаша,
Шәтԥарчеи шәаԥыуп шәаԥԥа амарԥьа!» [6: 19].

ҳәа, иҳәоу иажәақәа рҭакы аԥсҭазааратәкны ишьақәыргәгәо, даргьы-ҳаргьы ҳазхьынҳаланы иаҳкыу ҳаԥсадгьылгьы, ҳаԥсуарагьы, ҳбызшәагьы реиқәырхара анҳалшо.

Алитература

1. *Амҷба Хь.* Аԥсадгьыл змоу иоуп аԥсадгьыл гәхьаазго/ Агазеҭ «Аԥсны». 2006. хәажәкыра 30. — №23-24 (19.381).

2. *Бигәаа, В.* Омар Беигәаа ипоезиа аҷыдарақәа / Алашара, 2013. — № 5.

3. *Беигәаа Омар.* Ажурнал «Аԥсадгьыл агәеисыбжь». №2 (02), 2016.

4. *Беигәаа О.* Асҭампылтәи аԥсыуа бжьы Аҟәа, 1990.

5. *Беигәаа Омар.* Жәеинраалатцас иантцоу аԥсуа жәаԥкақәа. / Д. Гәлиа ихьӡ зху Аԥсуаҭцааратъ институт адиалектологиатә лабораториа архив аҟнытә.

6. *Беигәаа О.* Асҭампылтәи аԥсыуа бжьы. Аҟәа, 1990. ад. 11. Автор инапала арҽеирақәа ахьаирбаз ашҟәы ахкьыԥхьлаа аҟнытә. Анаҩсгьы астатиаҿы иааҳго апоет ицәаҳәақәа рҿы хшыҩзышьҭра рыҭоуп урҭ арҽеирақәа/Д. Гәлиа ихьӡ зху Аԥсуаҭцааратә институт адиалектологиатә лабораториа архив.

7. *Гәажәба М.* Аамҭақәа реиқәҿтыбжь /Агазеҭ «Аԥсны», 2006, хәажәкыра 30, №23-24 (19.381).

8. *Занҭариа Вл.* Аҳ, угәаҿы сыԥсында – сааугәыцаукрын, Аԥсны!.. /Агазеҭ «Аамҭа», 2016. №7-8 (44).

9. *Папаԥҳа М.* Ҩажәеи жәохә шықәса Беигәаа Омар иананда. — Аҟәа, 2016.

10. *Ҭыжәба Б.* Аԥсуа ҭоурыхтә публицистика. — Аҟәа, 2004.
11. *Шьынқәба Б.* Иԥымҭақәа реизга. Актәи атом. — Аҟәа, 1977.

ПО ЗАВЕТАМ НАРТОВ ЖИЛ…
(К 95-летию со дня рождения абхазского поэта, литературоведа В. П. Анкваб)

Среди представителей абхазской творческой интеллигенции, безвременно ушедших из жизни, но оставивших глубокий след в национальной духовной культуре, видное место принадлежит и Владимиру Анкваб.

1928 год, 23 февраля – 1987 год, 14 ноября… Эти даты вместили 59 лет большого и сложного пути известного абхазского поэта, ученого, литературоведа и наставника Владимира Платоновича Анкваб. Свой жизненный путь, наполненный радостью побед и горечью неудач, прошел он мужественно и достойно.

Родился он в семье одного из первых абхазских юристов в Гагре. Но, рано осиротев (мальчику было тогда всего 1,5-2 года), воспитывался у бабушки, в селе Хуап Гудаутского района. Детские и отроческие годы, конечно, не могли не оставить глубокий отпечаток в душе ребенка, определив его дальнейшую судьбу.

Учился сначала в родном селе, потом в Ачандарской школе. Работая в ткуарчальской шахте, среднее образование получил в вечерней школе. Думается, что именно рабочая среда (и в колхозе, и на шахте) сыграла не последнюю роль в воспитании таких его качеств, как принципиальность, смелость, справедливость, которые так характерны были и для личности, и для творчества Владимира Анкваб. В 1954 году поступил на филологический факультет Сухумского госпединститута, на котором тогда впервые открылся абхазский сектор. После завершения 2-го курса продолжил учебу в Литературном институте им. А. М. Горького

в Москве. После окончания института и защиты диссертации по новеллам Михаила Лакрба, в середине 60-х годов вернувшись на Родину, поступил на работу на кафедру абхазской литературы Сухумского государственного педагогического института (ныне Абхазский государственный университет), где до конца своих дней и работал, причем более десяти лет успешно являлся заведующим.

В. П. Анкваб скоропостижно скончался во второй половине 80-х годов, находясь на повышении квалификации (готовился к защите докторской диссертации) в Москве, после просмотра художественного фильма Эльдара Рязанова «Забытая мелодия для флейты» в кинотеатре «Октябрь».

Умер Владимир Платонович стоя, что еще раз говорит о незаурядной силе его личности. Похоронен в Пантеоне писателей и общественных деятелей на Сухумской горе.

Владимир Анкваб рано стал проявлять интерес к языку, фольклору, быту и традициям родного народа. Первый сборник его стихов «Моя горная река» вышел в 1958 году, а вслед за ним в разные годы – «Долина Бзыбь», «Моя любовь», «Мой перевал», «Взрыв снега» и др., а также романы в стихах «Абраскил», «Весна и туман». В переводе на русский язык его произведения выходили не раз как в Сухуме, так и в Москве.

Жанровый и тематический диапазон творчества Владимира Платоновича широк и разнообразен – от лирических стихов до ярких публицистических и лиро-эпических поэм, от научных и литературно-критических статей до многоплановых романов в стихах. Каждая из жанровых разновидностей отмечена неповторимым почерком автора, имеет свой стиль и авторский голос.

В раздумьях поэта чувствуется глубина и прозорливость, рожденные большим жизненным опытом. Автор касается разных сторон действительности, проявляя при этом искусность и изобретательность в выборе художественных средств.

Особенно патриотические стихи, посвященные родному краю, его истории и современности, отличаются внутренней взволнованностью, не лишены эмоционального накала. Глубокой сыновней любовью был он влюблен в многострадальную землю предков. Тому явное подтверждение его поэтические строки:

Бзиа избоит сара Аԥсны
Сыԥсадгьыл ауп насгьы
Сызҳаит сан дсымамкәа
Убри сан лцынхәрасгьы!
Бзиа избоит избанзар,
Сиит сара араҟа!
Сгәы-сыԥсы иара иатәуп,
Сагьԥсыроуп араҟа! [1, с. 80]

Следует заметить, что интересы поэта-ученого не замыкаются рамками одной только Абхазии. Немало поэтических строк он посвящает теме взаимосвязи с братскими адыгскими народами и абазинами. В частности, тепло было принято читателем стихотворение «Ҳашьцәа абазақәа шәахь» («К братьям абазинам»).

Одним из основных направлений деятельности Владимира Анкваб было налаживание и укрепление связей между абхазской молодежью и представителями Северо-Кавказских братских республик. И до конца своих дней он поддерживал контакты со многими известными писателями, учеными и видными общественными деятелями из абхазо-адыгского культурного мира. Для преодоления разобщенности, консолидации абхазо-адыгского подрастающего поколения и дальнейшего культурно-духовного развития, Владимир Платонович неоднократно со студентами университета посещал Северный Кавказ, хотя было немало сил, препятствовавших этим связям. Но он, независимо

от трудностей, проявлял упорство, следуя принципу своих поэтических строк:

Ҳара ҳаиҟәызтҳара
Амҩақәа аркызароуп.
Ҳашьхақәа инархырҳәҳәа
Ҳнапқәа еибаркызароуп! [2, с. 8]

Владимир Анкваб жил и творил в советскую эпоху, которая содержала в себе не только недостатки, но, очевидно, и достоинства. Конечно, произведения его неравнозначны по идейному содержанию и художественному уровню. Несомненно, некоторые работы (как в поэзии, так и в науке) несут отпечаток времени, в котором он жил и творил. По-другому было бы и невозможно. Как говорил известный русский поэт-переводчик Яков Козловский: «У каждого времени свой знак на стремени. Все мы дети своих лет, ими определены наши помыслы, пристрастия, оценки и поступки. Да, будем мы судимы и воспринимаемы по законам своих годов. Можно, летя на перекладных, менять лошадей, но не убеждения» [6, с. 113].

Значителен вклад Владимира Анкваб и в развитие абхазской критики и литературоведения. Благодаря ему впервые монографически исследована новелла в абхазской литературе, выявлены закономерности ее зарождения, становления и дальнейшего развития. В сборник «Абхазские новеллы» вошли его литературно-критические статьи и рецензии, посвященные творчеству различных абхазских поэтов и писателей. А в монографии «Становление и развитие абхазской прозы» (1918–1948) автор анализирует все наиболее значительные произведения с момента возникновения национальной прозы до конца 40-х годов, рассматривает пути развития жанров рассказа, повести и романа в абхазской художественной литературе. Также его немалая

заслуга в составлении учебных программ основных дисциплин кафедры абхазской литературы, таких как «История абхазской литературы», «Введение в литературоведение», «Абхазская детская литература» и т.д.

Владимир Анкваб был не только известным ученым-литературоведом и замечательным поэтом, но и основоположником целой литературно-творческой школы для обучающейся молодежи (кружка абхазской литературы) при учебном заведении. Школа эта «являлась путевкой в большой мир литературы и первым шагом на пути национально-освободительной борьбы. Здесь прививалась любовь не только к абхазской литературе, но и вообще к Апсуара» [4, с.147], – пишет воспитанница этого объединения, ныне профессор кафедры журналистики АГУ Екатерина Бебиа.

В основе творческой и научно-педагогической работы Владимира Анкваб лежали лучшие человеческие качества, олицетворением которых он сам являлся, – совесть, честь, благородство, мужество и трудолюбие. Товарищи и коллеги, работавшие с ним, повседневно ощущали его преданность делу, высокую гражданскую ответственность перед родным народом, которому он служил верой и правдой до конца своих дней. Строки его известного стихотворения «Отец не виновен, что родился без крыльев» — «Ажәлар сырԥазар сара» [3, с. 5] — были девизом всей его жизни.

Также Владимира Платоновича отличала от многих искренность и прямота. Он всегда оставался таким, насколько это было возможно в условиях чрезмерно политизированной общественной жизни. Как один из немногих представителей национальной интеллигенции, он не раз оказывался в водовороте сложных общественно-политических противоречий эпохи, известных рецидивов обострения отношений между Грузией и Абхазией 50–80-х годов. Например, он подписал известное

«Письмо ста тридцати», благодаря которому в последующие годы в Абхазии произошло много позитивных изменений. Как и многие подписанты (кстати, из профессорско-преподавательского состава института их было только 13 человек), Владимир Анкваб был объявлен буржуазным националистом и злостным клеветником, подвергнут травле и моральной репрессии. Но это не сломило его.

«Его трагедия заключалась в том, что он не мог следовать принципу: живи как живется. Он яростно сопротивлялся всему косному. И как бы ни было ему тяжело, всегда сохранял человеческое достоинство.

Он мог ломать устаревшие сложившиеся стереотипы поведения и идти наперекор всему ради ответственного отношения к жизни» [5, с. 136], — отмечает известный абхазский ученый С. Л. Зухба.

Владимиру Платоновичу повезло в личной жизни — брачный союз с Людмилой Арзаметовной Хибба оказался счастливым. С супругой — кандидатом филологических наук, доцентом кафедры абхазской литературы — их связывали любовь и общие профессиональные интересы. Они вырастили двух дочерей: Гунду, ставшую преподавателем абхазского языка одного из университетов Турции, и Рицу, тоже выбравшую научную карьеру, она — кандидат социологических наук.

Людмила Арзаметовна была верным другом, помощником во всех начинаниях, делила все радости и горести жизни с главой семьи, первой читала работы Владимира Платоновича, некоторые сама печатала на машинке. Гостеприимная, всегда с открытой душой встречала родственников, друзей, всех гостей дома, которой не стало 6 января 2021 года.

Владимир Платонович Анкваб был мужчина высокий и стройный, с прямым станом и широкими плечами, служившими воплощением его крепкого физического сложения, а его добро-

желательная улыбка говорила о его человечности и духовном настрое. Трудился он, не щадя себя. Всегда куда-то спешил… Был по природе своей требовательным, как к себе, так и к другим. Не упускал он случая, чтобы подбодрить в хорошем начинании или отвести от нежелательного шага. Он уважал и любил студентов, проявляя индивидуальный подход к каждому, умел выслушивать, считался с ними, честно высказывал свое отношение к делу, всегда оставался заботливым советчиком, наставником, другом. Владимир Платонович был человеком уважаемым и пользующимся почетом.

В 2009 году по инициативе его выпускников, при финансовой поддержке Фонда Первого Президента Абхазии Владислава Ардзинба, на филологическом факультете был открыт кабинет абхазской литературы имени В. П. Анкваб. Здесь хранят и развивают традиции, заложенные им еще с 70-х годов, когда он осуществлял организацию литературного клуба «Ацәыкәбар» («Капля»), рукописного журнала «Арҽаш» («Поток»), молодежного литературно-художественного журнала на абхазском языке «Аԥсынгьари» («Наковальня»), налаживание культурно-творческих связей с братскими народами Северного Кавказа и т.д.

А 22 сентября 2022 года на базе этого кабинета в соответствии с решением Ученого совета Абхазского государственного университета был создан Центр абхазо-адыгской филологии им. В. П. Анкваб, который представляет собой структурное подразделение филологического факультета АГУ. Это первый центр такого рода в истории нашего вуза.

Коран гласит: «О человек! Все, что делаешь ты для себя, уносит река времени. Тебе останется только то, что сделал ты для других людей» [7, с. 288].

По праву Владимир Платонович Анкваб остается образцом самоотверженного служения народу. Таким он навсегда вошел в его благодарную память.

Литература

1. *Анҟәаб В. П.* Бзиа избоит сара Аҧсны // Сыбзиабара. — Аҟәа, 1964.

2. *Анҟәаб В. П.* Ҳашьцәа абазацәа шәахь // Сышьха хытцырҭа. — Аҟәа, 1971.

3. *Анҟәаб В. П.* Отец не виновен, что родился без крыльев // Сыбзиабара. — Аҟәа, 1964.

4. *Бебия Е. Г.* Штрихи из моей жизни // Зышьха ʒиас еихымсыҧуа. — Аҟәа, 2019.

5. *Зухба С. Л.* Строки, согретые сердцем/ Зышьха ʒиас еихымсыҧуа. — Аҟәа, 2019.

6. *Салакая Ш. Х.* Жәлар рпоет // О народном поэте (Сборник статей.) — Сухум, 2018.

7. *Салакая Ш. Х.* Новый перевод бессмертной поэмы Руставели // О народном поэте. – Сухум, 2018.

«ЕСЛИ Я СЫН НАРОДА…»
(О творческой и научно-педагогической деятельности поэта, литературоведа В. П. Анкваб)

…Проходят годы, десятилетия, наполненные многими тревожными обстоятельствами, и мы как бы сквозь призму времени оцениваем значимость тех или иных событий и находившихся в их гуще сильных и волевых личностей.

Когда мы мысленно возвращаемся к периодам наибольшего накала политических страстей в Абхазии, естественным образом вспоминаем тех достойных представителей национальной интеллигенции, которые, взвалив на свои плечи тяжкое бремя ответственности за судьбу народа, продолжали последовательно отстаивать его священные завоевания.

Одним из представителей той сильной когорты, к сожалению, безвременно ушедшим из жизни (он умер 14. 11. 1987 г., ему было 59 лет), но оставившим глубокий след в национальной духовной культуре, является известный абхазский поэт, ученый-литературовед, наставник Владимир Платонович Анкваб.

Свой жизненный путь, наполненный радостью побед и горечью неудач, Владимир Анкваб прошел мужественно и достойно. За более чем тридцатилетнюю деятельность он внес весомый вклад в развитие нашей словесности.

Говорят, человек должен построить дом, посадить дерево, вырастить сына. Это, при желании, под силу сделать каждому. Главное не что мы делаем, но как… Главное — чувство ответственности за все, что берешься сделать, чувство ответственности за ближнего. Как важно активное сочувствие тем, кто в этом

нуждается. И под силу это только тем, у кого есть душа. Не зря, наверное, сказал поэт из Приуралья Вл. Саблин:

Душа человеку Всевышним дана
Как самый священный подарок.
И что б ни случилось с тобою, она
Остаться должна без помарок… [2, с. 5]

Володя Анкваб (так звали все, кто его знал) был одним из тех, кто с душою нес ответственность за свой народ, да и не только...

Творчество и личность Владимира Анкваб – это пример поэта-трибуна, гражданина и ученого, беззаветно преданного делу своего народа и до конца служившего ему. Строки одного из его стихотворений «Ажәлар сырцазар сара» («Если я сын народа») были девизом всей его жизни. Он всегда находился в гуще народа, всех событий, связанных с народной судьбой, жил его интересами и делил с ним и радость и горе. Не был он спокойным созерцателем, как говорится, рвался в бой со всем тем, что несло угрозу его народу, его независимости, его свободолюбию. Выражаясь словами народного писателя Абхазии Алексея Гогуа, «умел разглядеть в сегодняшнем ненастье завтрашний погожий день. Был носителем спасительной надежды на лучшее».

Также Владимира Платоновича отличала от многих из числа научно-творческой интеллигенции искренность и прямота, он всегда оставался таким, насколько это было возможно в условиях чрезмерно политизированной общественной жизни.

В периоды наибольшего обострения грузино-абхазских политических взаимоотношений он был одним из тех смелых представителей национальной творческой интеллигенции, кто открыто выступал против диктата тбилисской политической элиты, т.е. с грузинскими псевдоучеными, страдавшими фальсификаторским зудом, невзирая ни на какие регалии и ранги.

Отстаивал он свою позицию страстно, эмоционально, но и уверенно и убедительно. Да, сегодня, через десятилетия, как будто бы легко рассуждать о тех временах и событиях, но, в действительности, не каждый мог бы взять на себя такую смелость и ответственность в те времена.

Однако вернемся к его художественному творчеству. Владимир Анкваб пришел в абхазскую поэзию в конце 50-х годов прошлого столетия, в составе плеяды молодых творческих работников, с именами которых во многом связаны дальнейшие замечательные достижения абхазской духовной культуры. Т.е. он берется за перо в условиях того времени, когда представители творческой сферы в определенной степени были вынуждены подчиняться господствовавшей тогда мощной советской идеологии, для которой приоритетными были определенные ориентиры, и литературе в целом трудно было избежать влияния политической конъюнктуры. Но, следуя классическим традициям абхазской поэзии, он вносит в нее свой слог, свои интонации, свой романтический дух и пафос. Сильное чувственно-эмоциональное начало, высокая публицистичность характерны для его поэтической манеры и авторского самовыражения.

Владимир Анкваб — выпускник знаменитого Литературного института им. М. А. Горького, располагавшегося в особняке на Тверском бульваре Москвы. Литинститут имел большое значение для периферийных и национальных литератур, особенно во второй половине 50-х годов минувшего столетия, т.е. в переломный период разоблачения культа личности и довольно слякотной оттепели. Учеба в этом необычном учебном заведении для творчески одаренных людей, в первую очередь, прививала им вкус, взгляд на художественную литературу как на глубокое философско-эстетическое явление. В разные годы здесь училось немало представителей абхазской творческой интеллигенции (более 30 человек). После окончания Литинститута В. Анкваб

прошел полный курс аспирантуры и защитил кандидатскую диссертацию. Она была посвящена творчеству известного абхазского певца аламыса Михаила Лакрба. Первое стихотворение Владимира Анкваб было опубликовано в 1954 г., а первый поэтический сборник «Моя горная река» вышел в 1958 году.

Отметим некоторые общие особенности поэзии Владимира Анкваб.

В ранних стихах поэта-ученого преобладала интимная лирика, где через субъективное «Я» автор выражал чувства и мироощущение своих сверстников. Несмотря на господствовавшую в то время официальную идеологию, Владимир Анкваб избегал «модных» тем, обращался к созерцанию закономерностей бытия своего народа. И поэтому в его творчестве почти нет стихов, основанных на ложном оптимизме и патетике, вследствие чего его лирика не пострадала в результате исторических и политических перемен. Характерно и то, что ни в юности, ни в зрелые годы поэт не гнался за количеством, ему была свойственна долгая и тщательная работа над словом. Писал только тогда, когда не мог не писать, не высказывать, для него это было не необходимостью, а потребностью, и эмоциональный накал, который присутствует в его произведениях, свидетельствует об этом.

Беспокойная лира поэта призывает к терпению и благоразумию, дабы сохранить абхазскую самость, сохранить главное богатство абхазов, которое пронесено через тернии веков – родной, неповторимый абхазский язык. Читателя подкупает этическая направленность поэтического мышления, насыщенность народной мудростью и искренность авторских слов. Темперамент родной речи, бесхитростность и душевность придают особый «аромат» стихотворениям. В них самые разнообразные краски, как окружающего мира, так и внутреннего мира человека.

Примечательно и то, что во многих стихах поэта маленькие и, казалось бы, банальные жизненные явления получили большую

эмоциональную и смысловую нагрузку. Они склоняют читателя к размышлениям о серьезных вопросах человеческого бытия. А в стихах на исторические темы поэт воспел такие черты родного народа, как мужество и стойкость, несгибаемая воля, моральная и нравственная чистота. В этом отношении показательны, например, стихотворения «Пицундская сосна», «На Бзыбском мосту (Баллада о Василии Лакоба)», «Каменная женщина (легенда)» и др. Они еще раз убеждают, насколько автор плоть от плоти своего народа и как ему важно, чтобы не прервалась связь времен. Видно, как много значит для поэта подпитка современности духовной мощью исторического прошлого своей земли. Глубокой сыновней любовью он любил отеческую землю предков. Тому явное подтверждение его поэтические строки:

Бзиа избоит сара Аԥсны
Сыԥсадгьыл ауп насгьы
Сызҳаит сан дсымамкәа
Убри сан лцынхәрасгьы!
Бзиа избоит избанзар,
Сиит сара араҟа!
Сгәы-сыԥсы иара иатәуп,
Сагьԥсыроуп араҟа!

Национальные традиции имели огромное значение в становлении творчества Вл. Анкваб. Его стихам веришь до глубины души, когда он говорит, обращаясь к Родине:

Лучше смерть в горах любимых,
Чем позор вдали от них!

Импульсивность и порывистость, присущие характеру поэта, достаточно ощутимы и ярко выражены в ряде его произведений.

Некоторым стихотворениям свойственна некая исповедальность, диктуемая состоянием или, по выражению Д. Лихачева, «сложнейшим механизмом – души человека» [1, с. 2], т.е. душой автора.

Поэт не ограничивался достигнутым, он оставался в творческом брожении, и эволюция таланта продолжалась, проявляя свою разносторонность. С годами в густоте лирики родились произведения, проникнутые лиро-эпическими мотивами, а позже в полном объеме и эпическим началом.

Владимир Анкваб внес существенный вклад в развитие жанров поэмы и романа в стихах абхазской литературы. В одном из наиболее интересных его произведений – романе в стихах «Абраскил» он сумел причудливо переплести факты реальной истории с образами народного героического эпоса, проходящими через века и тысячелетия. Образ Абраскила выражает борьбу непокорного абхазского народа за существование, сохранение самобытности, высокие идеалы. Надо признать, что идея произведения в отечественной литературе 60-х годов прошлого столетия стала новым словом и более решительным, чем произведения эпического жанра предшественников.

В романе в стихах мастерски слиты лирические и эпические начала. В ряде мест отчетлива связь повествования с родным преданием. Как отмечает С. Л. Зухба, «в сущности, автор выступает не только как художник, живописующий словом, но и как мыслитель-предсказатель» [3, с. 5]. «Поэт говорит свое наболевшее, волнующее, неотступно тревожащее» [3, с. 7]. Одним словом, «это стихотворное повествование — роман об абхазской судьбе, о судьбе страны Апсны» [3, с. 6].

Отдельной оценки заслуживают художественные переводы, осуществленные Вл. Анкваб, которыми он обогатил родную литературу, дав возможность абхазскому читателю на родном языке познакомиться с творчеством представителей братских

народов, таких как М. Чикатуев, К. Джегутанов, И. Машбаш и мн. др.

Не менее значителен вклад Владимира Анкваб в абхазскую литературную критику и литературоведение. В сборник «Абхазские новеллы», кроме самой монографической работы, вошли свыше десятка критических статей, очерков и рецензий, посвященных творчеству различных абхазских поэтов и писателей. В монографии «Становление и развитие абхазской прозы» автор «подвергает анализу все наиболее значительные произведения с момента возникновения абхазской прозы до конца 40-х годов, рассматривает пути развития жанров рассказа, повести и романа в нашей литературе, высказывает ряд тонких наблюдений» [5, с. 137]. Эти издания сыграли важную роль в становлении национальной критики и литературоведения.

Владимир Платонович, часто выступая в периодике со статьями и рецензиями по актуальным вопросам, принимал активное участие в дискуссиях по различным проблемам абхазской литературы. Его научные работы публиковались как в Сухуме, так и за ее пределами в изданиях различного уровня. В целях сохранения научного наследия ученого-литературоведа нами был подготовлен и в 2018 году издан сборник с названием «Человек не должен терять Отчизну».

Много времени, сил и знаний отдано В. Анкваб, являвшимся свыше десятка лет заведующим кафедрой абхазской литературы АГУ, разработке учебных программ вузовских курсов: по истории абхазской литературы, литературоведению, детской литературе. Его учебно-методические разработки и сегодня остаются основными базовыми документами в деле обучения специалистов по абхазскому языку и литературе.

Одним из основных направлений деятельности Владимира Анкваб было налаживание и укрепление связей между абхазской молодежью и представителями Северо-Кавказских брат-

ских республик. Впервые порог земли абазин Абазашты переступил он в июне 1954 году, с коллективом Абхазского драматического театра, в ауле Кубина. Кстати, и последний его приезд на землю абазин в марте 1987 года тоже был в Кубине. В 1956 году в стенах Литинститута молодой поэт познакомился с первым студентом и выпускником этого института из Карачаево-Черкессии, будущим народным поэтом КЧР Микаэлем Чикатуевым, кровное братство с которым сохранил на всю жизнь.

Также до конца своих дней он поддерживал тесные контакты со многими известными писателями, учеными и видными общественными деятелями абхазо-адыгской культуры. «Владимир Анкваб для абазин был самым дорогим и близким человеком. Более того, он был одним из основных связующих мостов между абхазами и абазинами: часто приезжал в Абазашту, сам приглашал к себе. Переводил на абхазский язык литературные произведения. Оказывал практическую помощь абазинской молодежи в поступлении в абхазский университет, где сам работал. Если кто-нибудь из абазин поступил в университет, то он, как ребенок, радовался, помогал ему в учебе» [4, с. 117], — отмечает известный поэт Дж. Лагучев.

Для преодоления разобщенности, в целях консолидации единства абхазо-абазинского подрастающего поколения и дальнейшего культурно-духовного развития, Владимир Платонович неоднократно со студентами университета посещал Абазашту, хотя было немало сил, препятствовавших этим связям. Но он, невзирая на трудности, следовал принципу своих поэтических строк:

Ҳара ҳаиҟәызтҳара
Амҩақәа аркызароуп.
Ҳашьхақәа инархырҳәҳәа
Ҳнапқәа еибаркызароуп!

Да, литература – носитель духовных ценностей, созданных человеком. И она проникнута великой любовью и благосклонностью к человеку. Без нее духовность утрачивает смысл. Эту мысль подтверждают еще раз и слова народного поэта Абхазии Виталия Амаршан: «Все течет, все меняется в этом суровом мире, все обращается в тлен — только духовный памятник остается».

Тому и явный пример — творческая деятельность выдающегося писателя, имя которого Владимир Платонович Анкваб.

Литература

1. *Авидзба В. Ш.* Фольклор и литеатура, занятые азгадкой, тайны души человека // Литературная газета «Ецваджаа». — 2012. — № 84-85.

2. *Саблин В.* Душа человека / Литературная газета «Ецваджаа». — 2019. — № 139.

3. *Салакая Ш. Х.* В бурном море неравнодушная // Литературная газета «Ецваджаа». — 2017. — № 130.

4. *Лагучев Д.* Слово о Владимире Анкваб // Неиссякаемый родник. — Сухум, 2019.

5. *Зухба С. Л.* Строки, согретые сердцем // Неиссякаемый родник (о Вл. Анкваб). — Сухум, 2019.

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ В КОНТЕКСТЕ АБХАЗСКОЙ ПОЭЗИИ (на материале творчества М. Т. Ласуриа)

Не зря Кайсын Кулиев писал о том, что «опыт мировой поэзии и искусства велик. Он драгоценен. Только бы пользоваться им» [5, с. 204]. Начиная с первой трети XIX в. стал повышаться интерес к Кавказскому краю не только государственных деятелей, военных, но и ученых, писателей, художников. Это время появления первых различного рода описаниий региона. В большинстве своем, они выполнены в форме краеведческих, военно-статистических и историко-географических обрисовок. Эти работы способствовали накоплению источниковой базы.

В познание Северного Кавказа свой вклад внесли путешественники, посещавшие край с разными целями. Также своеобразными путеводителями и энциклопедиями Северного Кавказа явились и произведения как русских, так и мировых классиков литературы, которые открыли для всего мира образ Кавказа. Многие из них, оказавшись на этой земле, изучали языки и культуру горских народов, создавали художественные тексты и образы, подмечая характерные черты людей, описывали города, географические объекты, старались реалистически отобразить красочный мир региона.

«Культура общения, основанная на длительной традиции, многолетнем накоплении опыта, охватывает многие стороны межнациональных отношений между горцами Кавказа. Это исторически признанный метод взаимопонимания и самосовершенствования отношений», — отмечают исследователи [5, с. 204–205].

С конца 50-х и начала 60-х годов прошлого столетия для поэтического мировосприятия абхазских поэтов стала характерна широта тематического кругозора. Для каждого, кто знаком с историей наших народов, это исторически оправданное явление, — они всегда имели общие интересы, но какое-то время были умышленно разобщены. Немало сил препятствовало связям, способствовавших их общему развитию. Но, независимо от трудностей, представители интеллигенции с той и другой стороны стремились всячески восстанавливать мосты братства. Некоторым из них удавалось по возможности что-то переводить, публиковать, бывать у своих братьев. Сложно сегодня зафиксировать и восстановить в деталях всю историю этого братского взаимодействия, но возможно и необходимо низко поклониться их памяти.

Проходят века, унося с собой многие приметы жизни, а творения великих поэтов возвращаются к людям с каждым новым поколением. Таким образом, нередко стихи абхазских мастеров художественного слова из вечнозеленой Абхазии переносят нас на центральные площади Нальчика, на вершину Домбая, в красивейшие ущелья рек Кубины и Баксана…

Пережитая Абхазией война, которую справедливо называют Отечественной, о которой написано и рассказано многое, стала для абхазского народа самым большим потрясением и испытанием за полтора века. Такие потрясения, безусловно, не могут не найти отражения в творчестве народа. Именно народ Абхазии вместе с добровольцами, пришедшими по первому зову нам на помощь, победил врага. Он нашел в себе силы преодолеть всё и выстоять.

Какое страшное зло — война! Как жестоко она ломает судьбы людей, сея вокруг смерть и разрушения, выжигая сердце невыносимой болью утраты! И как долго, на протяжении многих и многих лет и до наших дней, доносится ее эхо. Об этом застав-

ляет задуматься произведение народного поэта Абхазии Мушни Таевича Ласуриа «Отчизна» — роман в стихах, над которым он работал более десяти лет и который вышел на абхазском (2008) и русском (2018) языках.

«Отчизна» — душевный и духовный подвиг поэта. Он пропустил все, что происходило в Абхазии, через свое сердце, сумел снова это пережить и передать через художественное слово.

Каждая из 21-й глав произведения как отдельная поэма, а вместе они образуют роман в стихах. Многообразие отдельных глав не нарушает монолитности духовного памятника, наоборот — дает возможность с большей глубиной прочувствовать содержание каждой последующей главы, так как тема романа обжигает сердце и душу читателя.

«Поэтической летописью грузино-абхазской войны» [2, с. 414] назвал роман доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской Республики Адам Гутов.

Роман начинается с того, что развязывание грабительской войны в Абхазии застает семью главного героя, за образом которого угадывается сам автор, в Ессентуках. И поскольку не было возможности вернуться в Абхазию, которая оказалась заблокированной со всех сторон, он решает отправиться в столицу Кабардино-Балкарии, в Нальчик:

Мы мчались в Кабарду. Рассвет встречал
наш въезд туда. Был Нальчик на пути.
Решили в Дом правительства пойти.
Шестнадцатое августа. Рассвет [4, с. 19].

На площади уже проходил многотысячный митинг, организованный добровольцами, желавшими ехать в Абхазию. Вот как описывает эти события автор:

А в Нальчике митинг –
И множится гул.
Растет возмущенье
Могучей волной.
В защиту Абхазии
Встали друзья.
Их боль и страданье
Не видеть нельзя.
Не полнились гневом
Таким никогда,
Вскипая под небом,
Ярясь, Кабарда…
Великое братство!
Единством сильны,
И множился лозунг:
«Апсны – Кабарда!» [4, с. 19–21]

Лидер народного движения Заур Налоев предоставляет слово Мушни Таевичу, и он произносит в адрес храбрых добровольцев слова благодарности:

Предание о Нартах – наш Закон,
Мы будем вместе до конца времен!
И я скажу открыто, не смолчу:
Стояли мы всегда плечом к плечу.
Мы – два народа, и для нас, для двух
Свята свобода! Свят геройства дух!
У нас едины доблесть и очаг,
Едины честь и древний отчий двор! [4, с. 23]

Также на митинге выступает руководитель республики Валерий Коков, который сообщает участникам о своем телефонном

разговоре с Э. Шеварнадзе и о твердо заявленной ему своей позиции:

«Абхазы – нам родня,
Вскипает Кабарда день ото дня» [4, с. 27–28].

Одним словом, автор свидетельствует о том, как в Кабарде, в Нальчике, восприняли весть о войне жители — от простых горожан до государственных деятелей, как они повели себя, выражая готовность помочь братьям… Он также воздает должное всем тем, кто в час жестокого испытания первыми протянули руку помощи Абхазии. С глубоким уважением повествует о добровольцах, братьях с Северного Кавказа, со всех концов России, из дальнего зарубежья, пришедших, без тени сомнения «безоружными, но вооруженными жаждой справедливости, здесь сформировались в боевые формирования и плечом к плечу с сынами Абхазии стали на защиту свободы и справедливости. И если голос поэта – это голос народа, то строки в романе, посвященные им, выражают всю глубину признательности, которую питают ныне абхазы к памяти тех адыгских, чеченских, русских, армянских и многих других ребят, которые своей жизни не пожалели ради спасения их жизней» (Гутов А.) [2, с. 421]. Каждый из них готов был выступить в защиту тех высоких принципов, благодаря которым Кавказ славен в мире как край благородных рыцарей.

В XVII главе романа помещено стихотворение, озаглавленное «Я твой сын, Кабарда», которое Н. Орлова назвала «поэтическим шедевром» [3, с. 409]. В нем, выражаясь словами доктора филологических наук А. Гутова, «обобщенный образ героев-добровольцев персонифицирован как сын Кабарды…» [2, с. 421–422]:

Пал от вражеской пули
От отчизны вдали.
Жизнь отваги просила –
Не печалься, отец!
Мне б лежать у Баксана –
Здесь шумит Гумиста.
Я погиб под Сухумом,
К Кабарде головой…
<…>
Я убит под Сухумом,
Я твой сын, Кабарда [4, с. 342–344].

Многие из нас видели, знали и знаем этих героев, тех, которые ставили выше собственного блага честь и достоинство.

Значительное внимание в произведении уделено местам, где разворачивались важнейшие события Отечественной войны. Гагра, где шли ожесточенные бои в начале войны; река Гумиста, где проходила линия фронта; озеро Рица, куда спускались добровольцы через перевал; село Лата, над которым был сбит вертолет с женщинами, детьми и ранеными; село Лыхны — священная поляна народных сходов; село Эшера — малая Родина народного вождя Владислава Ардзинба и т.д.

Одним словом, «Отчизна» — это гимн многонародному Кавказу:

Кавказ, Кавказ, столетия идут –
А ты незыблем – ты навеки тут!
Достоин ты, Кавказ, высоких слов –
Обитель славы и гнездо орлов!
Кавказ, тебе столь многое дано!
Ты – боль Вселенной и сердечный пыл.
Ты слово Божье сердцем принимал
Издревле, царство мудрости, Кавказ! [4, с. 211]

Приведенные строки подтверждают слова Б. Пастернака, сказанные в ответ на вопрос «Чем люди живы?»: «Любовью, братством, трудом, правдой. Не насилием, не ненавистью, не звериной злобой» [1, с. 227].

М. Т. Ласуриа завершает свой роман строками о лозе — кавказском символе жизни. Поэт смотрит в будущее, раскрывая свое отношение к новому поколению. Жизнь продолжается там, где уже тридцать лет воткнут в землю победный кинжал войны.

Литература

1. *Войцеховская – Брендель О.Е.* Наслаждение творчеством поэта /Журнал «Сухум». — 2018. — №3.

2. *Гутов А.* Добро победит / Отчизна. Роман в стихах. — Сухум – Москва, 2018.

3. *Орлова Н.* Даль свободного романа… / М. Ласурия // Отчизна. —Сухум – Москва, 2018.

4. *Ласуриа М. Т.* Отчизна. Роман в стихах. — Сухум – Москва, 2018.

5. *Эфендиев Ф. С., Эфендиев С. И.* Абхазия и Кабардино-Балкария в советское время // Война и мир в истории Кавказа. Материалы Международной научной конференции, посвященной 20-летию Победы народа Абхазии в Отечественной войне 1992-1993 гг. (24-26 сентября 2013 г.). — Сухум, 2016.

ПОЭЗИЯ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО САМОСОЗНАНИЯ

История развивается по объективным законам, но творят ее люди. А процесс протекания во многом зависит как от чиновничьей, так и от творческой элиты страны.

В душе каждого живет невыразимое, которое остается за пределами речи. Невыразимое – это слова неизреченные, о которых нам глаголет Священное писание. Поэт своим словом помогает людям полнее ощущать сие невыразимое, ибо в невыразимом – истинная жизнь, истинное бессмертие, истинная поэзия, в конце концов, которая и есть предельное выражение личности. Одним словом, поэзия – это не удовлетворение личных псевдо-культурных нужд, а неожиданность, то есть это не то, что нужно, а то, без чего невозможно.

Народ, поющий чужие песни, подсознательно совершает выбор между категориями «своего» и «чужого» в пользу последнего. Духовная полноценность нации как раз и определяется не столько ее умением копировать образцы чужого кино, музыки, литературы и прочего, сколько способностью создавать самоценные произведения искусства, опирающиеся на особенности собственного менталитета, использующие лучшие наработки национальной культуры и выражающие душу родного народа. Именно этим ценны для человечества Пушкин, Гамзатов, Кулиев, Гулиа и многие другие столь же яркие представители национальных литератур.

Каждый мастер художественной словесности одарен от рождения способностью органичного слияния со своим народом,

осознанием себя голосом его коллективной души. «Известно, что любого писателя во многом определяет место, где он появился на свет, его родина, первые шаги по отеческой земле, первые слова, произнесенные на материнском языке, первые собственные открытия окружающего мира. Недаром говорят, что в раннем детстве все мы получаем три четверти знаний, которые дано обрести до конца жизни. И насколько ярки и необычны эти детские впечатления и открытия, настолько и своеобразным может стать творчество будущего поэта и прозаика» [7, с. 11].

У истинных поэтов каждое стихотворение – это след соприкосновения души с жизнью. Это всплески и царапины, обоняния, зрения, слуха со всеми отпечатками характерного и национального.

Понятие национального своеобразия в жизни и в искусстве многомерно, исторически подвижно, и в силу этого суть его иногда трудно уловима. Однако очевидно, что суть национального «в значительной мере определяется особенностями национального характера, писатель не может не воплотить национальный характер в своем творчестве» [6, с. 183].

«Д. Гулиа – абхаз, Р. Гамзатов – аварец, К. Кулиев – балкарец. Т. Керашев – адыг… Прочитав их произведения, можно убедиться в том, что они пронизаны культурой, взглядом, ощущениями земли, неба и воды, мировидением, свойственным представителю их народов. Хотя каждый из них индивидуален в своем творчестве. Эта индивидуальность определяется силой их природного дарования, уровнем культуры, широтой художественного и интеллектуального кругозора, глубиной социального мышления, свободным ориентированием в богатствах мировой литературы, энциклопедической образованностью, оригинальным осмыслением духовного опыта человечества».

Основоположник научного изучения горских языков Кавказа П. К. Услар еще во второй половине XIX века, «принимая язык за

основную индивидуальность народа, выражающий своеобразный склад его мысли и чувства, писал: «Утрата индивидуальности как отдельного человека, так и для целого народа равносильна смерти… Индивидуальность народа обуславливается особенностью ее языка и особенностью его склада понятий, его цивилизации.

Скольким бы языкам мы ни учились, ни один не запечатляется в целом духовном мире нашем так глубоко, как язык родной, – язык, которым непосредственно выражается своеобразный склад наших понятий…» [3, с. 94].

Каждый поэт – это вестник, посланный на Землю Всевышним для того, чтобы донести до людей некую жизненно важную информацию, своего рода откровение на родном – материнском языке, способное изменить жизнь землян и расширить горизонты понимания ими как непосредственно окружающего их природного мира, так и смысла их собственного бытия на этой планете. Такую весть несут своими стихами и современные абхазские поэты, как: народный поэт Абхазии, лауреат международных премий М. Ласуриа; известный публицист, академик В. Зантариа; государственный и общественный деятель, лауреат премии им. Н. Джусойтты Г. Аламиа и многие другие, чья творческая индивидуальность соответствует пониманию В. Г. Белинского о поэте: «Поэтом может быть человек, обладающий наряду с талантом, следующими главными качествами – умом, источником идей, богатой натурой и сильной личностью» [2, с. 180].

Выше названные мастера слова и их коллеги, независимо от любой конъюнктуры, масштабно понимая значение функционирования малочисленного родного этноса, сохранения общечеловеческого культурного наследия и гражданской идентичности в этом сложном быстроменяющемся мире, успешно продолжают работать на литературном поприще. В подтекстах их поэтических произведений звучит мысль об эффективном исполь-

зовании всего национально-культурного арсенала как новая современная модель, ориентированная на сохранение системы ценностей человечества.

Особый интерес представляет поэтическая речь данных авторов, так как имеют особое художественное видение мира и специфические способы философско-языковой репрезентации поэтов, что соответствует мысли В. Гумбольдта о том, что «языку присуща специфическая для каждого этноса (народа) внутренняя форма, которая является выражением его культуры и особого видения мира» [4, с. 137]. Тем более, когда тот язык, выражаясь словами академика Н. Я. Марра: «…и в настоящем состоянии представляет строй речи, систему более архаичную, чем язык шумерских клинописных надписей, имеющих изначальную дату почти шесть тысяч лет» [5, с. 255].

Да, очевидно, что основой творчества абхазских, как и всех национальных поэтов, являются этнические истоки, где красной нитью проходит связь личного с общими проблемами человеческого бытия, поиска смысла жизни, нравственного поведения и отношения к миру. Многое из пейзажной, философской или же гражданской тематики поэтов, могут стать самой настоящей энциклопедией сегодняшней жизни, дающей яркое представление о том, на каком фоне вынуждены протекать и развиваться такие стороны нашей личной жизни, как гражданское становление, творческая реализация, обретение настоящей любви, семейные отношения и им подобные.

И, может быть, в этом и есть изюминка поэзии, которая снова и снова проводит нас по одним и тем же дорогам, чтобы мы, в конце концов, поняли, для чего же творец посылает нас на эту землю.

Не зря говорят, что Вселенная всегда уравновешена. На любую силу найдется всегда противосила. В задачу всякого настоящего поэта входит возвращение людям утраченной ими способ-

ности видеть вокруг себя Красоту и Добро, умение различать в тягучем повседневном быте черты Вечности.

Не каждому дано разобраться в невероятно сложном мире, в его тайнах и хитросплетениях, и для того-то в мир и посылаются поэты, чтобы своим словом сделать его понятнее и ближе каждому. Да и как может быть иначе, если жизнеобразующим материалом этого мира является Слово, а поэты как раз его мастера, творцы и реформаторы… Слово несет в себе ни много ни мало – программу бытия каждого народа в Вечности, код его исторического предназначения на Земле.

Как отмечал Чернышевский, «жизнь – это не тротуар Невского проспекта, она не бывает абсолютно безоблачной, прямой и всегда одинаковой» [8, с. 46–47]. Это извилистая, скользкая горная тропа и невероятно интересная для изучения, и в этом одной из составляющих является Поэзия.

«Стихи не пишут, не слагают
И не рождают, как дитя…
Слова у неба забирают,
В земную суть в строке сбирают,
А в строках – время и судьба» – пишет один из современных русских поэтов Александр Амусин [1, с. 17].

Литература

1. Амусин А. «Стихи не пишут, не слагают…» // Литературная газета. – № 7 (80). – 2016. – С. 17.

2. Белинский В. Г. О поэте // Избранные труды. – М., 1976. – С. 180.

3. Габуниа З. М., Улимбашева Э. Ю. Биллингвиальное образование как часть межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация как миросозидающий факт языка. – Нальчик, 2005. – С. 94.

4. Гумбольдт В. О культуре // Избранные работы. – М., 1985. – С. 137.

5. Думаа К. Трагические последствия распада СССР // Журнал литературы, науки и публицистики «Сухум». – № 3. – 2020. – С. 255.

6. Калачева С. В. Неправомерность исторического развития и национальная традиция в литературе // Литературный процесс. – М., 1980. – С. 183.

7. Федоров В. «Я смотрю на мир глазами эвена…» // Литературная газета. – № 3 (76). – 2016. – С. 11.

8. Чкок-Эшба Э. С верой в будущее // Журнал литературы, науки и публицистики «Сухум». – № 3. – 2020. С. 46–47.

ГАЗЕТА «АПСНЫ» (1919-1920 гг.) В КОНТЕКСТЕ АБХАЗСКОЙ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

«Ничто не является вдруг, ничто не рождается готовым, но все, имеющее идею своим исходным пунктом, развивается по моментам, движется диалектически, из низшей ступени переходя на высшую. Этот непреложный закон мы видим и в природе, и в человеке…» [1, с. 118–119], – писал В. Г. Белинский, рассуждая о закономерностях осуществления того или иного национально значимого явления.

Национально-художественное пробуждение находит свое выражение в широкой деятельности одного или нескольких творцов. Они с наибольшей полнотой воплощают творческую энергию своего народа, его интересы, мечты и стремления. Первые просветители были не только писателями, они одновременно были философами, историками, публицистами, фольклористами, лингвистами, педагогами, общественными деятелями.

И основоположник абхазской литературы Дмитрий Иосифович Гулиа, создавший основу национальной духовной культуры, относится к числу именно таких многогранных творцов, вобравших в себя все сокровища философского мышления родного народа.

В своей автобиографии он писал: «Стоять у истоков и хорошо и плохо. Когда вокруг тебя пусто – что ни сделай, все нужно и важно. Но при этом невольно приходится распыляться: и то надо сделать и это» [6, с. 184–185]. Да, наследство Дмитрия Гулиа богато и многообразно.

Просвещение родного народа – вот цель, которую ставил он перед собой. Конечно же, жизнь людей творческих отличается сложностью. «И судьба Дмитрия Иосифовича не исключение. В своей жизни он неоднократно оказывался между беспощадными жерновами исторических обстоятельств» [2, с. 179]. Но, говоря словами одного из исследователей его творчества, академика Ш. Х. Салакая, «…особое его положение обязывало к нестандартному образу действий: любой свой шаг он должен был продумать, всестороннее взвесить и точно сбалансировать, а не идти напролом, влобовую. В противном случае обвинения против него, в отличие от любого другого члена общества, пусть даже самого высокопоставленного, могли обернуться непоправимой трагедией не только и не столько для него персонально, сколько для его народа в целом» [8, с. 193].

Забегая вперед, смело можно сказать, что он свою миссию – просвещение народа – выполнил с честью во всех своих начинаниях.

Одним из основных направлений его кипучей деятельности являлся подъем национального самосознания своего народа. Чтобы объединить разрозненные силы и без того малочисленной интеллигенции, назрела необходимость создания печатного органа на абхазском языке. И вот в конце второго десятилетия XX века для него и поддерживавшей его группы большой удачей явилось получение от меньшевистских властей разрешения на издание первой газеты на абхазском языке. Она начала выходить 27 февраля 1919 года под названием «Апсны» («Абхазия»).

Возникновение периодической печати на родном языке стало выдающимся событием в истории культуры абхазского народа. Как известно, во время революционных событий, когда рушились старые и их место занимали новые общественные отношения, очень бурно росло и преобразовывалось национальное самосознание малочисленных народов. В этих условиях большую

роль должна была сыграть газета «Апсны». Выходила она около двух лет в течение 1919–1920 гг. и официально была разрешена как издание литературного характера. Организационными работами по ее изданию и редактированием занимался Дмитрий Гулиа.

В первом номере, поздравляя своих соотечественников с выходом национального печатного органа, он писал: «Сегодняшний день, 27 февраля, для нас, абхазцев, весьма знаменательный день. Он выше всех праздничных дней, так как вышла в свет первая абхазская газета «Апсны», которая до сегодняшнего дня не выходила на родном языке. И мы получили возможность, которую не имели никогда, несмотря на то что абхазская письменность существует уже около 60 лет… Абхазцы говорят: «День прибавился на один прыжок оленя». Так и мы сегодня продвинулись вперед на один олений прыжок… Теперь, бог даст, не пропадем, если в должной мере сможем использовать это новое приобретение.

Она – знамя для нас… Абхазцы, где бы вы ни были, объединяйтесь под этим знаменем!» [3, с. 102–103].

В воспоминаниях сына патриарха абхазской литературы, Георгия Дмитриевича, читаем: «Отец принес домой свежий номер газеты, отпечатанный на оберточной бумаге. Расцеловал нас, поздравил, словно в праздник, и дал каждому из нас подержать его в руках.

— Ну, берегись! – погрозил он кому-то кулаком. – Теперь есть у нас газета.

Отец все читал и перечитывал газету. Ему словно не верилось, что в руках у него и в самом деле абхазская газета…» [5, с. 192].

Как выше отмечалось, разрешение было получено на издание газеты литературного характера, которая должна была объединять начинающих молодых абхазских писателей и печатать

произведения первых сельских корреспондентов — селькоров. В своих мемуарах Дмитрий Гулиа так писал об ее целях и задачах: «Газета эта, можно сказать, была по преимуществу литературной, где помещали молодые поэты свои произведения: стихи, рассказы, пьесы и др. Такой характер ей был придан, чтобы она не сделалась орудием меньшевиков…» [7, с. 416].

Но с первых же номеров газета вышла за узколитературные рамки и стала общественно-политическим и культурно-просветительным органом, выступала с довольно острыми критическими заметками и статьями на злободневные темы. Она распространялась ее агентами по всей Абхазии. И народ, постепенно понимая цели издания, принимал свою газету. А основатель, пропагандируя просвещение народа, почти в каждом номере призывал учителей: «Владеющие грамотой, работайте не покладая рук. Неграмотных обучайте грамоте, читайте им, направляйте их к свету знания, используя газетное слово» [9, с. 21].

С каждым разом газета сплачивала вокруг себя представителей абхазской интеллигенции. На ее страницах все чаще выступали с публицистическими статьями разной тематики преподаватели и общественные деятели: Дм. Аланиа, Эл. Ачба, Н. Патейпа, Ш. Емхаа, М. Булиа и многие другие. Они поднимали вопросы просвещения, борьбы с вредными, старыми обычаями, мешающими культурному и экономическому росту абхазского народа.

Газета часто печатала статьи о судьбе Родины. Как известно, для того чтобы завоевать политическую и экономическую самостоятельность, надо, в первую очередь, позаботиться о росте национальной интеллигенции, которая могла бы управлять страной и вести ее по намеченному пути. Такая идея проводилась почти во всех статьях, посвященных дальнейшей судьбе абхазского народа.

Также, на страницах газеты «Апсны» часто публиковались фольклорные тексты, записанные по инициативе Дмитрия Иосифовича учителями и слушателями Сухумской учительской семинарии, где он преподавал абхазский язык.

В это же время в газете на литературное поприще ступает известный общественный и государственный деятель, основоположник национальной абхазской драматургии, самый ближайший соратник Дмитрия Гулиа Самсон Яковлевич Чанба. На полосах «Апсны» опубликованы такие его произведения, как поэма «Она была чудесно прекрасной» и первая абхазская оригинальная драма «Амхаджир». Одновременно с художественными произведениями С. Чанба помещает в абхазской газете острые публицистические статьи, направленные против антинародной политики меньшевиков.

В своих выступлениях С. Чанба также большое значение придавал родиноведению, т.е. изучению исторических и архитектурных памятников Абхазии.

С первых же номеров на страницах абхазской газеты начинают печататься и молодые авторы. Среди них появившийся в 20-е годы XX века на небосклоне абхазской поэзии яркой звездой, но, к большому сожалению, проживший всего неполных двадцать пять лет поэт Иуа Когониа. Вслед за ним начинают появляться имена молодых авторов, которые в дальнейшем стали видными абхазскими писателями, таких как Михаил Лакрба, Мушни Хашба, Дзадз Дарсалиа, Шамил Хокерба, Платон Чкадуа и другие.

Начинающим авторам Дмитрий Гулиа оказывал всестороннюю помощь: читал их рукописи, редактировал, а затем лучшие из них печатал в газете. Помещенные на страницах «Апсны» пробы пера, хотя художественно были слабы и маловыразительны, но, звучавшие молодо и энергично, вдохновляли учителя. Об этом он писал в статье, посвященной разбору

первого номера рукописного журнала «Шарпы-ецва» («Утренняя звезда»), издававшегося литературным кружком, организованным Дмитрием Гулиа в Сухумской учительской семинарии: «23 ноября 1919 года наши питомцы читали свой журнал «Шарпы-ецва», и с тех пор я убедился, что мой труд не пропал даром, посев показал свои живительные всходы. «Увидел я яркую утреннюю звезду»; надо полагать, что скоро станет светло. И на душе стало легко, надежды окрыляют. Будьте счастливы, дадраа…» [4, с. 56].

Газета «Апсны» просуществовала неполных два года. За это время вышло 85 номеров. Затем она была закрыта меньшевистским правительством, которое оказалось «Временным». После установления советской власти, с 20 апреля 1921 г., она начала издаваться… но это уже другая история.

Первая абхазская газета сделала свое дело — содействовала дальнейшему развитию периодической печати на родном языке, послужила толчком к развитию абхазского литературного языка и сыграла немаловажную роль в зарождении и становлении абхазской художественной литературы — главного стержня национальной духовной культуры.

Литература

1. *Авидзба В. Ш.* Особенности Кавказского просветительства XIX–XX вв. // Литературные горизонты. — Сухум, 2016.

2. *Авидзба В. Ш.* Сын Апсны // Литературные горизонты. — Сухум, 2016.

3. *Агрба В. Б.* Абхазская поэзия революционных лет и 20-х годов и ее связи с фольклором (1917–1930 гг.) / Абхазская поэзия и устное народное творчество. — Тбилиси, 1970.

4. *Бгажба Х. С.* Дмитрий Гулиа // Труды. Кн. 1. Этюды и исследования. — Сухуми, 1987.

5. *Бебиа Е. Гь.* Ҳажәлар рҽахәҳәага // Живая память. — М., 2008.

6. *Гулиа Д.* Сочинения. Т. 4. — Сухуми, 1962.

7. *Гулиа Д.* Несколько слов об абхазской литературе (Воспоминания) / Сочинения. — Сухум: Алашарбага, 2003.

8. *Салакая Ш. Х.* Мудрость и дальновидность патриарха // Аҟәа-Сухум. — 2004. — № 1.

9. Очерки истории абхазской литературы (под редакцией Х. С. Бгажба и Ш. Х. Салакая). — Сухуми, 1974.

АБХАЗИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ К. Г. ПАУСТОВСКОГО
(Повесть «Бросок на юг»)

Константин Георгиевич Паустовский принадлежит к числу тех писателей, творчество которых сыграло важную роль в развитии русской литературы.

Творчество К. Г. Паустовского талантливо выразило характерные эстетические тенденции в литературе.

«Я человек с длинной жизнью»[1] *(с. 217)*, – подчеркнул Паустовский в повести «Бросок на юг». Эти слова в равной степени можно отнести и к его биографии.

Будить в человеке человеческое, напоминать ему о добре, справедливости и чести, — в этом писатель видел свой гражданский долг.

Прекрасное в человеке, в творческом труде, в искусстве, прекрасное в природе — постоянные темы творчества Паустовскогов 30-е годы. Обращение к этим темам было для писателя выполнением общественного социального заказа: «Идея о том, что человек нашего времени, детище революции, должен обладать не только высокими качествами, которыми в прежнее время были наделены только отдельные выдающиеся люди, но и духовными богатствами всех предыдущих эпох и всех стран, казалась мне бесспорной» *(с. 558)*.

В своих сочинениях 50–60-х годов прошлого столетия К. Г. Паустовский снова и снова заострял мысль о том, что красота и романтика реальной жизни беспредельны, что реальная жизнь выше и значительней самого прекрасного вымысла. Это

[1] Здесь и далее цит. по изд.: Паустовский К. Г. Собр. соч. — М., 1969.

убеждение ярко отразилось и в повести «Бросок на юг», вышедшей в 1960 году в журнале «Октябрь».

Впервые К. Паустовский посетил Абхазию в начале 1922 года. Как он сам писал, ему «не давала покоя муза дальних странствий», и он из Одессы приехал в Сухум. «Я решил сойти на берег, чего бы это ни стоило. И не только сойти на берег, но и остаться здесь. Мне казалось, что если я сойду, то сбудутся мечты моего детства. Мечты о том, чтобы... прикоснуться к ворсистым стволам... пальм, к изумрудной коре бамбука».

Позже Константин Паустовский не раз совершал поездки по Кавказу.

Первое знакомство с Абхазией он описал в пятой части («Бросок на юг») своей автобиографической «Повести о жизни», состоящей из шести частей.

В «Броске на юг» Абхазия получила яркое отражение, хотя многочисленные фрагменты об этой стране разбросаны по его произведениям. Так, например, в романе «Романтики» (1916–1923) имеется глава «Ночная встреча», действие которой разворачивается на пути из Батума в Абхазию и в городе Сухуме; небольшая глава романа «Блистающие облака» (1929) посвящена впечатлениям, полученным писателем в Абхазии во время его путешествия по Кавказу в 1925–1927 годах. Также в ряде рассказов («Простой человек», «Черноморское солнце» и др.) К. Паустовский с любовью вспоминает об увиденном и услышанном в Абхазии.

«Бросок на юг» был написан в 1959–1960 гг., спустя четыре десятка лет после того, как Паустовский побывал в этом путешествии. Тем более удивляет живой, искрящий красками, пронизанный запахами язык, что свидетельствует о том, какое сильное впечатление произвела на автора поездка в Абхазию.

Константин Паустовский с упоением отдается воспроизведению кавказского колорита. Вся роскошь южной природы и соч-

ные подробности быта обрушиваются на читателя так щедро, что иногда кажутся чрезмерными.

Проследим за тем, как Константин Георгиевич создает образ Абхазии. Мировосприятию Константина Паустовского присуще глубокое и эмоциональное отношение к природе. Приближаясь к побережью на пароходе, он определяет свое первое впечатление как феерическое, сразу же подчеркивая внешнюю экзотику незнакомого берега.

Далее К. Г. Паустовский рассказывает о том, как он, одевшись, быстро вышел на палубу, где от запаха разнообразной тропической растительности почувствовал легкое головокружение.

Сбылась его мечта — несмотря на карантинный запрет, он высадился в Сухумском порту. Вот первые впечатления об абхазцах, увиденных им: «...першило горло от табачной пыли. Через борт лениво заглядывала малахитовая волна. Грузчики-абхазцы с хищными лицами яростно кричали. Пыльные мешки были гордо обвязаны вокруг их голов. Мне показалось, что грузчики собираются выбросить меня в море. Но смотритель порта крикнул им что-то по-абхазски. Они сразу успокоились и даже угостили меня табаком «самсун». От этого табака у меня на несколько секунд остановилось дыхание. Солнце завертелось в небе. Абхазцы сочувственно покачали головами и нехотя взялись за тяжелые весла».

Оставив все свое «имущество» на пароходе, на турецкой грузовой лодке (их называли «могунами») писатель направляется к таинственному берегу, так поразившему своим великолепием его воображение.

Абхазцы казались Паустовскому загадочными. «Большей частью это были люди сухощавые и клокочущие, как орлы… Почти у всех абхазцев были профили, достойные, чтобы их отлить из бронзы».

На берегу в незнакомом городе К. Паустовский попадает в непривычную обстановку, в которой пытается разобраться. Осложняется все и тем, что он оказался среди людей, говорящих на непонятном ему языке, и в городе у него не было знакомых, способных помочь ему в понимании происходящего вокруг.

Говоря о причинах загадочного карантина в Сухуме, писатель рисует картину политической и экономической обстановки в первый год после установления советской власти в республике.

Наблюдая жизнь в Сухуме, он пишет, что «Советская власть в Абхазии была установлена совсем недавно. Старое перемешалось с новым, как перемешиваются вещи в корзине от сильного толчка» *(*с. *222)*.

По признанию К. Паустовского, все способствовало тому, что он «постоянно терял веру в действительность того, что происходило вокруг», и это «расшатывало чувство времени и обстановки» в его сознании.

Абхазия со всех сторон, кроме моря, была окружена областями, в которых свирепствовала эпидемия сыпняка. Дороги со стороны Сочи и Аджарии были взорваны во время гражданской войны и загромождены обвалами. С севера Абхазию отгораживал Главный хребет. Единственный морской путь был отрезан, власти объявили карантин. Таким образом, Абхазия существовала отдельным островом, отгородившись от остального мира.

«А между тем по… соседним землям ширился слух о существовании на кавказском берегу маленького рая с фантастическим изобилием продуктов и волшебным климатом. Все рвались в этот рай…

Этот рай назывался Абхазией» *(*с. *223–224)*. По словам автора, об Абхазии мало что было известно русскому читателю, «кроме чеховской «Дуэли».

Произведение «Бросок на юг», в котором рассказано главным образом о жизни абхазской столицы, имеет значительный общественный и научный интерес.

Выросший в России, среди ее тихой, спокойной природы, Константин Паустовский был поражен всем, что ему открывалось в Абхазии. Естественно, потому что все здесь казалось ему «чужим — и горы, и реки, и растительность, и народ» *(с. 224)*.

Чтобы освоиться в Сухуме, К. Паустовский один совершал пешие прогулки по окрестностям, наблюдая природу и людей. Его поражало соседство древней растительности, существовавшей здесь тысячи лет, с новой, пересаженной из других стран учеными-ботаниками и любителями. Это соседство еще более увеличивало ощущение загадочности незнакомой земли.

Боясь, как бы его не вернули на пароход, К. Паустовский ушел от набережной подальше. Так и добрел он до горы Чернявского, где кончались жилые дома. Здесь, в последнем доме, он поселился у семидесятилетней мадмуазель Генриетты Францевны Жолю, в самом сухом месте города, где «в белом горном доме с низкими потолками — тонкая тишина. Синим льдом сверкают, как только что расколотый сахар, тяжелые горы. Золотым дождем цветет за оконцами пряная мимоза, и воспаленное солнце ложится в тусклое, задымленное море. Горный дом уже стар, и в широких щелях полов потрескивают по вечерам сердитые скорпионы... Этот дом утопал в зарослях высоких и душистых азалий, а позади темнела стена лакированной бамбуковой рощи». В письме к невесте от 11 февраля 1922 года Паустовский писал: «В саду около комнаты растут громадные кактусы, бананы и мандарины. За окнами — море (здесь необычайные закаты) и синие громады гор. Поют арбы, и по улицам ходят страшные, но безобидные, как дети, абхазцы в бурках, с повязанными черными башлыками... Здесь море густое, душистое... по вечерам виден анатолийский берег... Нравы здесь патриархальные, когда здороваются, касаются правой рукой земли».

Не менее загадочно рисуется К. Паустовскому и народ, населяющий Сухум и его окрестности. Мужчин он наделяет такими романтическими чертами, как гордость, вспыльчивость, рыцарская честность, угрюмость и неторопливость. По мнению К. Паустовского, работали здесь женщины, и в тридцать лет они выглядели уже старухами. Остро сопереживая, пишет он о том, как мужчины гарцевали на своих тонконогих конях, а женщины плелись пешком, навьюченные тяжестью, и в страхе отказывались от помощи.

Почти на каждой странице повествования К. Паустовского об Абхазии мы наталкиваемся на эпитеты «таинственная», «загадочная», «странная», которые характеризуют его отношение к стране, поразившей его до такой степени, что под впечатлением он испытывал «недолгое и странное расслабление чувства реальности», которое завладело им в начале сухумской жизни.

Страна «была щедрой и непонятной. Здесь веками слагался удивительный быт. Страна была закована в него, как в кольчугу» *(с. 232)*.

С удивлением наблюдал К. Паустовский этот быт. Все здесь казалось ему странным. И посетители духана, встающие при появлении князя Шервашидзе, и просветительская деятельность Дмитрия Гулиа, который создал абхазскую письменность и открыл первый передвижной театр на арбах, и отсутствие советских денег, и употребление турецких лир, и связки окаменевших московских баранок, которые стоили огромных денег. Слухи о кровной мести и судилищах старцев, о первом съезде Советов, на который в качестве представителей выбирали тех, кто мог незаметно увести самого горячего коня — вся эта разноликая и чуждая К. Паустовскому жизнь лишала его ощущения времени и места.

Странными и непонятными кажутся К. Паустовскому и люди, живущие в этом таинственном крае. Древний кавказский обы-

чай кровной мести обескураживает его своей жестокостью. Но социальные перемены не успели еще так глубоко укорениться в сознании местных жителей, чтобы изменить бытующие привычки, т.е. пока не в состоянии разрушить то, что утвердилось и существует веками. И вскоре происходит событие, потрясенным свидетелем которого становится сам Константин Георгиевич.

Однажды с писателем Бабелем, прибывшим из Батума на несколько дней, они ехали на мальпосте в Новый Афон.

Так, путешествуя на мальпосте, наслаждаясь необычным обликом и манерами своих попутчиков, жарой и созревшей шелковицей, К. Паустовский видит обгоняющего мальпост малого всадника неправдоподобной красоты. Всадником оказался Инал-ипа, комиссар чрезвычайной комиссии, которого узнали его попутчики. Через некоторое время, когда мальпост подъезжал к селению Эшеры, донесся треск пистолетных выстрелов. Всем хотелось узнать, что случилось.

«Все население толпилось на улице. Женщины голосили, стоя на пороге домов, царапали себе в кровь лица и рвали волосы» *(*с. *243–244)*. Мужчины торопливо шли к сельской площади. Когда «пассажиры» мальпоста тоже подошли к площади, под огромным вязом лежал юноша лет пятнадцати, убитый в результате перестрелки враждующих между собой Инал-ипа и Эмухвари.

В этом грустном рассказе, изображающем одну из обычных и нередких для прошлой Абхазии душераздирающих картин, Константин Паустовский удивительно точно сохранил все детали и подробности, характерные для абхазских траурных обрядов. Нельзя не верить писателю, потому что он не упустил ни одного даже мелкого штриха. Именно так ведут себя абхазцы в подобных случаях, и наблюдательный художник одаренной рукой, пожалуй, с натуры срисовал эту зловещую картину, которая оставила неизгладимый след в душе писателя.

За Эшерой дорога была разбита, и дальше К. Паустовский с Бабелем, погруженные в молчание, отправились пешком.

Но жизнь не прекращается со смертью одного человека. К. Паустовский вновь и вновь возвращается к описанию своих впечатлений от маленькой Абхазской республики с ее тяжелым сырым воздухом и сплошными зарослями незнакомой растительности. Вскоре у писателя начинается малярия. Болезнь еще более обостряет то состояние, которое К. Паустовский называет потерей чувства реальности. В его сознании Абхазия приобретает еще более фантастические черты, причудливые формы её действительности теряют свою колоритность.

Болезнь не только обостряет игру воображения К. Паустовского, но и приводит к тому, что появляются люди, которые проявляют к нему сочувствие и пытаются облегчить его состояние. Рывкин (они познакомились в духане) приводит молодого врача-невропатолога по фамилии Самойлин. Самойлин часто навещает К. Паустовского, поит хиной и однажды знакомит с Зацаренным – борцом из захолустного сухумского цирка, обладавшим редчайшим для К. Паустовского достоинством – умением говорить по-абхазски (поскольку он был женат на абхазке).

Втроем они отправляются в путешествие по Главному Кавказскому хребту. Зацаренный, хорошо знающий места, по которым предстоит путешествовать, знакомит К. Паустовского и Самойлина с маршрутом. Константин Георгиевич «с наслаждением вслушивался во все названия, предчувствуя удивительный неторопливый поход» *(с. 253)*. Абхазские названия по своему звучанию напоминают ему о Южной Америке, и он чувствует, как «впервые испытывает длительную радость от воплощения давнишней мечты» *(с. 253)*. Вспоминая свою прошлую жизнь, он убеждается в этом, так как в Абхазии ему впервые представляется реальная возможность воплотить ее.

Счастье началось уже в то утро, когда герои втроем вышли из Сухума и отправились в поход к Главному Кавказскому хребту. Сначала путешественники шли по берегу горной речки Келасур. Описав величественную красоту этой реки, Константин Паустовский ведет читателя к селу Мерхеул, проводит по жарким кукурузным полям. Все, что он видит вокруг: и горный поток, и сверкающие льды на горных вершинах, и цветы альпийских лугов, и проносящиеся по небу облака, — все рождает в нем поток образов, в которых он акцентирует наше внимание на том, что переживает его душа. И можно сказать, что такого потрясения природой, которое Константин Георгиевич испытывал в Абхазии, он не испытывал больше ни в каком другом месте.

На шестой день у путешественников кончились продукты, и они спустились в Сухум, где было сонно, душно и одиноко.

Во время отсутствия квартиранта, мадмуазель Жалю сдала соседнюю комнату бухгалтеру по фамилии Котников. С появлением Котникова Паустовскому становится скучно, время будто остановилось. И он принимает решение ехать дальше, в Батум. И вот пароход «Ильич» отчаливает от Сухумского порта, и у К. Паустовского сжимается сердце. «Уходила — и, должно быть, навсегда — еще одна область земли, где я оставлял частицу своих мыслей и времени» *(*с. *272)*.

Таким образом, в приведенной главе автобиографической повести Константина Паустовского, посвященной Абхазии, «Бросок на юг» сделана попытка в прозе передать впечатления Паустовского от Абхазии с ее самобытной природой и народом. Здесь с особой силой воплотился дар Константина Паустовского к глубочайшему видению природы, которая так ярко и живописно открывается читающему.

Константин Георгиевич Паустовский, часто посещая Абхазию, разумеется, не мог остаться равнодушным к ней. В повести он запечатлел немало интересного из жизни абхазского народа: нари-

совал бытовые картины столицы молодой Абхазской республики, с восхищением изобразил красочную природу этого края.

Уже будучи классиком русской литературы, Константин Георгиевич нередко вспоминал и рассказывал своему ближайшему окружению о жизни в Сухуме, с увлечением интересовался сведениями о первых годах советской власти, о том, как преобразился край с того времени. Впоследствии ряд сведений об этом сообщил в Москву Паустовскому профессор З. В. Анчабадзе, который, помимо того, выслал ему свою книгу «Из истории средневековой Абхазии». В ответ Константин Георгиевич писал: «Спасибо за присланные сведения по истории Абхазии, а также за книгу, которую с удовольствием читаю».

Константин Паустовский является одним из любимых писателей абхазских читателей, которые познакомились с «Броском на юг» через замечательный перевод этого произведения на абхазский язык писателем Алексеем Джения.

Обращаясь к абхазской тематике, Константин Георгиевич Паустовский внес определенный вклад в дело укрепления русско-абхазских взаимоотношений в области литературы.

АСПЕКТЫ АБХАЗО-АДЫГСКИХ КУЛЬТУРНО-ДУХОВНЫХ СВЯЗЕЙ: ТРАДИЦИИ – СОВРЕМЕННОСТЬ – ПЕРСПЕКТИВЫ
(о Центре абхазо-адыгской филологии им. В. П. Анкваб АГУ)

Мы живем в судьбоносный период нового века, когда высеиваются семена будущего. Абхазо-адыгский мир – это великая духовная ценность общего значения.

«Справедливость, не поддержанная силой, немощна; сила, не поддержанная справедливостью, тиранична. Бессильной справедливости всегда будут противоборствовать, потому что дурные люди не переводятся, несправедливой силой всегда будут возмущаться» [3, с. 164], – писал великий французский философ и писатель Б. Паскаль. Именно эту участь предрекали во многих политических и интеллектуальных кругах всего мира с древних времен. «Значит, надо объединить силу со справедливостью, и либо справедливость сделать сильной, либо силу справедливой» [3, с. 164], — резюмирует мыслитель.

Мы – абхазы и адыги, потомки гордых и свободолюбивых великих нартов, чьи деяния и подвиги сегодня служат примером для нынешних и грядущих поколений, жить в изоляции друг от друга не имеем права. Наши исторические связи слишком древни и широки, чтобы ими пренебрегать. Не зря гласит народная мудрость: «Брат силен братом», или же «Кто забыл прошлое, не имеет будущего».

Были времена, когда наши народы искусственно разъединяли, но никакие препятствия не сломили дух наших народов, ими все время предпринимались усилия для сохранения и сближения этноса. Нельзя уничтожить духовно-этнические связи, пока эти народы существуют, и не удержать их за выдуманными и насильственными границами. В конце концов, они когда-нибудь разорвут эти путы, подобно роднику, пробивающемуся сквозь камень. И сегодня настало то время, когда мы обязаны возродить наши общие традиции, наш абхазо-адыгский этикет, чтобы в этом мире хаоса не теряли своего лица и своего достоинства будущие поколения, процветая веками, заняли достойное место среди цивилизованных народов мира. Мы пережили прошлое, теперь мы должны сделать все, чтобы выжить в будущем.

Небезызвестно, в каком мире мы сегодня живем, соответствующие принципы систематически нарушаются, отражая ставшие неизбежными процессы нового передела мира на более реальной основе, чему свидетельствуют многие факты новейшей мировой истории. Чтобы выжить, особенно малым народам, необходимо выйти за рамки узкого национального мышления. Мы не должны себе ни на одну минуту давать послабление, т.е. должны думать и действовать, действовать и думать. Это не прихоть, а веление времени. И надо пресекать любой ценой попытки третьих лиц, которые не устают усердствовать, чтобы вбить клин между нами.

Кавказский хребет никогда не служил преградой между его северными и южными склонами, которые издавна объединились в единое пространство с помощью перевальных путей. Так было еще во II тысячелетии до н. э., во время строительства дольменов. Так было в раннем средневековье, когда сложилась своеобразная абхазо-адыго-аланская культурная общность, ярким памятником которой является, в частности, Нартский эпос.

Так было и 30 лет назад, когда немилосердная история вновь испытывала судьбу абхазского народа. Представители адыгского этноса вместе с другими народами Северного Кавказа и регионов России с первых дней войны пробирались через крутые горные перевалы и холодные реки Главного Кавказского хребта… Шли те, кто не мог равнодушно смотреть на трагедию братского народа и в ком победило чувство справедливости. Это были настоящие герои, многие из которых сложили свои молодые жизни ради свободы и независимости. Слава их подвига неувядаема.

Вечная им память!

Каждый из них навечно останется частью нашей жизни, нашей истории. Преклоняюсь перед родителями и землей, родившими и воспитавшими настоящих мужчин.

Эта война была попыткой понять суть неукротимости духа наших предков. Братство невозможно разорвать никакой военной мощью. Совместно пролитая кровь во имя свободы и справедливости еще монолитнее скрепила наше братство и единство.

В сегодняшнее тревожное время, когда многое разрушается до основания и многое создается заново, когда радикально меняются условия и обстановка жизни, каждый народ должен чутко следить за тем, чтобы его этнический мир не пострадал от покушений и не был забыт при переустройстве на новых началах.

Как известно, народы для нормального, естественного развития должны находиться в собственном этническом культурном поле. Но, к великому несчастью, в нашем мире, где пока главенствует сила, сохранить его неимоверно тяжело. И все же через возвращение в собственное этническое поле лежит путь к новому естественному сближению народов, а не на искусственной или насильственной основе.

Закономерно возникновение идеи создания Центра абхазо-адыгской филологии им. В. П. Анкваб в Абхазском государственном университете.

Центр был создан на базе кабинета абхазской литературы им. В. П. Анкваб, кафедры абхазской литературы филологического факультета, в соответствии с решением Ученого совета Абхазского государственного университета 22 сентября 2022 года (Приказ №365 от 11 октября 2022 г.)[1].

Центр, представляющий собой сообщество специалистов-ученых, работников Абхазского государственного университета, создан с целью решения комплекса научных и специальных образовательных задач в области абхазо-адыгской филологии. Предусмотрено также привлечение к решению объемных задач и специалистов из научных и образовательных учреждений Северного Кавказа (Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии и Адыгеи) и других регионов Российской Федерации. Свою деятельность Центр строит, опираясь на опыт проделанной работы и вместе с тем учитывая современные требования, в том числе касающиеся применения информационных технологий. Разработан комплекс взаимосвязанных проектов деятельности, поэтапная реализация которых рассчитана на 2022-2027 гг.

Центр абхазо-адыгской филологии осуществляет свою деятельность по решению взаимодополняющих задач в трех направлениях: языка и письменности, литературы и фольклора, культурно-творческих связей. Соответственно строится структура Центра, которая состоит из трех секторов:

- сектор языка и письменности;
- сектор литературы и фольклора;

[1] Центр абхазо-адыгской филологии им. В. П. Анкваб является структурным подразделением филологического факультета АГУ. Авторами проекта и основателями его являются заведующий Центром, старший преподаватель Анкваб А. В. и к. ф. н., доцент, декан филологического факультета Хагуш Б. А. Создание Центра стало возможным благодаря содействию ректора АГУ, академика А. А. Гварамия.

- сектор культурно-творческих связей и инновационных проектов.

К значимым направлениям работы Центра относится выстраивание конструктивных отношений и поддерживание тесных связей как с профильными центрами, так и с научными образовательными учреждениями Северного Кавказа: Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии и Адыгеи — и других регионов ближнего и дальнего зарубежья.

Надеемся, что Центр станет единой научной, культурно-творческой «точкой кипения» для совместной работы абхазо-адыгских ученых-лингвистов, ученых-литературоведов и фольклористов, чтобы сохранялись и приумножались благородные традиции, свойственные нашим этносам. К этому нас сподвигнет и зов крови детей, много столетий назад, вскормленных грудью адыгских и абхазских женщин.

На сегодняшний день Центр абхазо-адыгской филологии им. В. П. Анкваб сотрудничает с рядом учебно-научных подразделений:

1. Центром адыговедения Адыгейского государственного университета.

2. Кафедрой адыгейской филологии Адыгейского государственного университета.

3. Центром адыгской культуры им. А. А. Ципинова Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова.

4. Национальным культурным Центром «Абхазия» Фонда культуры КБР им. Вл. Ворокова.

5. Центром исследования языков народов Карачаево-Черкесской республики Карачаево-Черкесского государственного университета им. У. Д. Алиева.

6. Кафедрой черкесской и абазинской филологии Карачаево-Черкесского государственного университета им. У. Д. Алиева.

7. Факультетом дагестанской филологии Дагестанского государственного педагогического университета им. Р. Гамзатова.

Центр абхазо-адыгской филологии носит имя Владимира Платоновича Анкваб. Он был одним из самых одаренных абхазских поэтов и ученых-литературоведов того поколения национальной творческой интеллигенции, которая, как только «большая страна» освободилась от вездесущего кнута «отца народов» Сталина и хрущевской оттепели, стала понемногу расправлять плечи и с жадностью впитывать новые веяния.

После окончания Литературного института им. А. М. Горького и аспирантуры в Педагогическом институте им. В. И. Ленина в Москве, с начала 60-х годов прошлого столетия и до скоропостижной кончины в 1987 г. он работал в Сухумском государственном педагогическом институте (ныне Абхазский госуниверситет), несколько лет был заведующим кафедрой абхазской литературы.

Он один из первых, кто приехал на Северный Кавказ (в Абазашту, аул Кубина) в июне 1954 г., чтобы познакомиться с братьями, живущими за высоким Кавказским хребтом. Позже он стал одним из связующих мостов между абхазами и адыгскими народами, часто приезжал и сам приглашал к себе. Переводил литературные произведения многих адыгских поэтов и писателей. Проводил неоценимую работу для налаживания прочных братских связей между молодыми поколениями абхазо-адыгского этноса. И это все он делал искренне, с открытой душой. «Выше всего он ценил доброту, не панибратскую, а ответственную. Его трагедия заключалась в том, что он не мог следовать принципу: живи как живется. Он яростно сопротивлялся всему косному. И как бы ни было ему тяжело, всегда сохранял человеческое достоинство», – отмечает известный ученый Сергей Зухба [1, с. 138].

Он мог ломать устаревшие сложившиеся стереотипы поведения и идти наперекор всему ради ответственного отношения к

жизни, в том числе в деле сближения наших близкородственных народов. Таким образом, имя Владимира Анкваб навсегда останется идеалом консолидации абхазо-адыгских поколений.

Создание Центра не означает, что идея возрождения и восстановления связей форсировалась преждевременно. Нет, уже с середины 50-х годов прошлого столетия, как уже выше отмечалось, независимо от трудностей, от инициативы отдельных представителей интеллигенции, с той и с этой сторон Кавказского хребта стремились всячески способствовать восстановлению духовных и иных связей.

Хотелось бы отметить еще один факт: уже более 30 лет в нашем университете на филологическом факультете действуют курсы адыгских языков и адыгских литератур. Конечно, не так глубоко и специально, как в адыгских вузах, — обзорно, но с элементами анализа, причем наряду с лекционным курсом проводятся и практические занятия как в целом по истории всех адыгских (адыгейской, кабардинской и черкесской) литератур, так и по творчеству наиболее видных представителей этих литератур.

Адыгейские писатели – Тембот Керашев и Исхак Машбаш, кабардинские – Али Шогенцуков и Алим Кешоков, черкесские – Абдулах Охтов и Хусин Гашоков – и мн. другие вошли не только в вузовскую программу, но и в программу средних школ нашей Республики. В 10-11-х классах, где литературный процесс изучается по историко-хронологическому принципу, на изучение творчества каждого из названных выше и некоторых других адыгских авторов отводится определенное количество академических часов, как для освещения в целом их жизненного и творческого пути, так и для изучения текстов отдельных произведений. Творчество вышеперечисленных мастеров слова обладает той могучей притягательной силой, которая неизменно привлекает к себе интерес и внимание нашей молодежи.

Не только в учебном процессе представлено творчество адыгских писателей в Абхазии. Часто оно привлекается в качестве сравнительно-сопоставительного материала при освещении тех или иных моментов в творчестве отдельных абхазских собратьев по перу или литературных явлений в целом.

Общность нашей культуры, наших древних традиций, а также многочисленные исторические источники недвусмысленно говорят о том, что адыги и абхазы – родные братья. Эта мысль еще больше находит свое подтверждение, если мы обратимся к фактам из духовной сферы наших предков. Одна из записей носителя великого духа абхазо-адыгского народа, народного писателя Кабардино-Балкарии и Адыгеи, народного поэта Абхазии Баграта Шинкуба гласит: «Когда-то в старину вследствие каких-то причин вспыхнула вражда между абхазами и адыгами. Тотчас были избраны авторитетнейшие старцы, которые призваны были потушить огонь вражды и восстановить мир между братьями.

Сто женщин абхазок и сто адыгских женщин были собраны на горной поляне. Каждая из них прижимала своего ребенка к груди, и после того как жрецы произнесли клятвенное слово, каждая из этих женщин протянула своего сына другой, а та в свою очередь той, что стояла перед ней. Так двести этих матерей обменялись своими грудными детьми, навсегда братством и материнским молоком отсекая нам, живущим ныне, все другие формы взаимоотношений, кроме кровного родства» [4, с. 394].

Для каждого, кто знаком с историей наших народов, – это исторически оправданное явление.

Насыщенный философской мыслью, мотив преемственности нравственно-эстетических традиций является свидетельством исторической глубины осмысления действительности. Эти мотивы имеют широкий выход в современность, когда еще не снята проблема сохранения этноса. Нравственный долг столетий

требует помнить «вчера», знать «сегодня», думать о «завтра» и извлекать уроки. Помнить надо хотя бы для того, чтобы обрести себя в дне сегодняшнем. Эту мысль еще раз подтверждают слова известного абазинского народного поэта Керима Мхце: «… пока память хранит прошлое и настоящее… народ не исчезнет с лица земли» [2, с. 626].

Литература

1. *Зухба С. Л.* Строки, согретые сердцем // Неиссякаемый родник. — Сухум, 2019.

2. *Тугова Л. Н.* Проблема исторической памяти в абазинской поэзии // Вторые международные Инал-иповские чтения. — Сухум, 2016.

3. *Хагба Л. Р.* Отечественная война в Абхазии 1992–1993 гг. и добровольческое движение // Газета «Конфедерация». — Сухум, 2018.

4. *Шинкуба Б. В.* Пусть брат живет ради брата // Собрание сочинений. — Т. 5. — Сухум, 2003.

ДМИТРИЙ ГУЛИА И ТАТЛУСТАН ТАБУЛОВ В КОНТЕКСТЕ АБХАЗСКО-АБАЗИНСКОЙ НАУЧНОЙ МЫСЛИ

Слово, как известно, – высоко эффективное оружие. Не зря ведь в Евангелии сказано: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог…». Если так, то Слово молчать не может, потому что оно – есть сущность Светлой Божественной Бездны!

Да, смело можно констатировать, что одним из основных жизнеобразующих материалов этого мира является Слово, которое несет в себе программу бытия каждого народа в Вечности, код его исторического предназначения на Земле.

Народ, поющий чужие песни – это подсознательно совершивший выбор между категориями «своего» и «чужого» в пользу последнего. Духовная полноценность нации как раз и определяется не столько ее умением копировать образцы чужого кино, музыки, литературы и прочего, сколько способностью создавать самоценные произведения искусства, опирающиеся на особенности собственного менталитета, использующие лучшие наработки национальной духовной культуры и выражающие душу родного народа. Именно этим ценны для человечества Пушкин, Гамзатов, Кулиев, Табулов, Гулиа и многие другие столь же яркие представители национальных литератур.

Выражаясь словами Чингиза Айтматова: «Каждый народ хочет быть не только сытым, но и вечным. А вечным народ делают личности, вышедшие из его недр и сумевшие в трагическом перекрестке истории принести себя в жертву во имя спасения

и укрепления духовного генофонда нации». Тому еще раз явное подтверждение высказывание известного Назима Хикмета: «Ведь если я гореть не буду, если ты гореть не будешь, и если мы гореть не будем, так кто же рассеет тьму?» [1, с. 166].

Дмитрий Гулиа и Татлустан Табулов – это опоры социально-нравственной эволюции и надежные нити, которые связывают народ абаза с цивилизованным миром. Их творчество многообразно по тематике, по жизненному материалу, по галерее образов и сюжетной канве, где четко проступает главное направление, то есть гражданственность как проявление нравственности была и остается концептуальной точкой опоры всего их творчества.

Вся наша жизнь – против течения. Но поток во сто крат сильнее нас. Хотя иногда нам кажется, что мы вырвали у движущейся живой бездны нечто свое. Пусть малое, но свое… Так, в те далекие трудные времена, в конце XIX и начале XX века, Дмитрий Иосифович и Татлустан Закериевич одними из первых абазгов постарались «вырвать у быстро двужущейся бездны» свое малое – малое, но родное.

Они одними из первых осознали необходимость непримиримой борьбы простого народа с господствующими классами за свободу многогранной просветительской деятельности. Для их творчества, как и деятельности многих национальных просветителей того времени, характерна осознанная социальная перспектива, ощущаемая глубиной и размахом той эпохи. Иначе говоря, идея борьбы за национальное освобождение и социальную справедливость с местной знатью и ее прислужниками пронизывает всю научно-творческую и педагогическую деятельность Д. Гулиа и Т. Табулова, которая создана на основе реальных событий, имевших место в жизни.

Каждый творческий человек – художник, музыкант, актер, писатель – одарен от рождения способностью органичного слияния

со своим народом, осознанием себя голосом его коллективной души. «Известно, что любого человека во многом определяют место, где он появился на свет, его родина, первые шаги по отеческой земле, первые слова, произнесенные на материнском языке, первые собственные открытия окружающего мира» [2, с.11].

Вся деятельность Дмитрия Иосифовича Гулиа и Татлустана Закериевича Табулова пронизана идеями необходимости возрождения духовной культуры родного народа, как развитие письменности, литературы, так и создание национальных очагов в других областях духовной культуры, т.е. главной артерией их культурно-просветительской деятельности является мысль об эффективном использовании всего национально-культурного арсенала, как модель, ориентированная на сохранение родного этноса и в целом системы ценностей человечества.

«Жизнь, – как отмечал Чернышевский, – это не тротуар Невского проспекта, она не бывает абсолютно безоблачной, прямой и всегда одинаковой» [3, с. 46–47]. Тем более, в нынешнее время. Образы Т. Табулова и Д. Гулиа на веки останутся в истории нашего народа. Пока сохраняется память этих выдающихся личностей, абазы не потеряют своего лица.

Литература

1. *Магомедова С. А.* Жизнь и творчество Магомед-Султана Яхьяевича // Дагестанская литература: история и современность. – Ч. 1. – Махачкала, 2021. – С. 166.

2. *Федоров В.* «Я смотрю на мир глазами эвена…» // Литературная газета. – № 3 (76). – 2016. – С. 11.

3. *Чкок-Эшба Э.* С верой в будущее // Журнал литературы, науки и публицистики «Сухум». – № 3. – 2020. – С. 46–47.

ТВОРЧЕСТВО Т. М. КЕРАШЕВА В КОНТЕКСТЕ АБХАЗСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Да, есть красота, над которой годы не имеют власти, — это красота сердца, которой такие люди, как Тембот Магометович Керашев, освещали все то, к чему они прикладывали свою руку.

Когда-то русский поэт С. А. Есенин сказал: «Большое видится на расстоянии» [1, с. 8]. Под словом «расстояние» имеется в виду не только пространственное, но и временное понятие, безусловно. И в этом смысле прежде всего необходимо осознать всю значимость и масштабность сделанного Темботом Магометовичем Керашевым за отведенную ему богом жизнь, осознать глубину его художественно-творческого наследия.

Тембот Магометович прожил достойную, полную многих славных свершений жизнь. Общеизвесто, что он выходец из обычной адыгской крестьянской семьи, получил достойное воспитание и прекрасное разностороннее образование в Краснодаре, а затем в Москве. Оно сыграло огромную роль не только в его успешной деятельности как духовного просветителя, народногописателя, но и обеспечило его тем кругозором и глубоким умом, без которых нельзя стать мастером художественного слова мирового уровня.

Нужно подчеркнуть, что Тембот Керашев очень рано стал понимать и ценить важность сохранения национального многообразия культур, без которых мировая цивилизация катастрофически обеднеет.

«Расцвет национальной культуры каждого народа, как известно, определяется, прежде всего степенью развития его ху-

дожественной литературы, ибо именно она является наиболее полным выразителем духа и самосознания народа.

Нет выше наслаждения и морального удовлетворения, чем служение своим опытом, знаниями, талантом, трудом развитию собственной художественной литературы» [2, с. 351], — писал он и этим и занимался всю свою жизнь.

Выход Тембота Керашева на историческую арену пришелся на исключительно сложную, противоречивую эпоху. Это было время, когда вовсю бушевали социальные и политические страсти, т.е. когда не так легко было выстоять среди хаоса и кутерьмы. Однако он, прочно опиравшийся на собственный талант и национальные убеждения, находясь в эпицентре жизни, по извилистой, не всегда безопасной тропе продвигался к вершинам духовной культуры родного адыгейского народа, т.е. на всех этапах его жизни тема Родины и судьбы народа занимала центральное место. Ему было необходимо всего себя без остатка отдать служению этому делу. Об этом красноречиво свидетельствует его пророческая фраза: «Чтобы писать о народе – ему надо смотреть в лицо» [3]. Конечно же, не каждому такое дано.

Проникнутая идеями добра, справедливости, свободолюбия, близкая по стилистике к устному народному творчеству, его литературно-творческая деятельность пробила себе дорогу в народ.

О роли, месте и достижениях Тембота Магометовича на ниве адыгейской литературы, да и культуры в целом, писалось много как местными авторами, так и учеными из ближнего и дальнего зарубежья. Всеми исследователями единогласно признается непререкаемый авторитет великого художника слова. На самом деле, без таких неповторимых шедевров, как «Последний выстрел», «Дочь шапсугов», «Дорога к счастью» («Шамбуль»), «Одинокий всадник» и мн. др., невозможно представить себе развитие адыгейской художественной прозы.

«У Тембота Керашева нет слабых сторон: он одинаково силен и в выборе тематики, и в постановке актуальных проблем, создании сюжетной коллизиии в портретном живописании. Главное то, что все его произведения – будь то крупные эпические полотна или миниатюрные создания – всегда наделены неповторимым национальным колоритом, свидетельствующим о том, что образное мышление писателя прочно зиждется на национальной почве» [6, с. 222], — отмечает известный абхазский ученый, кавказовед, академик Академии наук Абхазии и Адыгской Международной академии наук Ш. Х. Салакая.

В одном из своих выступлений Тембот Магометович говорил: «Сколько я буду творить, столько меня будет волновать, откуда в моем народе это мужество и выдержка, человеческая гордость? Откуда в нем, несмотря на лишения, эта радость жизни? Ведь адыги могли шутить со смертью, но с жизнью никогда не шутили» [8, с. 498].

Выражаясь словами Екклесиаста из Библии: «Род проходит и род приходит, а земля пребывает во веки» [4, с. 111]. Осмысление прошлого с позиции настоящего было и остается «важным средством воспитания национального самосознания, большой духовной силой, воздействующей» [8, с. 498] на последующие поколения, да и на весь народ. И перо писателя направлено на то, чтобы история народа сохранилась, как каменосечная надпись на граните. Тому явное подтверждение — историческая проза Тембота Керашева.

Народный писатель всегда непоколебимо оберегал законные права и богатое, самобытное историческое прошлое своего народа. Он жил и творил с заботой о благе, не мог не знать, что черные времена не вечны, что за пасмурной погодой настанет ясный божий день, откроется чистое небо и ласковое солнце вновь оживит своими лучами родную землю.

Наряду с писательской деятельностью, Тембот Керашев проводил большую работу по сбору, публикации и исследованию устного народного творчества адыгов. Составленные им устнопоэтические сборники и глубоко содержательные теоретические статьи, посвященные актуальным проблемам фольклора, послужили прочным фундаментом и надежным источником для целых отраслей и направлений в современной адыгейской гуманитарной науке.

«Заслуга писателя Т. Керашева, серьезно решающего проблему национального менталитета, состоит в том, что он создает реалистические образы, используя традиции фольклора. Художественная концепция личности, созданная в его произведениях, утверждает неразрывную связь человека с демократическими многовековыми культурными, бытовыми, этическими, нравственными традициями национального бытия» [9, с. 457], — отмечают известные ученые, литературоведы Т. Н. Чамоков и М. Н. Хачемизова.

Судьбы гениальных творений художественной литературы в одном неизбежно схожи — каждое из них, будучи национальной гордостью одного народа, рано или поздно, в силу заложенных в нем идей и художественного совершенства, непременно пробивает себе дорогу к другим народам, становится и для них родным и близким духовным памятником [5, с. 286].

Несомненно, что в абхазском народе, живущем в течение многих столетий в ближайшем соседстве и в тесных историко-культурных связях с адыгейским народом, имя Тембота Керашева приобрело известность не только в наши дни, но и в более отдаленные времена.

Среди адыгейских поэтов и писателей немало тех, чьи произведения не раз публиковались на страницах абхазской периодической печати, в переводе на абхазский язык. Таковым является и творчество Тембота Магометовича Керашева.

В литературно-художественном, общественно-политическом журнале Союза писателей Абхазии «Алашара» №9 за 1977 год (с. 76–80) напечатан отрывок известного его романа «Дорога к счастью» («Шамбуль») под заголовком «Судьба брата», в переводе талантливого абхазского поэта и писателя Н. Квициния. А в №10 1979 года того же издания опубликован рассказ «Последний выстрел» в переводе Ш. Басариа. Рассказы «Испытание мужества» (1998 г., № 4, с. 95–101) и «Урок жизни» (1999 г., № 4, с. 34–40) в переводах Дж. Ахуба входят в учебную программу по абхазской литературе (5, 7 классов) средних общеобразовательных школ нашей республики.

Не только в учебном процессе представлено творчество адыгских писателей в Абхазии. Часто оно привлекается в качестве сравнительно-сопоставительного материала при освещении тех или иных моментов в творчестве отдельных абхазских собратьев по перу или литературных явлений в целом.

Перевод произведений Тембота Магометовича на язык братского народа — это не простой литературный факт, а явление, содействующее глубокому взаимопониманию и развитию абхазо-адыгских литературно-творческих связей. Факт этот свидетельствует также и о неограниченных возможностях языка перевода, языка, на котором создавались такие величественные памятники устной поэзии, как Нартский эпос и легенда об Абраскиле (абхазском Насране), языка поэзии Дмитрия Гулиа и его последователей, где бережно сохранено не только богатое идейное содержание произведений Тембота Керашева, но и их многокрасочная художественная палитра и философичность.

В произведениях писателя предпринята попытка воссоздать исторический процесс во всей полноте, объективности, сложности, со всеми противоречиями. В них отражается суровая действительность жизни народа в описанный автором исторический период.

Сегодня мы живем в мире, в котором моральные принципы систематически нарушаются, отражая ставшие неизбежными процессы нового передела мира, чему свидетельствуют многие факты современной истории.

Абхазо-адыгские народы пережили прошлое. Теперь должны сделать все, чтобы выжить в ситуации, когда многое разрушается до основания и многое создается заново, когда радикально меняются условия и обстановка жизни. Тому явный посыл — и историческая проза Тембота Керашева.

Литература

1. *Авидзба В. Ш.* Слово о Владиславе Ардзинба // Материалы первой международной научной конференции, посвященной 65-летию В. Г. Ардзинба. — Сухум, 2011.

2. *Аншба А. А. Х.* С. Бгажба, как литературовед и фольклорист // Собрание трудов. В пяти томах. — Т. 1. — Сухум, 2022.

3. *Керашев Т. М.* В портретах, иллюстрациях, документах. — Майкоп, 1980.

4. *Салакая Ш. Х.* Жәлар рпоет // О народном поэте (Сборник статей). — Сухум, 2018.

5. *Салакая Ш. Х.* Новый первод бессмертной поэмы Руставели // О народном поэте. — Сухум, 2018.

6. *Салакая Ш. Х.* Неповторимый национальный колорит // Избранные труды. В трех томах. — Т. 3. — Сухум, 2019.

7. *Тугова Л. Н.* Проблема исторической памяти в абазинской поэзии // Вторые международные Инал-иповские чтения. — Сухум, 2016.

8. *Хачемизова М.* Н.Исторический опыт народа и проблемы историзма // Инал-иповские чтения. — Сухум, 2011.

9. *Чамоков Т. Н., Хачемизова М. Н.* Тембот Керашев и фольклор адыгов // Эволюция эпической традиции. — Сухум, 2014.

«ПОЭТ ОБАГРЁННЫХ ЗАРЕЮ ВЕРШИН»
(Об этических аспектах поэзии Микаэля Чикатуева)

А сердце честное, большое –
Вот то, что ценится у нас.
М. Чикатуев

Есть на земле люди, чьи слова, дела, вся жизнь светят нам, как звезды с небес, чьи души высоки, как вершины Кавказских гор, и чисты, как родниковая вода… Говорят, у каждого человека есть своя звезда, и, когда он умирает, она падает с неба и гаснет. Но у таких людей, как Микаэль Чикатуев, упавшая звезда вновь возрождается и начинает светить все ярче, и суждено гореть ей вечным огнем. И тот, у кого горит в небе воскресшая звезда, бессмертен, он становиться не только гордостью своего народа, его наследие приобретает общечеловеческую ценность.

Заслуженный деятель культуры Республики Абхазия, лауреат Государственной премии им. Д. Гулиа, народный поэт Карачаево-Черкесской Республики Микаэль Чикатуев за жизнь, отведенную ему судьбой, безгранично много успел. Но, безусловно, главное его достижение – это блестящая поэзия. Наделенный природным умом и талантом, поэт совсем еще юношей осознал безграничную силу слова и посвятил себя ему.

Можно утверждать, что поэту в полной мере открылась «тайна тайн», о которой идет речь в четверостишье народного поэта Абхазии Баграта Шинкуба.

У слова есть душа, исполненная света.
Но это тайна тайн, что в глубине жива.

Поэт, который обнаружил это,
Сумел промолвить вещие слова [3, с. 7].

В стихах Микаэля Чикатуева каждое слово будто воплощает одновременно и жизнь, и поэзию. Все кажется совершенно обычным и прозрачным, но тем несомненней выступает «тайна» поэзии.

О роли, месте и достижениях Микаэля Чикатуева на ниве абазинской национальной литературы и культуры писалось много как местными авторами, так и учеными и писателями из ближнего и дальнего зарубежья. Всеми исследователями единогласно и безоговорочно признается непререкаемый авторитет великого художника слова, создавшего неповторимые шедевры во многих жанрах абазинской литературы. Не повторяя общеизвестные факты из жизни народного поэта, в данной статье нас бы хотелось коротко остановиться на этических аспектах его поэзии.

Микаэль Хаджиевич с юных лет воспринял неизменную систему нравственного содержания человека, верного идеям предков. Он всегда находился в гуще событий, которыми жил его народ. Не всегда был гладок тот путь, по которому прошел он, — путь становления от начинающего литератора до народного поэта. Ему пришлось испытать немало трудностей судьбы. Но писатель прекрасно понимал, что этический идеал в человечности, чуткости, благовоспитанности, именно эти качества и выделяли его из многих других.

Микаэль Чикатуев принадлежал поколению, жадно впитывающему идеи эпохи, пришедшей на смену сталинскому террору и хрущевской оттепели. В качестве поэта он создал свой неповторимый поэтический мир, который зачаровывает своей искренностью и неповторимой ритмичностью. В нем зрелые по мысли произведения, с устоявшимся языком, с мастерским

освоением традиции национальной поэтической классики. Писатель, чьи идеи, взгляды и помыслы, нашедшие отражение в его произведениях, составляют основу нашей этнокультурной идентичности.

При чтении его стихов каждый раз нас по-новому волнует старинные правила благородного абазгского народа, перекликающиеся с основными нормами нашей морали. Захватывает и очаровывает читателя то, что составляет сущность почти непередаваемого понятия, определяемого одним словом «намыс – аламыс». Да, «аламыс – намыс», как волшебный талисман, открывает нам внутренний мир каждого человека нашего этноса и служит своеобразным компасом, указывающим путь к правде. Он волнует нас своим кристальным благородством, притягивает как магнит и ведет к вершине человеческих отношений.

Известный абхазский литературовед, близкий друг Микаэля Чикатуева Вл. Анкваб писал: «В мире ни один дом не закладывается без фундамента. Так и у каждого народа есть фундамент, который раскрывает особенности их национальной психологии. Фундаментом абхазской (вполне мы можем дополнить) и абазинской психологии служит Аламыс (Закон чести)» [1, с. 5]. И фундаментом поэтического творчества М. Чикатуева является Аламыс абазга, которое затрагивает многие вопросы совести и чести. Именно это и придает его стихам оттенок беллетризированной публицистики, делает их злободневными и актуальными.

У дорог в горах –
законы строги,
свят обычай мудрой старины…
<…>
Через перевалы и отроги
в летний зной идем

И в стужи зим, —
верные обычаю дороги,
верные закону абазины [8, с. 368].

Главная идея художественного творчества М. Чикатуева — это связь времен и поколений, преемственность традиций. Насыщенный философской мыслью мотив преемственности нравственно–эстетических традиций является свидетельством исторической глубины осмысления действительности.

В соответствии с заявленной темой, поэт показывает специфику жизненного мира и национального духа абазгов, включающего идею этикетного долженствования. Абазара, или Апсуара, как синоним человечности, ментальность в соответствии с нравственными представлениями народа, необходимо формировать в каждом представителе этноса, — такой вывод читается в художественных творениях народного поэта.

Художественному мировозрению М. Чикатуева удалось без излишней, достаточно распространенной риторики воспроизвести образ абазино-абхазского национального мира. В его содержании национально-этические качества углублены еще и философией этноса.

Мы абазины, абазины! —
Из сердца вырвалось, как крик.
<…>
И есть у нас язык наш отчий,
И отчий край, и отчий дом!

И есть обычай предков наших, —
Наука эта дорога! —
Как встретить друга полной чашей,
И как и чем встречать врага! [8, с. 417–418]

В лирическом герое Микаэля Чикатуева сосредоточены образы автора-исследователя и толкователя родных традиций и вместе с тем участника новой истории. Это живые ипостаси образа Народного Поэта, выражающего озабоченность сохранением культурного и нравственного опыта родного этноса, являющихся главной основой и опорой абазино-абхазского и родственного ему горского мира. Автор раскрывает этические и эстетические тайны человеческой общности, позволяющие ей называться народом. Признавая «природу» лирики Микаэля Чикатуева, мы смело можем утверждать, что предметом поэтической рефлексии оказываются этические ценности. При этом за этическими категориями стоит не абстрактная тоска по лучшей жизни, а программа поведения, поддержанная горской этикой, где интерпретация действительности осуществляется через призму символов.

Орлы… Орлы…
Таинственною былью
качаются их тени на траве,
когда они,
распластывая крылья,
купаются в высокой синеве.
Все ближе мне обычаи народа,
где я живу,
где умереть готов,
где ощущенье счастья и свободы —
единственный обычай у орлов! [8, с. 385–386]

В художественной системе поэта немало строк, которые, дополняя друг друга, создают целый кодекс должного поведения, в результате чего идеал обогащается целым рядом этических категорий. Это позволяет говорить об этическом романтизме

Микаэля Чикатуева, как своеобразной поэтической системе, позволившей поэту стать Народным.

«В его стихах воплощена неповторимая человеческая личность и в то же время внятно выступает лирический образ народа. При этом речь идет не только о чисто содержательных моментах: голос личности и голос народа воплощены в самом лирическом стиле поэта, сочетающем в себе напряженную образную энергию и тонкость словесно–ритмического рисунка» [2, с. 11].

Рассказывать, что поэзия Микаэля Чикатуева — это феномен в культурно–духовной жизни адыгских народов — это все равно что ломиться в открытую дверь. Он хорошо известен широким читательским массам и за пределами Кавказа. И в Абхазии личность Микаэля Хаджиевича пользуется известностью, народ относится к нему с большим уважением. Как у нас говорят, он был тем, перед кем стелят бурку. В Абхазии высоко ценят его поэтическое творчество, прекрасное сочетание в нем общекавказских интонаций и яркого национального колорита.

Микаэль Чикатуев стал ближе к Абхазии в те годы, когда он учился в Литинституте им А. М. Горького с известными абхазскими писателями – Вл. Анкваб и Ал. Гогуа. Он был знаком со многими абхазскими литераторами, всем сердцем любил и неоднократно посещал Абхазию.

Сашәуоуп-шәа шәҳәашьа!
Сагьымааит сасра!..
Сашәуоуп – шәа сшәыуоуп,
Саԥсыуоуп сара!

или

«Уаргьы суԥкәынуп, сара сан, Аԥсны!» — говорил поэт в своих стихах [4, с. 1].

Немало произведений Микаэля Чикатуева переведены на абхазский язык, издано несколько поэтических сборников, таких как «Обычай орлов», «Абазашта – край родной», «Мой Кавказ», «Сонеты» (за него он был удостоен Государственной премии им Д. Гулиа). Народный поэт сумел облечь материал в такой поэтический язык, который и при переводе становится не только понятным, но и близким, как универсалия обширного духовного пространства.

Мҩанызас исыцуп зегь реиҳа иӈоуроу –
Адагь аԥстҭазаарақ иҟазам ԥсгашьа.
Ауаҩытәыҩса игәацԥхьоуп изыбзоуроу.
Нальҟәҭ агәаԥшьеиԥш, иамам ԥыргашьа.

Уи амра иаҳхаԥхо аӈкыс имроуп,
«Угыл! Ухәыц!» ҳәа сазҳәо иарами,
Ан лажәеиԥш ихаауп, игәкыуп, иԥшзоуп.
Уи ԥсразра зқәым: Ауаҩра ахаҭами!.. [5, с. 11–12]
(еиҭ В. Аӈнариа)

или

Уи акәхароуп ауаҩытәыҩса адәы дзаақәлауа,
Уи акәхароуп ауаҩытәыҩса иԥсы,
Дцәымзаркыран дрызгыларoуп иқәла,
Ауаа ирзыԥхароуп илшара бза ауаҩԥсы.

Ауаа ирзыԥхарц бзанӈы имыцәо мроушәа,
Иаанымҷасуа иарккалароуп иара игәы [4, с. 76].

А выход в 2011 году в свет его пятитомника на родном абазинском языке в Сухуме является замечательным явлением

культурной жизни и фактом укрепления культурных связей сАбхазией.

Уверено можно говорить, что для Микаэля Хаджиевича Абхазия — это то место, где еще более возгорелось его поэтическое вдохновение. Здесь явилось и время познавать «свои печали» – время зрелых, мудрых размышлений о родине, о совестливости, о высоких нравственных началах, которыми и силен человек. «В первый раз я приехал в Абхазию в 1963 году и сделал себе традицией — ездить два раза в год! И в течение многих лет у меня это получалось! Приезжал в Абхазию каким-то опустошённым, одиноким — уезжал из Абхазии окрыленным душой и сердцем, будто я побывал у родной матери!» [7, с. 14] — писал он в одном из своих воспоминаний.

Творчество Микаэля Чикатуева обладает той могучей притягательной силой, которая неизменно привлекает к себе, как говорилось выше, большой интерес и внимание.

Достижения Микаэля Чикатуева, его многогранная деятельность получили высокую оценку еще при его жизни. Безусловно, все эти награды и оценки почетны как лично для него, так и для его Абазашты, но ни с чем несравнима та особая награда, которой он удостоен изначально. Это – всенародная любовь. И сколько бы ни прошло времени, всенародное почитание его никогда не иссякнет.

Завершая наше размышление о творчестве Микаэля Чикатуева, приведем слова народного поэта Абхазии Мушни Ласуриа:

Его крылатый конь летел вперед,
Где звездами усеян небосвод,
Где снежный пик сиянием омыт –
Гора Ерцаху блещет и горит!
<…>
Его стихи о жизни говорят,

И слово правды светится во мгле,
Как выбитая надпись на скале [3, с. 13]

Литература

1. *Анкваб В. П.* Абхазские новеллы (на абх. яз.). — Сухум, 1968.

2. *Кожинов, В.* Отворчестве Баграта Шинкуба // Избранные произведения в трех томах. — Т. 1. — Сухум, 2017.

3. *Ласурия М.* Звезда Баграта Шинкуба // Общественно-литературная газета «Созвездие». — 2007. — № 4(19).

4. Общественно-литературная газета «Созвездие». — 2011. — № 11.

5. Общественно-литературная газета «Созвездие». — 2012. — № 12–13.

6. *Тугова Л. М.* Проблема исторической памяти в абазинской поэзии // Вторые Международные Инал-иповские чтения. — Сухум, 2016.

7. *Чикату-Чхотуа М. Х.* Моя Абхазия / Сборник. — М., 2009.

8. *Чикатуев М. Х.* Поющие сердца. Избранные поэмы, стихотворения. — М., 2010.

9. *Чкуту М.* Ацәымзаркыра алашара. Абазашта. — Аҟәа, 1980.

«МОЕ СЕРДЦЕ ОСТАНЕТСЯ ВМЕСТО МЕНЯ…»
(О творческих связях Керима Мхце с Абхазией)

Человек, покуда он жив,
излучает тепло. Таким моим
«излучением» и является моя поэзия.
Если она хоть немного согрела
чью-нибудь затерявшуюся
в этом холодном мире душу,
значит, и вправду жил.
К. Мхце

Керим Мхце… Чем больше времени проходит, тем тяжелее осознавать, что его уже нет среди нас. Каждый раз, когда мы задумываемся об этой яркой личности, нас охватывает боль, и мы невольно мысленно возвращаемся вновь к золотой тропе его поэтического творчества.

Выражаясь словами классика мировой литературы, народного поэта Абхазии Баграта Шинкуба:

Он шел, он падал, и вставал,
И находил, и сомневался,
Карабкался по спинам скал
И на подъемах задыхался… [8, с. 408] —

но творчество было его жизненным кредо. Обладавший особым поэтическим даром, Мхце-поэт умело использует художественные возможности родного языка, благодаря чему стихи его

приобретают свежесть и оригинальность. Он прочно стоял на родной земле, и поэзия его органично связана с ней своими корнями. И оригинальность дарования поэта — это естественность народности.

Керим Леонидович, как и многие его сверстники, принадлежал тому поколению, которое с жадностью впитывало новые веяния после хрущевской оттепели и возлагало на будущее большие надежды.

В 1970 году, не дожидаясь конца службы, он прошел творческий конкурс Московского Литературного института им. А. М. Горького и с сентября стал студентом. Здесь у него появилась возможность расширить свой творческий кругозор. Общение с представителями творческой интеллигенции стало значительным этапом в становлении поэта. Об этом свидетельствуют его воспоминания: «Мой интеллект и общий уровень культуры до поступления в Литературный институт, можно сказать, были равны нулю. Когда я окончил институт, может быть не столь глубоко, но, тем не менее, какое-то представление о мировой культуре у меня сложилось. Для пишущего человека это имеет огромное значение. Если я абазинский писатель, это никак не означает, что я должен ограничиваться традициями только своей литературы, что я не должен иметь иных культурных корней, иных ориентиров. Так я ничего не создам, и литература наша и шага не ступит вперед, если все мы начнем придерживаться такого мнения. В этом отношении трудно переоценить то, что дал мне Литературный институт: это бездонный кладезь» [6, с. 82].

Знакомство Керима с землей предков, Абхазией, началось в студенческие годы. В Литинституте с ним учились ставшие впоследствии известными людьми Геннадий Аламиа – поэт, государственный и общественный деятель, лауреат премии им. А. Джусойты; Рауф Эбжноу – литературный критик; Руслан Гожба – старший научный сотрудник Абхазского госмузея; Денис

Чачхалиа – поэт, переводчик; Этери Басария – писатель, лауреат премии им. В. Короленко. Они сдружились с Керимом. Их сблизило, в первую очередь, абхазо-абазинское этническое родство. Немаловажную роль сыграла и схожесть наших языков.

«То, что он гениальный поэт, в этом нет никакого сомнения. Я знал его стихи. Он… читал необыкновенно… был притягательным. Вокруг него никогда не было пустоты. Единственный момент, когда его найти было нельзя, — это время творчества: запирался и писал», – говорит Геннадий Аламиа [6, с. 79].

«Уже тогда было видно у Керима что-то большое, светлое, очень человеческое, без чего, наверное, не рождается истина большого писателя», — замечает и Руслан Гожба.

С юности поэтом владела жажда жить со всей полнотой — видеть, знать, творить, действовать. Да, подлинность поэтического дарования не столько в отточенности или изощренности стиля, сколько в самозабвенности, безраздельности погружения в мир, в тончайшем, до душевной ранимости, восприятии этого мира. Как справедливо отмечали многие исследователи его творчества, К. Мхце в качестве поэта-лирика создал свой неповторимый поэтический мир, который берет свое начало из жизненной философии. Главные мотивы философской лирики народного поэта — те вопросы, которые занимают человечество со дня пробуждения его к разумной жизни: проблемы жизни и смерти, отношения личности и общества, человека и природы. Его стихи на эти темы не однозначны – в них есть и печаль, и отчаяние, и горький недоуменный вопрос, но в то же время настойчиво звучит светлая струна утверждения глубочайшего смысла радости и бесконечности творческой созидательной деятельности человека.

В становлении литературно-эстетического мировоззрения Керима Мхце большую роль сыграла как абазинская авторская поэзия (М. Чикатуев, Б. Тхайцухов, М. Тлябичева и др.), так и

европейская литература, в первую очередь русская классическая поэзия, а также поэзия родственных братских народов.

Народный поэт увлеченно занимался и переводческой деятельностью. «Будучи уникальной сферой человеческой деятельности, перевод является тем видом творчества, где соприкасаются друг с другом не только разные языки, но и разные культуры, а порой и разные цивилизации. Вместе с тем, переведенные произведения становятся частью национальной литературы. Также они играют значительную роль в развитии художественной словесности» [1, с. 224].

Перу К. Мхце принадлежат высокопрофессиональные переводы на абазинский язык ряда бессмертных творений Д. Байрона, А. Пушкина, А. Кешокова, Х. Гашокова, К. Хетагурова, Б. Шинкуба и других известнейших авторов. Следует отметить, что к переводческому делу у поэта был свой подход. Он переводил только те произведения, которые были близки ему по духу и давали возможность выразить себя. Переводы произведений разных поколений явились для Керима Леонидовича неотъемлемой частью внутреннего роста, т. е. школой постижения литературного мастерства, о чем свидетельствует сам автор: «Когда переводишь, видишь воочию творческую манеру переводимого, естественно расширяется и собственный творческий диапазон. Перевод обогащает образную систему, поэтическое мышление. У каждого большого поэта есть своя тайна. Переводя, ты приближаешься к ней. Когда переводишь великое стихотворение, многое открываешь заново, задумываешься не только над каждой строкой или словом, даже над знаками препинания» [4, с. 28].

Керим Мхце, переводя с абхазского языка стихотворения народного поэта Абхазии Баграта Шинкуба («Солдат и его сын», «У надгробного камня», «Пока я жив», «В белой кофточке») и лауреата Государственной премии им. Д. Гулиа Таифа Аджба

(«Просьба», «Воспоминание», «Вот что в моем сердце», «Время», «Сон»), выразил свое поэтическое кредо к гениям абхазской классики. И если рассматривать переводы как самостоятельные произведения (отвлеченно от оригинала), то по уровню мастерства их можно причислить к значительным явлениям абазинской литературы.

Патриарх абхазской литературы Дмитрий Гулиа, закладывая основы родной литературы, указывал и на необходимость перевода произведений ярких авторов других народов на абхазский язык. Он и сам перевел множество поэтических и прозаических произведений классиков мировой литературы.

С лирикой Керима Леонидовича давно уже знакомы в литературных и читательских кругах Абхазии благодаря несомненному таланту выдающегося мастера абхазского поэтического слова Таифа Аджба. Таиф и Керим впервые познакомились в 1980 г. в Сухуме, на вечере, посвященном 25-летию выхода литературно-художественного журнала Союза писателей Абхазии «Алашара». И на протяжении последующих лет они своим художественным творчеством углубляли этнические духовные взаимоотношения. Когда замечательный абхазский поэт и гражданин Таиф Аджба пропал без вести (в дни грузино-абхазской войны захватчики увели его из дома, и больше поэта никто не видел), эта трагедия отозвалась острой болью в сердце Керима. Он по этому поводу опубликовал статью в «Абазаште» 4 сентября 1993 г. под названием «О, Всевышний! Пусть не скончается песня моя…».

Каждый большой поэт неповторим. И только переводчик, равный по таланту, по складу мышления поэту, человек, знающий все тонкости языка и особенности национального стихосложения, историю и культуру нации, сможет при большом трудолюбии и удаче создать равноценное произведение на другом языке. Хорошие стихи — это всегда выражение глубоких

чувств. Таким же должен быть и перевод, — отмечал классик абхазской литературы Баграт Шинкуба [7, с. 445]. Стихи К. Мхце в переводе Т. Аджба соответствуют этим требованиям.

Перевод стихов Керима на абхазский язык — это не простой литературный факт, а поразительная духовная близость двух выдающихся поэтов, которых связывали не случайные встречи, а внутренняя, глубокая привязанность. Это явление, содействующее глубокому взаимопониманию и развитию абхазо-абазинских литературно-творческих связей.

Лирика Керима Мхце, как известно, более решительна, чем произведения предшественников. Она куда более личностна, мучительно исповедальна и являет миру отчетливо выраженный характер своего автора. Исходя из вышеизложенного, можно засвидетельствовать, что именно творчество Керима Леонидовича обладает той могучей притягательной силой, которая неизменно привлекает к себе интерес и внимание нашей молодежи.

Одним словом, личность и поэтические достоинства творчества Керима Мхце давно пользуются заслуженной известностью и уважением в Абхазии, которая считается для всех абаза самой родственной и святой землей. Это еще раз подтверждает первая газетная публикация Керима Леонидовича, посвященная событиям в Абхазии 1992 года: «Да, абхазы и мы — родные братья, мы должны поддержать их в час беды, находиться рядом с ними, а если понадобится, то и умереть вместе с ними. Их и нас родила одна и та же мать. Если жить, то жить вместе, если умирать — умрем вместе» [5, с. 324]. Керим Мхце был деятельным и целеустремленным человеком. И эти качества в сочетании с доброжелательным отношением к братскому народу, умением сопереживать и разделять с ним тяжелую ношу непосильного горя, не могут не вызывать чувства глубокого уважения. По словам доктора филологических наук, профессора П. Чекалова, «абазинский поэт и публицист не мог ограничиться только

выражением своей позиции, ему действительно нужно было оказаться рядом с воюющим за свою независимость братским народом, и нет сомнения в том, что, если бы понадобилось, он готов был пожертвовать жизнью» [5, с. 324]. По материалам газеты «Абазашта», «Керим Мхце, с 8 сентября в качестве корреспондента «Абазашты» был прикомандирован к пресс-центру правительства Абхазии в Гудауте» [3, с. 2], и голос его тревожно зазвучал с боевых позиций.

Первый раз прибыв в военную Абхазию, Керим Мхце находился здесь вместе с абхазским тележурналистом Вячеславом Сакания и оператором, впоследствии погибшим на этой же войне Анзором Кварчелия. «Став реальным свидетелем событий, Керим впитал в себя все ужасы и лишения, которые несет с собой война. Рискуя порой быть сраженным вражеской пулей, он, не щадя себя, всегда был на передовой, шел по горячим следам событий», — вспоминает Вячеслав Сакания. Вот как об одном из таких случаев вспоминал сам Керим: «Бывало, что в горном лесу, на разбитой дороге нашу машину градом осыпали пули, а при переходе через мост реки Гумиста на нас набросилась группа вооруженных грузин, желая разорвать нас во что бы то ни стало… Я никогда не встречал подобных лиц. Не было на свете таких слов, которые были бы способны образумить их. Если бы не несколько стариков, мужчин в годах, остановивших их, нетрудно предугадать, чем могла завершиться для нас эта встреча» [5, с. 331].

Во второй раз К. Мхце оказался в Абхазии 3 октября 1993 г., т. е. после победы, после установления национального флага на границе с Грузией. За время двух командировок из-под его пера вышло более двух десятков разножанровых публикаций: это и документальное повествование, и дневниковые записи, и публицистика профессионального журналиста. Корреспонденции, статьи, очерки, свидетельствующие о военной и послевоенной

Абхазии, публиковались в газете «Абазашта» с 15 сентября 1992 г. по 29 декабря 1993 г. под общим заголовком «Тебя не смогут уничтожить, Апсны!». В каждой из работ журналиста нашел свое применение богатый фактологический материал. Кто хочет знать правду о грузино-абхазской войне, прочитав публикации Керима Леонидовича, увидит воочию славную страницу трагической и новейшей истории одного из древнейших народов Кавказа. В публикациях, помимо широко используемых материалов на документальной основе, содержатся рассказы друзей и однополчан героев его очерков, воспоминания участников военных операций. Не все личностные оценки, данные автором, бесспорны. Но, в конце концов, полная объективность — прерогатива времени. Эти материалы поистине бесценны в отражении драматических и героических событий, ставших частицей истории нашей освободительной войны. Они, как кирпичи при строительстве здания, являются слагаемыми, повествующими о войне, источником информации для тех, кому небезразлична судьба Абхазии и ее героев. Если выразиться словами известного абхазского писателя Джумы Ахуба, это «труд, подкупающий достоверностью» [2, с. 175], потому что написаны эти материалы на основе личных наблюдений и впечатлений автора, сердце, чувства и мысли которого без остатка отданы нам. Утешением для каждого, прошедшего те тяжелые времена, может стать как забота и внимание общества и государства, так и слово, сказанное вовремя, которым и является публицистика Керима Мхце. Свои впечатления о пребывании в Абхазии Керим Леонидович изложил и в стихотворной форме. В 1994 году под заголовком «Абхазская тетрадь (из цикла стихотворений)» в двух номерах (№12, 9.02.94, с. 3; №26, 26.03.94, с. 3) «Абазашты» он опубликовал пять стихотворений, которые, дополненные еще одним произведением, вошли в сборник «Вы не узнаете, кто я…». Мотив стихов созвучен с темами публицистических материалов автора.

Керим Мхце с достоинством займет свое место в истории Абхазского государства. Он награжден посмертно: в 2012 г. указом президента Республики Абхазия орденом «Ахьдз-Апша» («Честь и Слава»), а в 2018 г. в честь 25-летия Победы медалью «За Победу».

Чем больше отделяют нас годы от реального времени, в котором жил и творил великий поэт, тем глубже мы ощущаем на себе релаксационное воздействие его бессмертных произведений, животворного духа его неиссякаемого творчества. Проходят века, унося с собой многие приметы тогдашней жизни, а творения великих поэтов возвращаются к людям с каждым новым поколением. Они не расстаются с поэтом, пока его слово зовет!

Говорят же в народе: «Чьи слова вспоминают, те всегда с живыми». Перечитывая поэзию Керима Мхце, которая наполнена большим смыслом, верой в высокое предназначение человека, каждый раз любой из нас будет находить в ней что-то новое. И это верный признак того, что его поэзии суждено долго и долго жить.

Если поэт эпохален как мыслитель, он становится не только гордостью своего народа, его наследие приобретает общечеловеческую ценность. Именно такой ценностью и является творчество Керима Мхце.

Литература

1. *Алхасова С. М.* Перевод поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» на кабардинский язык // Национальные культуры в современном мире. Литература. Фольклор. — Москва – Сухум, 2012.

2. *Кравченко Н.* Сила военкора в книгах // Штрихи из жизни журналиста. — Сухум, 2008.

3. *Мхце К. Л.* Еще стреляют // Предисловие к корреспонденции. Газета «Абазашта». — № 104. — 15 сентября. — 1992.

4. *Чекалов П. К.* Страницы истории абазинской литературы. — Черкесск, 1995.

5. *Чекалов П. К.* Тема грузино-абхазской войны в публицистическом и поэтическом наследии К. Л. Мхце // Журнал «Аҟәа – Сухум». — 2010. — № 2.

6. *Чекалов П. К.* Керим Мхце в воспоминаниях друзей студенческой поры // Сюда пришел я, чтобы здесь остаться… — М., 2016.

7. *Шинкуба Б. В.* У каждого своя звезда // Собр. соч. — Т. 6. — Сухум, 2008.

ЗАУРБИЙ НАЛОЕВ: В КОНТЕКСТЕ АБХАЗО-АДЫГСКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ
(К 95-летию со дня рождения)

Для всех думающих людей очевидно, что каждый день нынешнего века оборачивается вызовом, — вызовом нашей культуре, нашим традициям, вызовом духовно-нравственной сфере человеческой жизни. Истоки его —процессы глобализации, идущие по миру с запада, начало которых было положено, как известно, в девяностые годы прошлого столетия — годы разрыва не только геополитического пространства большой страны, но и кризиса духовных, нравственных основ, следствие которых мы сегодня осмысливаем.

Сопротивление процессам глобализации способна оказать только духовная культура, в ее самобытном национальном выражении.

Необходимо понимать, что духовная культура, в основе которой родной язык и родная литература, — это то, что определяет будущее народа, то, что определяет формирование души народа, то, без чего народ не сможет выжить и существовать.

Нельзя забывать, что прошлое напрямую связано с природой самого человека, совершенно беззащитного без него. Человека защищает, оберегает не реальная сиюминутная ситуация, а тот великий дух, который как бы порождает некое его (человека) представление о прошлом. Нет этого?.. Значит, нет полноценного гражданина. Не зря же говорят, «кто забывает свое прошлое, у того нет будущего».

Таким образом, бесспорно одно: пока мы не разовьем духовные, нравственные качества народа, пока во главу угла не будет

поставлено именно культурное воспитание подрастающего поколения, его высокий образовательный уровень, мы не получим здоровое, культурное будущее.

Известно, что будущее за тем народом, который проявляет активный интерес к собственной истории и культуре, достигает необходимого уровня знаний и таким образом создает прочную основу для моделирования и реализации надежных «конструкций» своего настоящего и будущего. Такой народ не утратит ни национальной идентичности, ни национального самосознания, что в конечном итоге позволит преодолеть тенденции превращения его в «этническую пищу» для более многочисленных народов.

Когда кипит жизнь, и человек чувствует себя полезным, понимая, что его знания, его опыт нужны людям, его ждут, хотят видеть, тогда и он дает миру все, что может и готов дать, — вот тогда он живет по-настоящему, как великий адыг Заурбий Магометович Налоев.

Заур Налоев – это удивительное, огромное явление в абхазо-адыгской духовной жизни. Все его творчество весьма актуально именно сегодня в аспекте глубокого осмысления нашими народами проблем сохранения идентичности и размывания духовных ценностей, составляющих основу нашей исторической самобытности.

Заур Магометович был широко известен как в общественной жизни, так и в ученом мире, так как он являлся одним из выдающихся исследователей материальной и духовной культуры адыгов. Одним из основных достоинств его трудов является то, что они основаны на богатом фактическом материале, собранном по крупицам в ходе многочисленных научных экспедиций как в разных регионах Кабардино-Балкарии, так и по всему Кавказу.

Как известно, перу ученого принадлежит свыше 200 научных работ, в том числе получивших высокую научную оценку, та-

ких как: «Из истории культуры адыгов», «Джегуако и поэты», «Адыгская парамиология» и мн. др. В них материалы об этнокультурной идентичности абхазо-адыгского этноса, их сохранение и передача грядущим поколениям есть основа для преемственности духовно-культурных традиций этноса и убедительный историко-культурный базис в деле укрепления и развития наших братских отношений. Так как яркое сходство и аналогии основополагающих ценностей национальной культуры абхазов и адыгов, уходящие вглубь веков, не ограничиваются какой-либо одной областью, а проявляются во всей материальной и духовной культуре наших народов.

Заур Налоев неоднократно выступал с докладами на региональных, международных научных форумах, симпозиумах, в периодической печати и в других средствах массовой информации, пропагандируя прогрессивные национальные традиции по актуальным проблемам адыгской культуры, о путях развития адыгагъэ – «адыгства».

Его труды останутся настольными изданиями на века, под рукой филологов, этнологов, культурологов и многих других специалистов, которые понимают их научную значимость и практическую ценность, особенно для решения проблем сохранения и обогащения этнической индивидуальности абхазо-адыгского этноса в целом. Они являются ценнейшим вкладом как в филологическую, так и в историческую науку не только адыговедения, но и всего кавказоведения и поэтому востребованы и цитируются в академических научных кругах как ближнего, так и дальнего зарубежья. В том числе и в братской Абхазии. Материалы многих монографий могут быть использованы при написании обобщающих трудов по истории, филологии, этнокультуре абхазо-адыгских народов, подготовке учебников, учебных пособий, специальных курсов для студентов высших учебных заведений.

Можно смело констатировать, что создание таких научных работ или же монографий, раскрывающих историко-культурную динамику подлинного национального самосознания, в широком смысле этого слова, является важнейшим фактором для самосохранения и развития абхазо-адыгских народов на данном этапе глобализации и этнокультурной ассимиляции малочисленных народов.

Не меньшее значение для национальной культуры имеет его литературная деятельность. Многие его поэтические произведения вошли в фонд кабардинской классики. Образы, созданные им, отличаются философской глубиной и высочайшим художественным совершенством.

Заур Налоев, будучи тхамадой общественной организации «Адыгэ Хасэ» и членом Конгресса кабардинского народа, как один из главных инициаторов создания Международной черкесской организации (МЧА) проявил себя лидером. Он многое сделал для развития культурно-творческих и научных связей Кабардино-Балкарии и братской Абхазии. Именно он ездил в Абхазию в начале 90-х годов прошлого столетия, накануне начала Отечественной войны народа Абхазии 1992-1993 годов, и вместе с близким его другом – академиком, народным поэтом Абхазии, народным писателем Кабардино-Балкарии и Республики Адыгея, общественным и государственным деятелем Багратом Шинкуба выступал перед абхазским народом на известной поляне Мыку ашта. Хотя прошло свыше трех десятилетий с того времени, до сих пор и навсегда в Абхазии запомнили его слова: «…мы, адыги и абхазы, есть два дерева – одних корней родные братья. Нам друг без друга не жить на этой земле». Никогда забыта не будет духовная и материальная помощь Заура Магометовича представителям абхазской научно-творческой интеллигенции тогда, когда в 1992-1993 гг. народ Абхазии оказался в очень тяжелом положении.

За развитие и укрепление братских отношений между Кабардино-Балкарией и Абхазией Зауру Налоеву было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель культуры Республики Абхазия», он награжден орденом Леона. Также он являлся почетным профессором Абхазского государственного университета.

Заур Магометович относится к той части адыгской интеллигенции, которая несла молодому поколению свет знаний, учила молодежь честности, порядочности, любви к родине и народу. Он прошел нелегкий жизненный путь, но никогда не унывал и не терял веры в будущее молодого поколения и Отечества. Он был человеком многогранным, энергичным и по-детски задорным, заряжающим своим оптимизмом, верой в учение и Слово, был человеком доброты, но до той поры, пока ситуация не заставит его быть принципиальным, а это он умел. Да, он был разным, но неизменным оставалось одно — он был естественным, любящим жизнь и поэтому упорно, преданно и самоотверженно, ответственно и вдохновенно служил своему родному абхазо-адыгскому этносу. И светом своей души он озарил судьбы многих и многих поколений.

Разве это не может стать предметом нашей гордости и стимулом для сохранения наших родных древнейших языков, которые слышатся в выразительно-потаенном, гортанном говоре абхазо-адыгской детворы и чувствуются у этих уникальных гор… несомненно, у которых есть будущее, несмотря на трудности и проблемы, связанные в определенной мере с кризисным состоянием общественного сознания?!

Может, потому что «все происходящее в народе, в его истории, экономике, в социальной сфере, в его психике и духовной жизни — буквально все находит отражение в языке», — писала языковед, академик Л. П. Чкадуа.

Умение слышать и слушать, любить и понимать, думать и размышлять — это то, что мы должны сохранить и передать уже в память о Зауре Налоеве.

Да, о таких людях, как Заур Налоев, в народе не говорят «дыцсит» — «умер», а говорят «идунеи иццахит» — «поменял он свой мир». И не считают их умершими.

Человек жив, пока жива о нем память.

ПЕРЕД БЕССМЕРТИЕМ И ВЕКА БЕССИЛЬНЫ…
(К 95-летию со дня рождения известного абазинского поэта и прозаика К. С-Г. Джегутанова)

Кали Джегутанов – яркий представитель послевоенного поколения абазинских писателей, обретший свой собственный голос и подлинное лицо уже в последующие десятилетия.

Кали Салим-Гериевич вырос не на пустом месте, он имел предшественников, крупных мастеров художественного слова, также сверстников, собратьев по перу, а со временем приобрел и последователей, которые явно учились у него художественному мастерству.

Кроме несомненного природного дара, творческий успех поэту и писателю обеспечили не по годам богатый его жизненный опыт и основательная профессиональная подготовка.

Кали Джегутанов родился и вырос в долине исторической Кубины, где раскинулась обширная поляна, покрытая зеленым ковром трав, словно сотканным золотыми руками матери нартов – Сатаней Гуащи. Детство и ранняя юность пришлись на тяжелые военные и послевоенные годы, полные скорби, лишений и невзгод.

Его жизненный путь — ответ на вопрос о том, насколько легко стать одним из достойнейших представителей своего народа, не имея иной точки опоры, кроме своих знаний, неиссякаемой энергии, упорства и целеустремленности. Эту мысль еще раз подтверждают слова известного литературоведа П. К. Чекалова: «…любил справедливость и боролся за нее… был откровенен и принципиален. Без оснований не хвалил ни в глаза, ни за глаза. Обладал честью и достоинством» [7, с. 21–24].

Кубина испокон веков населена истинно абазгским духом. И с уверенностью можно сказать, что земля эта поэтическая, так как на этом берегу свое детство провели многие известные личности из числа абазинской творческой интеллигенции. Представим себе хотя бы на миг, как Кали Салим-Гериевич, плененный любовью к родной земле, во весь голос произносил:

Уахгьы-ԥынгьы сыԥхыӡ уалоуп,
Схи-сыхшыѳи уара иузкуп.
Абазашта – сԥьыԥь-сынхара,
Абазашта – сыԥсынӷры! [3, с. 39]

Да, родившись на земле великих нартов, Кали Джегутанов не мог не стать поэтом. Как и многие его сверстники, он пришел в литературу как поэт. И не зря его считают Одиссеем абазинской поэзии, так как его перу принадлежит первая авторская книга на абазинском языке «Тебе пою, Отчизна» («Сузышәаҳәоит, Сыԥсадгьыл»), вышедшая в 1956 году. И более чем четверть века он с горячей любовью и преданностью служил делу процветания родной литературы.

В стихах Джигутанова мы знакомимся с мудростью народа, его философией, его представлениями о чести, доброте, трудолюбии, гостеприимстве. И в каждой строке присутствует сам поэт, его широко открытое для людей сердце. Характерным мотивом поэзии К. Джегутанова является «раздумье над жизнью, над смыслом бытия и назначением человека на земле» [5, с. 180].

Лирический герой поэта горячо любит свой аул, свой родной очаг. Здесь его прошлое, настоящее и будущее. Где суждено ему «понять главное, определяющее в жизни, т. е. понять соль самой жизни» [5, с. 180].

Ашьыжь сааҽыхар, сԥаӷҟьа ашацаҳәа,
Снеины иаразнак ахышәқәа аасыртуеит.
Суадаҽ Кәбина ацәқәырӷақәа еилаҧеоит.
Кәбина сылашара, уара узы иаӷәара,
Иудыруеит ишадҳәалоу сара слахьынӷа [2, с. 44].

Как уже было сказано, поэтический мир Джегутанова разнообразен и богат. Он не замыкается на одной теме, умеет быть и лириком, и эпиком. В его творческом арсенале есть немало стихотворений, через которые красной нитью проходит тема любви, выражаясь словами известного Микаэля Чикатуева, к «родной матери» Абхазии. Стихотворение «Акәастҭа», переведенное известным абхазским поэтом и ученым, ближайшим другом Кали Салим-Гериевича — Владимиром Анкваб:

О, Аԥсны, Аԥсны,
Идунеи Џьанатҭу,
Зчеицьыка
Аишәа иқәӷаны ихту,
Сашьцәа гәакьақәа,
Зуаԥышьа ҟаиматҭу,
Сгәы шәыладуны
Схы аиҳагьы ишәықәсӷоит пату!
Азҳалашт
Иахьатәи угәырҷьара ашьҭа,
Ушәҭышхалааит,
Иҳашьоу, ҳазкәыхшоу, Аԥсны! [4, с. 45–48]

Кали Салим-Гериевич, как уже выше отмечалось, пришел в литературу как поэт и за свою жизнь издал девять поэтических сборников на родном и русском языках, но все же наибольшее признание получил своими прозаическими произведениями, ко-

торые, можно сказать, являются большим притоком реки его поэзии. Его перу принадлежат рассказы, повести и исторические романы – сборник «Хозяева гор» «Муртат», «Волшебная игла» и ряд других, отмеченных блеском неутомимого таланта. Среди них достойное место занимает переиздававшийся, но, несмотря на это, и сегодня являющийся библиографической редкостью исторический роман «Хьапщ джьуар» («Золотой крест»). В этом произведении автор, погружаясь на дно истории, находит там проблему, ритм, дыхание, печаль и радость, перекликающиеся с нашей сегодняшней жизнью. Сегодня, когда многие художественные произведения сорокалетней давности ушли в забытье, «Хьапщ джьуар» живет и пользуется спросом у читателей, потому что оно состоялось как достойное литературное произведение. И оно будет продолжать жить, свидетельствуя о своем времени, и этим будет интересно нашему времени.

Умелым использованием фольклорных сюжетов в своем творчестве автор дает читателю «возможность глубже познать психологию и чаяния народа» [5, с. 184], обогащает его художественный язык стилистически интересными конструкциями.

Творчество Кали Джегутанова высоко ценится не только соотечественниками, но и за пределами Карачаево-Черкессии, в том числе на земле предков в Абхазии.

В первой половине 50-х годов прошлого столетия, Кали Салим-Гериевич Джегутанов познакомился с внесшим ощутимый вклад в развитие послевоенной абхазской литературы поэтом-трибуном Алексеем Едгеевичем Ласуриа. В то время один учился на Высших литературных курсах (ВЛК), а другой — в Литературном институте им. А. М. Горького в Москве. И на протяжении последующих лет, до скоропостижной кончины Алексея Едгеевича, их дружба углубляла этнические, духовные взаимоотношения. А личное знакомство с Абхазией началось в 1954 году, когда Кали Джегутанов побывал на творческом вечере, посвященном 80-ле-

тию со дня рождения основоположника абхазской национальной литературы, народного поэта Абхазии Дмитрия Гулиа. Позднее, познакомившись с многими абхазскими писателями, Джегутанов всем сердцем любил и неоднократно бывал на исторической родине. Он один из тех немногих представителей творческой интеллигенции, которые, несмотря на трудности, способствовали восстановлению и развитию «мостов братства».

Среди абазинских поэтов и писателей немало тех, чьи произведения не раз публиковались на страницах абхазской периодической печати. Есть и такие, которые изданы отдельной книгой в переводе на абхазский язык в Сухуме. Творчество Кали Салим-Гериевича также было в поле зрения переводчиков. Немало его поэтических произведений перевели на абхазский язык: известная поэтесса Нели Тарба, Константин Ломиа, Шамиль Плиа, народный поэт Абхазии Виталий Амаршан, поэт, ученый, автор известных строк: «Сашьцәа гәакьақәа / Абаза жәлар сшәыкәыхшоуп» [1, с. 5] — Владимир Анкваб. А в литературно-художественном журнале Союза писателей Абхазии «Алашара» за № 7, 1981 года (с. 6–12), напечатан отрывок его прозы под названием «Маридат», в переводе Рауфа Эбжноу. Также с короткой биографической справкой несколько стихотворений данного автора вошли в сборник «Абазашта», который можно считать малой антологией абазинской поэзии на абхазском языке, вышедший в 1980 году в Сухуме. Выход этого сборника – это не простой литературный факт, а явление, содействующее глубокому взаимопониманию и развитию абхазо-абазинских литературно-творческих связей.

Не зря говорят же в народе, что «молитва от повторений не тускнеет».

Столетиями перечитывая произведения Кали Салим-Джегутанова, которые наполнены большим смыслом, верой в высокое предназначение человека, каждый раз любой из нас будет на-

ходить в них что-то новое. И это верный признак того, что им суждено долго и долго жить.

Как известно, связь времен и поколений, преемственность нравственно-эстетических традиций являются свидетельством исторической глубины осмысления действительности, мотивы которого имеют широкий выход в современность, когда еще не снята проблема сохранения этноса.

В завершение статьи хочется вспомнить некоторые отрывки поэзии близких друзей — Кали Джегутанова и Владимира Анкваб:

Абраскьыл икәастҭа ааиԥызшаз
Еибызшәаку рҧацәа ҳауп.
Ан гәакьа лваҷарақәа реиҧш,
Нырцә-аарцә иаду шьхак.
Иаҳҳәоит ҳартҭ бызшәак ала,
Ажәа гәакьа «Сашьа!» [4, с. 45–48]

К. Цьгәатан

Ҳара ҳаиқәызтҳара
Амԥақәа аркызароуп.
Ҳашьхақәа инархыҳәҳәа
Ҳнапқәа еибаркызароуп! [1, с. 8]

В. Анқәаб

Литература

1. *Анкваб В. П.* Стих. «Ҳашьцәа абазақәа шәахь» // Сышьха хытцырҭа. — Ашәқәтыжьырҭа «Алашара». — 1971.

2. *Джегутанов К. С-Г.* Стих. «Ахышәқәа аасыртуеит» (пер. Шарах Пилиа) // Литературно-художественный общественно-политический журнал «Алашара». — 1965. — № 3.

3. *Джегутанов К. С-Г.* Стих. «Абазашҭа» (пер. на абх.яз. В. Амаршан) // Литературно-художественный общественно-политический журнал «Алашара». — 1977. — № 4.

4. *Джегутанов К. С-Г.* Стих «Акәастҭа» (пер. Вл. Анкваб) // Литературно-художественный общественно-политический журнал «Алашара». — 1977. — № 8.

5. *Тугов В. Б.* Кали Джегутанов // Очерки истории абазинской литературы. — Черкесск, 1970.

6. *Тугов В. Б.* Кали Джегутанов // Очерки истории абазинской литературы. — Черкесск, 1970.

7. *Чекалов П. К.* Абазинские писатели. Библиографический справочник. — М: ООО «АГЕНТ», 1996.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОСЛОВИЦ В РОМАНАХ Б. ШИНКУБА «ПОСЛЕДНИЙ ИЗ УШЕДШИХ» И Б. ТХАЙЦУХОВА «ГОРСТЬ ЗЕМЛИ»[1]

Творчество народного поэта Абхазии, прозаика, общественного и государственного деятеля Баграта Шинкуба широко известно не только в Абхазии, но и далеко за ее пределами. Баграт Васильевич Шинкуба трудился в разных областях, и за жизнь, отведенную ему судьбой, безгранично много успел. Но, безусловно, главное его достояние — блестящее художественное слово.

Александр Блок писал об А. С. Пушкине: «Мы знаем Пушкина – человека, Пушкина – друга монархии, Пушкина – друга декабристов. Все это бледнеет перед одним: Пушкин – поэт». И это высокое призвание поэта в полной мере относится к Баграту Васильевичу Шинкуба. Его стихи, поэмы, а также эпические произведения снискали признание всемирного читателя. Они прочно вошли в сокровищницу мировой литературы.

Отличительная особенность творчества Баграта Васильевича Шинкуба — глубина и правдивость изображения действительности. Произведения его всегда актуальны, насыщены гражданственностью.

Наделенный большим природным умом и талантом, поэт совсем еще юношей осознал безграничную силу слова и с высокими помыслами посвятил себя ему.

Одним из важнейших произведений писателя, получивших мировую известность, является исторический роман «Послед-

[1] В соавторстве с А. Г. Инапшба

ний из ушедших», который переведен почти на все основные литературные языки современного мира [2, с. 3].

Хотим привести слова об этом произведении известного русского ученого Вадима Кожинова: «Хотя речь идет главным образом не об абхазах, а об их былых северных соседях – убыхах, мысль и страсть художника… обращены к своему народу. Чувствуется, что в глубине творческого сознания художник как бы предположил, что это безысходная трагедия постигла его собственный народ, и именно поэтому роман исполнен такой проникновенной силой. Но в то же время нельзя не видеть, что автор говорит не о ком ином, как об убыхском народе, целиком отдав ему свою душу. Б. Шинкуба исполнил высокий долг перед исчезнувшим народом» [2, с. 3].

Роман вышел на абхазском языке в 1974г., а в 1976 г. печатался в журнале «Дружба народов» на русском языке (пер. К. Симонова и Я. Козловского). В том же году вышел и отдельной книгой.

«Последний из ушедших» посвящен истории убыхов, разделивших судьбу других народов Северного Кавказа во второй половине XIX в. К теме махаджирства также обращались многие писатели и поэты Северного Кавказа. Можно вспомнить роман народного писателя Карачаево-Черкесской Республики Б. Тхайцухова «Горсть земли». «В произведениях Б. Тхайцухова «Горсть земли» и Б. Шинкуба «Последний из ушедших» раскрывается сложный период истории абхазов и абазин. Отображена их этническая и историческая связь. Вместе с тем романы заставляют думать о настоящем и будущем этих народов», — отмечают литературоведы А. Ашуба и А. Дзыба [1, с. 330].

В своих произведениях Б. Шинкуба и Б. Тхайцухов нередко обращались к устному народному творчеству, — это легенды, мифы, пословицы… Исключением не стали и исторические романы «Последний из ушедших» и «Горсть земли», в которых ав-

торы использовали большое количество пословиц и поговорок. В индивидуальной речи персонажей они становятся ярким средством, раскрывающим характер и мировоззрение главных героев, показывающим их отношение к событиям и явлениям жизни, помогают лучше разобраться в их поступках, делают их речь более запоминающейся. Разнообразна тематика пословиц, используемых писателями, — о преданности родине, о храбрости, о мужестве, о терпении и т. п. Пословицы сочетаются с различными художественно-изобразительными средствами и приемами, такими как сравнения, метафоры, гиперболы и т. п. Мы рассмотрим некоторые пословицы из романа «Последний из ушедших», приводя примеры текста, чтобы более глубоко раскрыть их смысл. Также будем сравнивать их с пословицами, которые использовал Б. Тхайцухов в своем романе «Горсть земли».

Эпиграфом романа «Последний из ушедших» автор выбрал известную абхазскую пословицу «Теряющий родину теряет всё» [4, с. 4]. В короткой фразе заключен весь смысл романа: человек, оставляя родину, теряет не только отечество, но теряет и свой язык, свою культуру, традиции, обычаи, историю. Убыхи, которые по воле судьбы были вынуждены покинуть свою родину, навсегда потеряли это всё. Смысл пословицы красной нитью сшивает текст романа. Тему родины автор затрагивает неоднократно, каждый раз показывая страдания убыхов на чужбине. По смыслу к этой пословице близка и следующая: «Родина может потерять тебя, но ты никогда не смеешь терять родину в своем сердце» [4, с. 224].

Показывая любовь к родной земле и тоску по ней на чужбине, в своем романе Б. Тхайцухов использовал также следующие паремии: «Рыба и та, наверное, думает: «Да будет голубой вода, где я плаваю» [3, с. 19], «Лучше потушить пожар в своем доме, чем разжечь очаг в чужом» [3, с. 76], «На чужбине человек радуется и собаке, лишь бы она пришла с родной земли» [3, с. 83].

В сентенции «Ты слишком мудр, Ахмет, сын Баракая, ты хочешь, как это у вас говорят, чтобы и курица была со всех сторон поджарена, и палка, на которой ее вертят над огнем, осталось цела» [4, с. 44] содержится пословица, означающая, что не следует делать ничего излишнего. Тот, кто верен золотой середине, может мудро избежать неприятностей.

«Не беспокойся о нас, господин генерал, — стараясь возвысить голос как можно громче, чтобы его как можно дальше слышали, сказал, почти крикнул Хаджи Керантух. — Никто еще не измерял храбрости людей их числом» [4, с. 46]. Показывая храбрость и мужество убыхского народа, автор использовал идиому «Никто еще не измерял храбрость людей их числом». Численность убыхов была мала, но они готовы были сражаться до конца, хотя и понимали, что идут на верную смерть.

«Пока есть жизнь, живет и надежда. Видя слезы матери и желая утешить тревогу всей нашей семьи, я решился отправиться на поиски Айши» [4: 122]. Пословица показывает, что, в какие бы невзгоды человек не попал, его будет питать надежда, что все будет хорошо. Оказавшись на чужой земле, убыхам оставалось лишь надеяться на лучшее. Хотя Зауркан догадывался, что его сестра Айша может быть уже мертва, но он все же отправился искать ее с надежной. Той же темы касается и следующая пословица: «Душа утонувшего и на дне моря копит сено надежды» [4, с. 220].

Показывая, как радушно приняли Асият в доме Сафара, где и так было немало горя, Б. Тхайцухов использовал схожую пословицу: «Вместе люди всегда надеются, а поодиночке – горюют» [3, с. 209].

«Но если ты готов слушать меня и дальше, то не сетуй, что рассказ мой будет походить на кровоточащую рану, в которую злая рука бросила горсть соли. В старину говорили: лекарства сладкими не бывают» [4, с. 126]. Чтобы показать, что правда не

всегда может понравиться человеку, автор использовал пословицу «Лекарства сладкими не бывают».

«Это только говориться, что гонец за весть не ответчик. Черный вестник мог не выйти из дворца живым» [4, с. 173]. Показывая, как боялись принести султану плохую весть, автор использовал данное выражение.

«Сказано, дад Шарах: «Когда терпение ушло, подошла могила». Видно, на беду мою, судил мне рок великое терпение, потому что еще жив» [4, с. 185]. Пословица означает, что терпеливый человек преодолеет в жизни любые трудности. С ее помощью автор показывает, что, хотя в судьбе Зауркана и было очень много бед, он все же был терпелив. По смыслу с этой пословицей схожа и следующая: «Терпение – сестра удачи» [4, с. 135].

С темой терпения также связана пословица, применённая в романе «Горсть земли», где говориться: «Для того, кто ждет, минута становиться часом, а час днем» [3, с. 12].

«Поссорится князь с княгиней, а попадет служанке! – мрачно отозвался старик» [4, с. 243]. Пословица означает, что под горячую руку может попасть невинный человек. Автор использовал пословицу, чтобы показать, как грядущая война могла означать исчезновение всего убыхского народа.

«Яблоко от яблони не далеко падает: повадки и пристрастия отца перенял он с плотью и кровью» [4, с. 255]. Когда дети совершают те же ошибки, что и их родители, когда они имеют схожие черты характера, одинаковый взгляд на жизнь, используют пословицу «Яблоко от яблони не далеко падает». Автор использовал ее, показывая, что Мансоу, сын Шардына, шел по стопам своего отца: его не волновали соплеменники, их нужды и заботы.

«Как видно, от сплетни и на коне не ускачешь. И пошла она гулять по всем убыхским селениям. Один соврал, другой не

разобрал, а третий от себя добавил. Скотина бывает пестрой снаружи, а человек изнутри» [4, с. 284]. Пословица означает, что внешний облик человека обманчив. Используя ее в романе, автор подчеркивает, что многие, услышав ложь про Тагира, показали свои настоящие лица. Те, кто вчера стоял рядом с ним, сегодня готовы были отсечь ему голову.

Отмечая тревогу и недоверие Асият и ее отца, Б. Тхайцухов использовал пословицу: «Змеи, и те не все ядовитые, но не сразу отличишь их по виду» [3, с. 82].

«Но, дорогой Шарах, как говорят у вас, абхазцев, — на чьей лодке сидишь, тому и подпевай! И мы молча сносили не только брань, но даже пинки» [4, с. 98]. Пословица «На чьей лодке сидишь, тому и подпевай» показывает, что убыхам на чужбине оставалось только смириться со своей судьбой.

Подчеркивая бессилие и тяжелую участь убыхов, автор использовал и следующие идиомы: «Хозяин коня не станет просить, чтобы ему одолжили коня» [4, с. 72], «Меч власти длинный…» [4, с. 134], «У богатого и петух несется» [4, с. 189].

Также, чтобы показать тяжелую участь бессильного, его постоянное сопротивление несправедливости, Б. Тхайцухов в романе «Горсть земли» использовал следующие пословицы: «У бедного сердце щедрое, а у богача — нищее» [3, с. 27, 136], «Медовая вода богача — горькие слезы для бедного» [3, с. 27], «Сухой хатык бедняка слаще медовой воды княгини» [3, с. 35], «Волк и человек не могут жить рядом» [4, с. 81], «Богач куда ни придет, никакая холера к нему не пристанет» [3, с. 161].

«Огонь нельзя гасить маслом, обиду нельзя успокаивать гневом, дад» [4, с. 159]. Когда какими-нибудь поступками человек может усугубить свое положение, ему говорят: «Огонь нельзя гасить маслом». Автор использовал пословицу, показывая недовольство и обиду Шардына, сына Алоу.

«На кладбище все равны, а пока живем, у каждого свое место на земле» [4, с. 201]. Пословица означает, что после смерти все равны, и не имеет значения, был ли человек бедным или богатым.

«А девушка, как вы, абхазцы, говорите, подобно стакану, выскользнет из рук — пропадет» [4, с. 160]. Автор использовал пословицу, чтобы показать, как семья Джуны переживала за нее, находясь в неведении о ее судьбе.

«О наших мусульманских муках что может накарябать христианская рука? От нелюбезного пророку не жди проку!» [4, с. 143] Пословица означает, что не нужно просить помощи у нежеланного человека.

Показывая, как Асият не хотела притрагиваться к еде своего врага, Б. Тхайцухов использовал схожую по смыслу пословицу: «Никогда не ешь хлеб-соль у врага своего» [4, с. 222].

В пословицах отражается мудрость и дух народа, возникновение которых относится к глубокой древности. В них, как в зерне, заложены силы духовного мышления и культуры народа. Знание пословиц, использование их в речи — это великое достояние, которому нужно учиться всем и всегда, чтобы развивать ум и укреплять память. Используя большое количество пословиц в своих произведениях, авторы данных романов значительно расширили рамки абхазского и абазинского литературных языков, еще раз показав, что у нашего этноса богатая история тысячных поколений.

Литература

1. *Ашуба А. Е., Дзыба А. Х.* Абазинский и абхазский исторический роман: традиций и типологические схождения // Национальные культуры в современном мире: литература, фольклор. — Сухум, 2015.

2. *Ласурия М.* Звезда Баграта // Газета «Республика Абхазия». — 25-26 марта 2004 г. —№ 32.
3. *Тхайцухов Б. Х.* Горсть земли. — Черкесск, 1993.
4. *Шинкуба Б. В.* Последний из ушедших. — М., 1982.

НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЭЗИИ РАСУЛА ГАМЗАТОВА
(на материале абхазских переводов)

Одни поэты – сыновья эпохи...
Р. Гамзатов

Одним из широко известных и значимых в искусстве слова Северного Кавказа является имя заслуженного деятеля искусств и народного поэта Республики Дагестан Расула Гамзатовича Гамзатова. Творчество этого талантливейшего мастера художественного слова обозначило новую веху в развитии национальной литературы.

В одном из живописнейших уголков Дагестана, среди величественных горных громад, в незапамятные времена предки замечательного аварского поэта Расула Цадаса–Гамзатова сложили свой очаг и навсегда обосновались. Впоследствии здесь родилась и первая строка поэта, переводчика Гамзата Цадаса, а позже и его сына — Расула Гамзатовича.

Селение Цада всё, от подножья до вершин, пронизано кавказским духом. Можно представить, как плененный этой красотой юный Расул во весь голос произносил вдохновенные строки Лермонтова:

Синие горы Кавказа, приветствую Вас:

Вы взлелеяли детство мое,
Вы носили меня на своих одичалых хребтах,
Облаками меня одевали [4, с. 477].

Действительно, здесь горы синие-синие. Кажется, ни кисть художника, ни высокое слово поэта не могут выразить всю эту красоту. А седые волны горных рек, текущих из глубоких каменных ущелий с древних времен поют одну и ту же песню, которая никогда не надоедает. Может быть это, выражаясь словами самого Расула Гамзатова, песня о Родине?

Нельзя не полюбить эту землю, увидев ее хоть один раз, если у тебя живое человеческое сердце. Но жить тут не так просто, для этого надо быть стойким и упорным, как то деревце у народного поэта Абхазии Баграта Шинкуба, которое растет у отвесной скалы с обнаженными корнями. Несмотря на безжалостное наступление ветра и непогоды, оно стоит, держится цепко за землю, не отступая, не падая. Таково мужество и здешних людей. Да, родившись на такой исторической земле, где каждый камень разговаривает с тобой о седой древности, Расул Гамзатов не мог не стать поэтом.

Более 40 лет плодотворно, многогранно, с горячей любовью трудившийся на ниве литературы, Расул Гамзатов принадлежит к тому славному поколению, которое в начале 40-х годов прошлого столетия во весь голос заявило о себе. Первый сборник стихотворений Расула Гамзатова на родном аварском языке вышел, как известно, в 1943 году, когда ему было всего 20 лет. Уже тогда он почувствовал неизменную силу нравственного содержания человека, верного идеям предков, т.е. нравственную и духовную ответственность человека перед родной землей. Расул Гамзатович с первых шагов своего творческого пути обладал умением осмыслить глубинные основы бытия народа, раскрыть его нравственные, психологические и общественные проблемы.

В каком бы жанре ни работал Расул Гамзатов, везде красной нитью проходит мысль об ответственности художника слова, высокой преданности литературе. В его строках счастливо сочетаются поэзия и человечность. Тут нельзя не вспомнить строки

Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» [5, с. 414].

В 1948 году вышел первый сборник Расула Гамзатова на русском языке «Земля моя» в Дагестане. А в 1949 году в Москве — сборник под названием «Песня гор».

В творчестве поэта отражены мудрость народа, его философия, его представления о чести, доброте, трудолюбии, гостеприимстве, его мечты о завтрашнем дне… И в каждой строке присутствует сам поэт, его широко открытое сердце.

Можно смело сказать, что Расул Гамзатов всю свою поэтическую любовь посвятил родному Кавказу, его мужественным людям, его неповторимой природе, его многострадальной богатой истории, его обычаям и нравам. Об этом говорят, например, следующие строки:

Горцы верят, что орлы древнее
Прочих обитателей земли.
Я же склонен думать, что вначале
Появились люди, и поздней
Многие из них орлами стали
А иные превратились в змей [3, с. 2].

С самого начала творческого пути Расул Гамзатович, проникая острым художественным взглядом в пласты действительности, проявлял живой интерес к нравственным идеалам.

Нравственная цельность — это не только черта Гамзатова–писателя, а и черта Гамзатова–человека. Он хорошо умел напомнить читателю о том, что называется уникальностью человеческого «Я», т.е. о тех вещах, к которым человек нередко бывает равнодушен, а порой и жесток.

О чем бы ни писал Расул Гамзатов: о тяжелых следах войны, о людях, о добре и зле, о дивной красоте своего любимого края

— везде чувствуется его искренность, активная гражданственность, достоверность мыслей и чувств.

Народный поэт удивительно сочетает в себе личное и общественное, частное и социально значимое. И поэтому он часто выходит «за рамки» родной литературы. Не перестает он быть национальным, но одновременно становится и интернациональным. У него нет вещей, отстраненных от «злобы дня». Он умеет, когда нужно, остросоциальные вопросы поставить в упор, не прибегая к формальным поискам и аллегорическим тонкостям:

Я побывал под тысячью созвездий,
Я видел мир, лежащий под луной.
<…>
Сейчас светает, я лежу в больнице,
Я тяжко болен вот уж много дней,
И мир огромный, что во мне таится,
Лежит со мною: он меня больней [3, с. 2].

Да, стихи не должны иметь возраста, и нет силы, которая могла бы состарить поэта. Гамзатов-поэт рассказывает о вещах, которые никого не могут оставить равнодушным – о любви и ненависти, о чести и подлости, о преодолении высоты и падении… Могут возразить: разве не об этом говорят поэты? Дело в степени дарования, искренности, в том запасе духовного опыта, при котором Всевышний позволяет вести речь от имени поколения, от имени целого народа.

Расул Гамзатов − есть доказательство способности малочисленных народов к созданию больших духовных ценностей. Он стал наивысшим выразителем мыслей и чувств не только родного – аварского, но и всех народов Кавказа, чьей гордостью является.

Он был поэтом по своему восприятию жизни, по интеллекту, духовности, мироощущению. Суть его личности: духовная

окрыленность, глубокое понимание смысла жизни, чувство творческого полета, смысл которого четко выражен в стихотворении абхазского ученого Олега Шамба:

Кому природа – мать полет дала,
Тот жизнь прожить не может приземленно [2, с. 259].

Творчество Расула Гамзатова широко известно не только в Дагестане, но и далеко за его пределами, в том числе и в Абхазии. Благодаря умению и стараниям абхазских поэтов, таких как М. Ласуриа, В. Амаршан, П. Бебиа и многих других, сегодня мы имеем немало высокохудожественных переводов поэзии Расула Гамзатова на абхазский язык. Например:

Ҳақьымзам ауаԥы дызхәышәтәуа, ижәдыруаз,
Ауаԥы дахәшәтәуеит иан гәакьа лбызшәа.
Мап, са схатәы бызшәа уаӷәы изуазар,
Сара сыхиоуп иахьа сыԥсрацы.
Ассамблеи атрибунахьтә ауаа рзызо,
Имгозаргь, уи дуззоуп сара сзы [1, с. 477].

Расул Гамзатов был одним из тех, кто всегда проявлял живой интерес к Абхазии и абхазскому народу, их древним обычаям и нравам, считая эту землю обетованной. Он впервые ступил на нее в 1954 году, присутствовал на торжественном заседании, посвященном 80-летию одного из сыновей абхазского народанародного поэта Абхазии Дмитрия Гулиа, которому выпало редкое счастье быть зачинателем родной литературы, подобно Прометею, похитившим огонь в беспросветную ночь и зажегшим костер, который согрел душу народа, расширил и углубил его самосознание.

Тогда он вместе с писателями, учеными, государственными и общественными деятелями Абхазии посетил несколько аб-

хазских сел. Многие представители абхазской интеллигенции и сегодня хорошо помнят эти незабываемые встречи, мудрые слова Расула Гамзатова, произнесенные на многочисленных выступлениях. В любом уголке, куда бы он ни приезжал, его встречали, как родного брата. Конечно, все это не случайно. Расул Гамзатович один из тех, кто хорошо знал многовековые братские связи кавказских народов. Он один из тех, у кого дружба и братство народов не являлись лозунгом, а были практическим делом, точнее говоря, он своим художественным словом развивал и углублял традиционную дружбу наших народов. Завязавшаяся таким образом дружба с абхазской творческой интеллигенцией далее еще больше укреплялась корнями.

Гостеприимство, любовь и глубокое уважение к людям, — эти священные чувства, которые так высоко чтили наши предки, достойнейшим образом сохранились и в семье Дмитрия Гулиа. Здесь двери всегда были открыты для друзей. Сколько тепла и сердечности проявляли члены семьи народного поэта к его близким людям, его друзьям, в том числе и Расулу Гамзатову. В ответ Расул Гамзатович посвятил стихотворение народному поэту Абхазии Дмитрию Гулиа:

Пусть щедро горит в твоем доме очаг,
Пусть пламя не гаснет в стихах и очах!
Пусть гордо усы твои кверху глядят,
Закручены лихо – как годы назад!.. [3, с. 2]

Творчество Расула Гамзатова не утрачивает актуальности со временем. Даже там, где он обращается к «делам давно минувших дней», он остается современным, так как его слово всегда сохраняет живую силу воздействия, отвечает нашим духовно-нравственным потребностям. Не зря сказал Максим Горький, что «превосходная должность – быть на земле человеком» [6, с. 436].

Да, все что положено было человеку, все сумел свершить Расул Гамзатов. Таким остается он в веках, в этом сила и смысл его жизни и творчества.

Литература

1. *Бебия П.* Ахатәы бызшәа // Собр. соч. — Т. 3. — Сухум, 1999.

2. *Ладария М.* Слово о коллеге / Б. А. Гургулия // Соч. в 3 т. — Т. 3. — Сухум, 2018.

3. *Ласуриа М.* Расулу Гамзатову – 90 лет // Литературная газета «Ецваджаа – Созвездие». — 2013. — № 8-9 (93-94).

4. *Ломиа К.* Высокая преданность родной литературе // Соч. в 3 т. — Т. 2, 3. — Сухум, 2013.

5. *Ломиа К.* Поэт и гражданин // Соч. в 3 т. — Т. 2, 3. — Сухум, 2013.

6. *Шинкуба Б.* Слово о Д. И. Гулиа // Собр. соч. — Т. 6. — Сухум, 2008.

КОСТА ХЕТАГУРОВ И ОСЕТИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ АБХАЗСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ

На земле, в жизни материального и живого мира, существуют определенные границы, законы движения, гармоническое соотношение вещей и явлений, созданные природой в течение тысячелетий своего развития. Природа всегда обогащала эстетический и духовный мир человека, помогала ему через «прекрасное», то есть через искусство, постоянно познавать самого себя.

История развивается по объективным законам, а процесс его протекания во многом зависит от творящих его людей: как от чиновничьей, так и от творческой элиты.

Небезызвестно, в каком мире мы сегодня живем, соответствующие принципы систематически нарушаются, отражая ставшие неизбежными процессы нового передела мира на более реальной основе, чему свидетельствуют многие нынешние мировые факты.

Опасна не материальная нищета, а нравственное обнищание, ибо первое затрагивает физическое состояние человека, а последнее разлагает его душу, девальвирует моральные ценности.

Развитие мира, как всем известно, заключается в победе духовной силы над материальной, что сопровождается одухотворением материального бытия. Идея духовности органически растворена во всей развертке культурного и исторического бытия человека, что дает основание говорить о духовности как родовом понятии человеческого способа жизни. Иначе говоря, она

и есть то, что сплавляет воедино все механизмы высшего уровня в определенном способе существования человека.

Видными психологами сказано: «Каждый индивидуум является одновременно таким же, как все, таким же, как некоторые, и в то же время как никто другой». Однако, пропорции этих состояний у всех разные.

Жизнь человека, хоть горькая, трагичная или же радостная, неотделима от жизни родного народа; где Слово рождено знанием, любовью и страданием. Способствуя дальнейшему развитию, дополнительный импульс духовности, важность которой актуальна сегодня, как никогда придает человеку Слово, которое несет в себе ни много ни мало программу бытия каждого народа в Вечности, код его исторического предназначения на Земле.

Да, художественная литература является одним из основных стержней исторической памяти народа, которая звучит как своеобразное упреждение того деструктивного, что может лишить национальную культуру смыслового ядра.

Ни для кого не секрет, что из переходного нашего времени взрастет другой человек, путь которого – либо вниз к хаосу, либо на подъем к вышележащим уровням нравственного бытия.

Исходя из вышеизложенного, хотелось бы отметить, что на пути признания в человеке Высшего начала Духа одним из основных «монолитных столбов» основания является воздействие поэтического слога на умы людей. Общеизвестно, что высшим продуктом мирового прогресса является духовное самопознание человека, у которого духовный стержень будет способствовать отражению его самоценности и проявляться в высшем способе реализации отношения к другому, направленному на выявление и сохранение красоты человеческих отношений. Таким и является творчество Косты Левановича Хетагурова, за что он завоевал вполне заслуженно симпатии не только родного, но и

мирового сообщества. Не зря же говорят: простота сочетается с глубиной, знание жизни – с поэтическим ее восприятием.

Протестующий или предостерегающий голос Косты Хетагурова совершенно справедлив. В его произведениях раскрываются общезначимые, морально-этические основы человеческой личности, то есть о необходимости утверждения в жизни каждого индивида таких вечных и незыблемых нравственных категорий бытия, как Мудрость, Доброта, Совесть, Жалость, Преданность, Любовь и т.д.

Художественный перевод – один из древних форм культурного общения народов. Немало примеров, когда произведение одной литературы в переводе становилось духовным богатством и другого народа, как случилось, к примеру, с «Ауаҷс фандыр» – «Осетинская лира» Косты Хетагурова, который был переведен на абхазский язык известным поэтом и общественным деятелем Геннадием Аламиа (за что он был удостоен литературной премии им. Н. Джусойты) и стал достоянием абхазской духовной культуры.

Поэзия К. Хетагурова стоит в ряду первых, «экспортированных» абхазскому читателю из осетинской поэзии. А затем абхазский читатель имел возможность прикоснуться как к поэтическим, так и к прозаическим вкусам и других мастеров осетинского художественного слова. Среди них – Алборты Хаджиумар, Бестауты Георгий, Дзудцати Хаджи-Мурат, Гаглоев Владимир, Дзугаев Георгий, Ахсар Кодзати и многие другие.

В 1976 г. очередной 10-й номер литературно-художественного и общественно-политического журнала Союза писателей Абхазии «Алашара» был посвящен творчеству 12 осетинских литераторов. Также, в 1-м его номере за 2011 год были опубликованы стихотворения, циклы разной тематики, рассказы 22 осетинских поэтов и писателей. Немалая заслуга в этом переводчиков – Д. Гулиа, Г. Гублиа, М. Ласуриа, Н. Квициния,

А. Аджинджал, С. Агындиа, В. Басариа, Т. Чаниа, В. Зантариа, В. Амаршан и других.

Перевод произведений осетинских писателей на абхазский язык – это не просто литературный факт, это явление, содействующее глубокому взаимопониманию и развитию абхазско-осетинских литературно-творческих связей, которые очень важны для наших народов.

И в заключение хотелось бы отметить, что в Абхазском государственном университете в программе дисциплины «Литература народов Северного Кавказа» есть и творчество выдающегося Косты Хетагурова. Также его произведения входят в учебную программу для средних школ нашей республики.

Как говорится, добрая, здоровая традиция не создается одним разом, одной встречей, она постепенно взращивается группой единомышленников, а уже потом, обогащаясь новыми мыслями, становится традицией для поколения. А связь времен и поколений, преемственность нравственно-эстетических традиций являются свидетельством исторической глубины осмысления действительности.

ЮБИЛЕИ.
ВЫСТУПЛЕНИЯ.
ЗАМЕТКИ

БАГРАТ ШИНКУБА И ПИСАТЕЛИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ[1]

Для каждого, кто знаком с историей наших народов, рассматривать творчество абхазских и кабардино-балкарских авторов в единстве исторически оправданно.

Общность нашей культуры, наших древних традиций, а также многочисленные исторические источники недвусмысленно говорят о том, что адыги и абхазы – родные братья. Это мысль еще больше находит свое подтверждение, если мы обратимся к фактам из духовной сферы наших предков. Чего стоит один Нартский эпос – шедевр эпических сказаний мира!

Наши народы всегда имели общие интересы, но в какое-то время мы были умышленно разобщены. Особенно после трагедии махаджирства тяжело было восстановить былые братские связи. Немало сил препятствовало связям, способствовавших нашему общему развитию. Но, независимо от трудностей, представители интеллигенции с той и с этой сторон стремились всячески восстанавливать мосты братства. Отдельным личностям удавалось по силе возможности что-то переводить, опубликовывать, побывать у своих братьев. Одной из таких личностей, вошедших в историю, как носитель великого духа абхазо-адыгского народа, являлся Баграт Васильевич Шинкуба.

Баграт Шинкуба был поистине Народным поэтом не только Абхазии, но заслужил и звание «Народный писатель Кабардино-Балкарии и Адыгеи». В качестве своего писателя его воспринимают и многие другие народы Северного Кавказа, и много-

[1] 12. 12. 2017 г. Кабардино-Балкария, г. Нальчик. Фонд культуры КБР.

численная диаспора в Турции и других странах. Такие случаи редки в национальных литературах народов мира.

Баграт Шинкуба трудился в разных областях, и за жизнь, отведенную ему судьбой, безгранично много успел. Но главное его достижение – блестящая поэзия и святое слово.

Наделенный большим природным умом и талантом, поэт совсем еще юношей осознал безграничную силу слова и с высокими помыслами посвятил себя ему.

Его можно сравнить с высокой скалой средь кавказских гор. Как говорит народный поэт Абхазии Витали Амаршан, «это Эльбрус всей кавказской поэзии». Не случайно, как один из представителей великих поэтов Кавказа он принимал участие в Европейском форуме поэтов, проходившем в 1970 году в Венгрии.

Проходят века, унося с собой многие приметы жизни, а творения великих поэтов возвращаются к людям с каждым новым поколением. Они не расстаются с поэтом, пока его слово светит, волнует, зовет!

Если поэт эпохален как мыслитель, он становится не только гордостью своего народа — его наследие приобретает общечеловеческую ценность. Именно такой ценностью явился Баграт Шинкуба.

Если можно выразиться словами самого Баграта Шинкуба, то он «старый кабардинец». В 1940 году во время учебы в Москве, на курсах переводчиков, он познакомился со ставшими потом выдающимися писателями балкарцем Кайсыном Кулиевым и кабардинцем Хачимом Теуновым. По их приглашению и приехал в Кабардино-Балкарию впервые, в апреле того же года. С того момента у него завязались дружеские отношения со всеми писателями республики, особенно с Алимом Кишоковым, Адамом Шогенцуковым и Зауром Налоевым. И можно предположить, как велико было их влияние друг на друга, как их общение сказывалось на развитии души каждого, обогащало

и наполняло жизнь радостями. При том, что все они были великими и сложившимися личностями.

Прекрасная и длительная дружба была у поэта с кабардинцем Алимом Кишоковым, который перевел множество его стихотворений.

К Кайсыну Кулиеву Баграт Шинкуба относился по-отечески, он был одним из его близких друзей – литераторов, искренне любивших Абхазию и патриотично к ней относившихся. Как-то в Москве он подарил Баграту Васильевичу обыкновенный камушек с Кабардино-Балкарии, символизирующий кусочек его сердца. А Баграт Шинкуба написал в ответ стихи, которые заканчиваются словами:

Разлукою не отдаленный,
Я старой дружбой дорожу,
И снова на руке дареный
Волшебный камушек держу.

Особая дружба была с народным писателем, почетным тхамадой «Адыгэ Хасэ» Зауром Налоевым. Впрочем, как и многих представителей творческой интеллигенции Кавказа, Заура Налоева в Абхазии воспринимали как родного человека. Он один из тех, кто своим пронзительно-откровенными выступлениями мог развивать и углублять традиционные братские связи наших народов.

Рассказать обо всех, с кем дружил и сотрудничал народный поэт Абхазии, народный писатель Кабардино-Балкарии и Адыгеи Баграт Васильевич Шинкуба, к сожалению, невозможно. Но возможно низко поклониться их памяти. По словам добровольца, павшего смертью храбрых за свободу Апсны, Мурата Шовгенова, «со смертью человека умирает все, что в нем было, но любовь к Родине бессмертна, и человек, имеющий горячую любовь к Родине, – бессмертен».

«КАК РОДНИК ОНА ЖУРЧИТ…»[1]

Китайский писатель VIII века Хань Юй сказал: «Все сущее, утратив покой, начинает звучать. Деревья и травы безгласны, но ветер их всколыхнет, и они зазвучат. Вода безгласна, но всколыхнет ее ветер, и она зазвучит. Взволнуется, или устремится за ним, или вспенится, заклокочет. Металл и камень безгласны, но стоит ударить по ним, и они зазвучат. Так и человек. Нахлынут чувства – и он не может молчать. Запоет – выразит свои думы, заплачет – о печали расскажет или о радости. В музыке (звуке) человек выражает чувства, которые рвутся наружу…»

То же самое относится, несомненно, и к древнейшему и священному ремеслу поэта, сущность которого не меняется тысячелетиями.

Да, «утратив покой, начинает звучать»… И в этом звучании внятен голос народа, утратившего покой и вовлеченного в клокочущий поток жестокой и непреклонной истории.

Стремление сохранить и пронести неповрежденным в новое время все лучшее и благороднейшее, что хранится в старых народных традициях, все драгоценное в уроках народной истории свойственно поэтам в широком смысле этого слова. Память об исторических и нравственных традициях народа, способность ничего не растерять из того, что действительно дорого, в высшей степени присущи и стихам Фатимат Апсовой.

Любовь к родной земле, признательность ей за то, что она пробудила в поэте все лучшее, человеческое, высокое чувство

[1] 14. 12. 2019 г. Ставрополь. Дом национальностей. Творческий вечер Апсовой Ф. Н.

нерасторжимой связи с ее природой, ее людьми — вот главное определяющее направление лирики Фатимат Нурмагометовны. Поэзия ее — это современные стихи о любви, дружбе, разуме, совести – словом, о человечности. В них слышится отзвук тех старых песен, судьба которых — оставаться молодыми вечно.

Выражаясь словами автора переводов некоторых стихотворений Ф. Апсовой, Т. Лечебрины: «Фатиме Апсовой, как и любой из нас, много пришлось пережить, но, несмотря ни на что, поэтесса смотрит на мир взглядом, полным света, любви и удивительной теплоты».

Психология неподдающегося старению сильного духом человека выражена в таких простых, идущих от сердца словах:

Милость Бога необъятна, —
Он меня от лжи хранит.
И душе моей приятно —
Как родник она журчит.

Лира Фатимат Апсовой никогда не издавала фальшивых звуков: она всегда верна самой себе, пробуждая в родном народе веру в свои нравственные силы, национальное достоинство и чувство национальной чести.

Размышляя о поэзии, можно прийти к заключению, что даже посредственные стихи могут сделать их автора популярным, но только на короткое время. Однако любимым, современным поэтом может стать лишь тот, кто «мысль облек в родной язык, раскрыл его напевность». Именно таким поэтом и является Фатимат Апсова.

Поэтесса умело использует в своем творчестве художественные возможности родного языка, благодаря чему стихи ее приобретают оригинальность.

Отличительная черта творчества Фатимат Апсовой – это ее естественность. Она прочно стоит на родной земле, и поэзия ее органично связана с ней своими корнями. Слова литературоведа С. Наровчатова точно характеризуют творчество Ф. Апсовой: «Ее творчество воскрешает в памяти многие образцы мировой поэзии, созданные под знаком вечной темы «человек и мирозданье», но выглядит совершенно своеобычно». Ее естественность питается опять-таки народными корнями, корнями абазинской земли.

Дорогие друзья! Завершая свое выступление, с особым чувством хочу выразить от имени ректора Абхазского государственного университета, академика А. А. Гварамия, от нашей немногочисленной делегации – представителей молодежного литературно-творческого объединения «Ацэыкэбар» – огромную благодарность всем братьям и сестрам за организацию такого прекрасного творческого вечера, где с гордостью ощущаешь свою духовную причастность к делу важнейшему.

Вам, Фатимат Нурмагометовна, долгих лет жизни, крепкого здоровья и множество солнечных дней, освещающих ваши творческие удачи.

Спасибо!

АҧСУА-АБАЗА ЛИТЕРАТУРАТӘ ЕИМАДАРАҚӘА РҬОУРЫХ АХЬТӘ[1]

Мыш бзиақәа!
Акыр иаҧсоу сашьцәа, саҳәшьцәа!

«Ашьа ахала аҽеадыруеит» – ҳәа ҳажәлар ражәаҧҟа цакыдам цабыргыхаҵаны. Кавказтәи ашьхеибаркыра иакаҵәароу, нхыҵ-аахыҵ ҳадгьылқәа ҟарулра рызнауашәа зыхҭарҧа шкәакәа еилыбзааyа Ельбрус-шьха арыгьарала ишьҭоу Аҧсынтәылеи арымаралатәи Абазашҭеи, иқәынхо ҳажәлар, ҳашьха цқьақәа ирҽыгоу ашьанца мҩахәасҭақәа рыла ихацыркыз реигәныҩра, реиҽцаара азқьышыкәсақәа раахысгьы атак ҷыда аман. Ҳазну аамҭазгьы уи азҵаара еиҳагьы итцарны иқәгылоуп, иццакым шьаҽа-шьаҽала акәзаргьы аҽиара амҩа иануп. Уи иаршаҳаҭгоуп иахьа «Нарҭаа рзымҩас» Ҟәбина аҧшаҳәаҟны ҳаиқәшәара.

Мы – абазины и абхазы – один народ, один этнос. Общность нашей культуры, наших традиций, а также многочисленные исторические источники недвусмысленно говорят о том, что мы – родные братья.

С середины прошлого столетия, несмотря на тудности, некоторые личности, особенно представители творческой интеллигенции, с той и с этой сторон стремились по силе возможности восстанавливать связи, т.е. переводить или побывать у братьев.

Так, в первой половине 50-х годов Кали Джегутанов и абхазский поэт-трибун, прозаик Алексей Ласуриа познакоми-

[1] 28. 10. 2022 г. Карачаево-Черкесская республика, СОШ им. Х. А. Дагужиева а. Кубина.

лись во время учебы в Москве. И на протяжении последующих лет, до скоропостижной кончины Алексея Едгиевича, их дружба углубляла этнические и духовные взаимоотношения. А знакомство с землей предков – Абхазией – началось в 1954 году, когда Кали Салим-Гериевич побывал в Стране Души на 80-летие основоположника абхазской национальной литературы Дмитрия Гулиа.

Также, народный писатель КЧР Джемуладин Лагучев был знаком со многими абхазскими писателями, всем сердцем любил и неоднократно бывал, выражаясь словами известного Микаэля Хаджиевича, «у родной матери» – Абхазии.

Среди произведений абазинских поэтов и писателей немало таких, которые не раз публиковались на страницах абхазской периодической печати. Такова поэзия Джемуладина Катуевича в переводах Ан. Аджинджал, Вл. Анкваб, Пл. Бебиа, Г. Гублиа, таково и творчество Кали Салим-Гериевича. Немало поэтических произведений Кали Джегутанова перевели Н. Тарба, К. Ломиа, Ш. Плиа, народный поэт Абхазии В. Амаршан, Вл. Анкваб, а в литературно-художественном журнале «Алашара» № 7 за 1981 год (с. 6–12) напечатан отрывок романа «Маридат» в переводе Рауфа Эбжноу.

Не зря же говорят в народе: «Чьи слова вспоминают, те всегда с дивыми». Столетиями перечитывая произведения Джемуладина Лагучева и Кали Джегутанова, наполненные большим смыслом, верой в высокое предназначение человека, каждый раз любой из нас будет находить в них что-то новое. И это верный признак того, что им суждено долго и долго жить.

Как известно, связь времен и поколений, преемственность нравственно-эстетических традиций являются свидетельством исторической глубины осмысления действительности. Мотивы творчества имеют широкий выход в современность, главной проблемой которой для нас является проблема сохранения этноса.

Сегодняшняя наша встреча у долины реки великих нартов является традицией добра и правды. А добрая, здоровая традиция не создается одной только встречей, она постепенно взращивает единомышленников – современников, а уже потом, обогащаясь новыми мыслями и добрыми делами, становится традицией для поколений.

Аитанеиааирақәа… Аибабарақәа… Аипыларақәа… Шаҟа игәазырхагоузеи урт! Шаҟа мчы дыртцысуазеи, шаҟа ухы уакәгәыргьо, адгьыл аҽы аҟазаара угәадырпхозеи! Ари еиҳау иарбан насыпу иҟоу адунеи аҽы!

Абраҟа, Кәбина арԥаш шлакәа зхыҿео ахаҳә ҟәашқәа дрыкәгыланы, афырпҳәыс Сатанеи – Гәашьа, шәԥы аишьцәа Нартаа адауаԥшьқәа рыматәақәа ахьылызәзәоз аҽыкә аҟны ишьтоу, ссиршәа иԥшзоу Кәбина ақытаҽтәи ҳаибабара хаштра зкәым хтысуп. Инаскьалааит амшқәа, инаскьалааит ашыкәскәа, аамта иара атәы ҟанатцалааит. Зегь акоуп, ҳашьцәеи ҳареи ҳаибабара ххазыршуа ҟалашьа амам. Иахьатәи ҳаибабара иартцасыз агәыбылра, аизгәыкра акырза қәра дула, бзанцык имажәуа, Кавказ арԥашқәа реиԥш агәгәаҳәа еилашлаайт еитцагыло ҳабипарақәа рыбзазараҽы. Здацкәа акырза итцаулоу ҳаешьара есааирагьы ишьақәыргәгәо, тачкәымкны хҿеилартцәо, ҳамч-ҳалша ԥбатәуа хразҟымԥа акызароуп. Уи иауасхырхоит хцеира лассы-лассы реибарбара, реитанеиааирақәа реиҿкаара, реибадырра, анаԥс дара-дара ргәеизыбылра еизҳаларц.

Иҳабжьагылоу ишьхынпсылаз Нартаа ракәзар ҳәа угәы изаанаго, ажәԥан хыла итцзыпссаауа Кавказ ашьха ҳаракқәа шәышықәсала ирхыԥԥлааит ҳаигәыԥбжьы, урт инархырхәҳәа еибаркызаайт ҳнапқәа баҕьаза.

ҬЫР ҲАМИДИ ҬЛАБЫЧА МИРЕИ РЫРҨИАРА АҬСУА ЛИТЕРАТУРА АКОНТЕКСТ АҠНЫ[1]

Мыш бзиақәа!

Сажәа хацсыркыр сҭахуп, еицырдыруа абазажәа сахьарк арҧиа◌ацәа хатәрақәа ируазәку Ҟали Џьгәатан ицәаҳәақәак рыла:

Абрыскьыл икәастҧа ааи◌ызшаз,
Еибызшәаку рҧацәа ҳауп.
Иаҳҳәоит ҳартҧ бызшәак ала,
Ажәахаа – «Сашьа!»

Ҭыбыргытцәкьаны, ҳартҭ анык лшьа здақәа ирҭанықәо, архнышьна еи◌ызшаз аишьцәа рҭеира, ҳаигәны◌ра, ҳаиҧцаара адаракәац акыр итцаулоуп.

Аамҭала, акыр жәашықәсақәа раҵхьа, зықәрахь инеихьаз быргк: «Кавказ иагәылхәҳәо Уаршәаҳәым◌а (Ельбрус) ауа◌ытәы◌са ихәамц угәаланаршәоит. Аҵсынтәыла – уи аргьажә◌оуп, Абазашҭа – арымажә◌оуп. Урҭ ажә◌ақәа ирықәу рцәа-ржьы акоуп, рдақәа ирҭанықәогьы шьак ауп. Зыҵсы ҭоу ахәамц пҟаны, ишузеи◌ымшо еиҧш ауп, ҳартҭ аҵсуааи абазақәеи ҳшузеиҟәымҭхогьы, – иҳәазаап.

Ааи, аиашазы, ҳазну аамҭазы адунеиаҧы им◌аҵысуа еиуеиҧшым аҭагылазаашьақәа, акыр аҵынгылақәа шаҳзаҵыртцогьы, ҧеиҟәыҭхашьа шҳамам, ҳаибабара маҷ-маҷ акәзаргьы, аҧырцаулара ам◌а ишану иаршаҳаҭгоуп иахьатәи ҳаиниарагьы.

Как было сказано выше, мы – абазины и абхазы – один народ, один этнос. Общность нашей культуры, наших традиций, а так-

[1] 30. 10. 2022 г. КЧР, СОШ им. Н. Б. Экба, Старокувинск.

же многочисленные исторические источники недвусмысленно говорят о том, что мы родные братья.

К большому сожалению, в какое-то время мы были умышленно разобщены. Немало сил препятствовало связям, способствовавших нашему общему развитию, но не сумевших добиться своей цели. И никогда им ее не добиться, пока мы будем едины. И сегодня явно ощущается, что есть силы, которые сознательно обостряют отношения, но, выражаясь словами первого президента Республики Абхазия – Владислава Ардзинба: «Пусть знают все люди мира, что отныне и во веки веков мы – абхазы и абазины – душой и телом едины и сильны…». Независимо от трудностей, были представители интеллигенции и общественности с той и с этой сторон, которые стремились всячески восстанавливать мосты братства. Тому явное подтверждение, когда 30 лет тому назад немилосердная история вновь испытывала нашу судьбу, сыновья Абазашты, следуя мечте своих предков, одаренные природой нартской душой, приехали в Абхазию с первых дней войны. Группа под командованием уроженца Старокувинска, Героя Абхазии Мухамада Килба, да и состоявшие в других боевых подразделениях бойцы из Карачаево-Черкессии принимали активное участие во всех оборонительных и наступательных операциях, как под Гагрой, так и на Гумистинском и Восточном фронтах. Многие из них отдали свои бесценные жизни за свободу и независимость Абхазии. Слава им и бессмертие! Мы глубоко благодарны за братскую поддержку в нашей священной борьбе.

Еще с середины XX века отдельным личностям удавалось по возможности что-то переводить, опубликовать, побывать у своих братьев. Так, славный сын Старокувинска (110-летие которого отмечается в этом году) Хамид Жиров в 50-х годах в Москве, на литературных курсах, учился вместе с известным абхазским поэтом-сатириком Киршалом Чачхалия (отцом известного поэ-

та, переводчика, историка Дениса Чачхалиа). И всю свою жизнь они не теряли духовную связь.

Хамид Жиров за жизнь, отведенную ему судьбой, успел много, конечно. Но главное его достижение — это святое слово. Наделенный большим природным умом и талантом, писатель совсем еще юношей осознал безграничную силу слова и с высокими помыслами посвятил себя ему.

Говоря о духовной культуре абазин, невозможно не упомянуть народную поэтессу Карачаево-Черкессии Миру Тлябичеву. Личность и поэтическое достоинство творчества первой профессиональной абазинской поэтессы давно пользуются заслуженной известностью и уважением в родственной Абхазии.

Среди абазинских поэтов и писателей немало тех, чьи произведения были изданы отдельной книгой на абхазском языке в Сухуме. Также их поэтические и прозаические произведения не раз публиковались на страницах абхазской периодической печати. Таковы Хамид Даутович и Мира Сахат-Гериевна.

С прозой Хамида Жирова (аповест «Ажәлаҟьа@». 1962 ш. №3, ад. 23-38; ар-н «Ашьхақәа рҽыхара» ацыԥ-ха – «Ауааи ауасақәеи» – 1965 ш. №4, ад. 32-41) давно уже знакомы в литературных и читательских кругах Абхазии благодаря несомненному таланту народного писателя Абхазии Алексея Гогуа.

А выход в 1986 году в Сухуме сборника стихотворений М. Тлябичевой на абхазском языке «Иныҳәаз адуneи» в переводе известных абхазских поэтесс Н. Тарба и И. Хашба стал явлением в сфере духовной жизни и культурных связей с родной Абхазией. Также, немало поэтических произведений М. Тлябичевой были переведены на абхазский язык – Ан. Аджинджал, Вл. Анкваб, С. Таркил, К. Ломиа.

Народная поэтесса сумела вложить материал своей словесности в такой поэтический язык, который и при переводе становится не только понятным, но и близким словом для обширного духовного пространства.

Исныҳәоит, исныҳәоит,
Исныҳәоит адунеи!
Барақьатԥла итԥызарԥ
Аштԥа аԥнра!
Ахәыҷқәа – насыԥла
Иччаларԥ рхы-рҽқәа!
Исныҳәоит, исныҳәоит,
Исныҳәоит Адунеи!
Ақәыцҟлақәа быбышза
Шәтԥыла изазаларԥ,
Агәыгракәа,
Агәтԥыхақәа
Ргәыхәтәы назаларԥ!

Перевод произведений Х. Жирова и М. Тлябичевой на абхазский язык – это не простой литературный факт, а явление, содействующее глубокому взаимопониманию и развитию абхазо-абазинских литературно-творческих связей.

Вышеприведенные авторы и Абхазия — это одно из основных звеньев духовно-нравственной целостности нашего этноса. Не зря говорят, если поэт или писатель эпохален как мыслитель, он становится не только гордостью своего народа — его наследие приобретает общечеловеческую ценность. Именно такой ценностью и являются произведения Хамида Жирова и Миры Тлябичевой.

Аибабареи агәцареибаркреи роуп аешьцәа ргәеизыблара еиззырҳауа, еицәызмырʒуа. «Ашьа ахала аҽадыруеит», «Аешьа дыгәгәоуп иашьа ила»…уҳәа, зцакы цаулоу, хыцхьаʒара рацәала ҳбызшәа гәакьа иалоу ажәаԥкақәа машәырны иаԥцамхеит. Шаҟа лассы-лассы ҳзеибабо, шаҟа ҳаизаа-игәахо аҟара – иҳаракхалоит ҳабзиаеибабара, ҳаихʒызаара, ҳамч-ҳалша аҕәгәара.

Иҽиалааит нас шәышықәсала аҩеишьцәа ҳаицыбзазара!

Сықәгылара хсыркәшоит еицырдыруа аҧсуа поет, атҵарауаҩ, Нхытци-Аахытци ҳаимадара зылшa маҷымкәа иаду Владимир Анқәаб иажәеинраала ацыҧтцәаха ала:

Ҳара ҳаиҟәызҭхара
Амҩақәа аркызароуп.
Ҳашьхақәа инархырҳәҳәа
Ҳнапқәа еибаркызароуп!

Иҭабуп!

ВЕЛИКИЙ СЫН НАРОДА АБАЗА[1]

Великие люди остаются неизменными,
независимо от положения,
в котором они находились.
Н. Макиавелли

«Несчастен тот народ, который вынужден изучать свою историю по чужим источникам, — это высказывание историков справедливо и об этом знают все, кто имеет отношение к реконструкции прошлого. Однако вдвойне несчастен народ, у которого нет выразителей его интересов, боли и чаяний. К счастью, у нашего народа всегда были достойные сыны и дочери, готовые пожертвовать ради блага своей Родины личной карьерой, интересами и благополучием, и нередко самой жизнью».

Одим из достойных представителей этой плеяды и был выдающийся государственный деятель, Герой Абхазии, первый президент Республики Абхазия Владислав Григорьевич Ардзинба.

Это имя в народе давно стало знаковым так же, как имена Леона, Келешбея, Нестора Лакоба.

«Уметь так прожить свою жизнь, чтобы все или почти все окружающие тебя любили, — это и есть высшая доблесть ума! Ум, подчинившийся душе, — это и есть высший ум», — говорил в одном из своих выступлений выдающийся наш земляк Фазиль Искандер.

«Существование маленького народа столь же грандиозно и всемирно необходимо, как и существование так называемых

[1] 04. 03. 2023 г. КЧР. Центр образования им. В. Г. Ардзинба а. Кара-Паго.

великих наций. А если при этом в силу определенных исторических и психологических причин этот маленький народ сумел сохранить в себе высшие человеческие достоинства, столь приниженные и ослабленные в современном мире, то он имеет не только право на равное существование, но и может серьезно обогатить нравственную жизнь других народов», — эта мысль прозвучала в историческом выступлении Владислава Ардзинба 2 июня 1989 г. на I Съезде народных депутатов СССР.

Чтобы оценить роль великого сына этноса Абаза, не обязательно быть историком, достаточно быть здравомыслящим гражданином свободной страны. Говорить о такой личности, как Владислав Ардзинба, непросто, на это необходимо иметь моральное право. Для нас, защитников Отечества, он был и остался Главнокомандующим. Для каждого из нас он был родным и близким человеком. Мы всегда верили ему. Я благодарен судьбе и горжусь тем, что лично был знаком с этим выдающимся человеком.

Как писал народный поэт Абхазии Р. Смыр:

В час беды и в час неверья,
Бог спустил его с небес;
Как потомок Абрыскила!
Высечен из кремня весь!

В личности Владислава Григорьевича сочетались все качества, необходимые для лидера. А быть лидером, вождем и принимать жизненно важные для народа решения и нести ответственность за них — это непросто!

Его жизненная энергия и активная деятельность заряжали всех, кто находился рядом, и помогали сплотить народ. Он никогда не впадал в уныние, внушая своему народу нерушимую веру в собственные силы и неминуемое торжество справедливости.

Говоря словами ректора АГУ, академика А. А. Гварамия, «Владислав не ушел в небытие, а растворился в каждом из нас».

Владислав Ардзинба – «личность эпохальная. Это… глыба, которая лежит в основе… мироощущения» каждого абхаза, не будет ошибкой даже если скажем: «…каждого кавказца». Эту мысль подтверждают и слова добровольца Отечественной войны народа Абхазии, кавалера ордена Леона Андзора Гоова: «Это тот человек… который смог объединить под Знаменем свободы все горские народы Кавказа».

Добрые традиции братства и дружбы с северокавказскими народами, заложенные еще с тех суровых времен Владиславом Ардзинба, продолжались и в последующие годы, углубляя основы дальнейших тесных связей, продолжаются и ныне… Тому явное подтверждение и наша сегодняшняя встреча в Центре его имени.

Я уверен, эти наши ежегодные встречи: в марте – здесь, в мае – у нас в Абхазии — станут для нашего подрастающего поколения духовной нитью, которая будет нас еще больше объединять. А также будут добрым знаком, символом и памятью о лидере, который смог опередить время и осуществить многовековую мечту нашего этноса о человеке, который будет жить в памяти до тех пор, когда будет жить последний абаза на этой планете.

Гениальный Экзюпери не зря отмечал: «Самое бесценное и самое дорогое на земле – это общение», и народная пословица подтверждает: «Аибабара ауп гәыбылрас иҟоу». Как известно, братская, дружеская встреча всегда способствует налаживанию так необходимых нам сегодня контактов, которые могут открыть перед молодежью новые реалии и возможности, чтобы они обрели себя в дне сегодняшнем. А встреча, являющаяся традицией правды, обогащаясь новыми мыслями и добрыми делами, становится традицией и для последующих поколений.

Да, дружить на расстоянии сложно. Но если мы и впредь будем встречаться друг с другом чаще, говорить, как о своих достижениях, так и о недостатках, то значит, мы, следуя примеру, продолжаем дело Владислава Григорьевича, который как никто другой понимал, что без единения абхазо-абазинского сообщества мало чего мы добьемся для осуществления полного признания независимости нашего с вами Отечества, сохранения родного языка, культуры и древних традиций.

Очень радует, что нас сегодня слушает молодежь: студенты и учащиеся, наше будущее, продолжатели заветов славного сына народа Абаза. Я желаю всем нам, нашему этносу, чтобы мы следовали всему, что нам завещал Владислав Ардзинба, наша путеводная звезда. Он вечен до тех пор, пока мы его будем помнить, а помнить должны всегда.

Хочу выразить огромную благодарность от имени нашего ректора, академика Алеко Алексеевича Гварамия, также, от всего профессорско-преподовательского состава и студентов Абхазского государственного университета лично Вам, Фатима Мухадиновна, педагогическому коллективу и учащимся Центра, а также руководителю обособленного подразделения АНО «Алашара» в г. Черкесске Мурату Исмаиловичу Мукову за то, что вы с душевной теплотой и безграничной любовью относитесь к сохранению и увековечению памяти Владислава Ардзинба и способствуете тесному сближению нашей молодежи, по воле судьбы проживающей по обе стороны Кавказских хребтов. Пусть этот День памяти станет символом объединения и доброй традицией сближения нашего подрастающего поколения, всех нас.

В заключение хотелось бы привести слова известного абхазского поэта, ученого Владимира Анкваб:

Ҳара ҳаиҟәызҭхара
Ам◌ақәа аркызароуп.

«ШӘЫМШ БЗИАЗ, СЫЖӘЛАР!»[1]

Дорогие друзья!

Для нас, участников делегации Абхазского государственного университета, сегодня очень важный день, так как мы имеем возможность присутствовать на творческой встрече человека, умеющего творить, радовать людей, воспитывать молодое поколение, — Екатерины Меджидовны Шхаевой.

Уважаемая Екатерина Меджидовна! Вы нам очень близкий, дорогой человек. Мы близкие по родству, а самое главное – по духу. Вы тот человек, соприкасаясь с которым, получаешь лучинку, огонёк, чтобы дальше творить светлое.

На каждой странице ваших изданий, как бриллианты, рассыпаны глубокие мысли, мудрые размышления. И каждый, кто берет в руки тот или иной сборник, рассматривая их, может по-своему увидеть особенный свет. Они делают острее ум и мягче сердце.

Екатерина Меджидовна — поэтесса, сформировавшаяся в советскую эпоху, но органично вошедшая в новые реалии на изломе времени. Вы внесли большой вклад в подготовку и воспитание подрастающего поколения. Ваш жизненный путь и вся ваша деятельность тесно переплетены с духовной культурой родного народа. Об этом известно не только в Карачаево-Черкессии, но и за ее пределами.

Поэтическое и научное достоинство Вашего творчества давно пользуется заслуженной известностью и уважением в род-

[1] 07. 03. 2023 г. КЧР, КЧГУ им. У. Д. Алиева. Творческий вечер Е. М. Шхаевой.

ственной Абхазии, так как среди абазинских поэтов и писателей немало тех, чьи произведения не раз публиковались на страницах абхазской периодической печати. Среди них и ваша поэзия, опубликованная в 1959 г. на странице литературно-художественного журнала Союза писателей Абхазии «Алашара» в переводе Ан. Аджинджал.

Также абхазский читатель имел счастливую возможность познакомиться с двенадцатью Вашими стихотворениями в переводе народной поэтессы Абхазии Н. Тарба, которые вошли в сборник «Абазашта» (сост. М. Чикатуев, Н. Тарба), вышедший в 1980 г. в Сухуме. Его можно считать малой антологией абазинской поэзии на абхазском языке. Выход сборника содействовал развитию абхазо-абазинских литературно-творческих связей.

Сегодня готовится материал к печати: стихи, переведенные нами с Людмилой Умаровной Ристовой, а также статья про Ваше творчество на абхазском языке в литературно-художественных журналах «Алашара», «Апсынгьари» и «Аҟәа – Сухум».

Вы талантливо умеете облечь материал своей словесности в такой поэтический язык, который и при переводе оказывается не только понятным, но и близким для представителей обширного культурного пространства.

Истԥахуп сара – дыҟазарԥ дасу ишиатԥәоу,
Аҟама аҽы деиԥшымкәа, цәак аниxоу.
Ҳатԥыр сзақәуп, даара иӡауланы,
Ауаԥы – иуаԥра анитԥынxо.

В вашей поэзии, которая наполнена глубоким смыслом, верой в высокое предназначение человека, каждый раз любой из нас будет находить что-то новое. И это верный признак того, что ей суждено долго и долго жить, чего и Вам желаем!

Завершая свое выступление, позвольте вручить Вам поздравительный адрес и юбилейную серебряную монету от ректора Абхазского государственного университета, академика Алеко Алексеевича Гварамия и профессорско-преподавательского состава, а также студентов нашего национального вуза.

Все вышесказанное не будет полноценным, если не дадим слово молодежи, т. е. студентам, членам литературно-творческого объединения «Ацәыкәбар» Центра абхазо-адыгской филологии им. В. П. Анкваб Абхазского государственного университета.

Чхеидзе Элана – «Агәыҕра»
Кархалава Камила – «Истԥахуп сара»

И в завершение разрешите поздравить от имени нашей делегации и от себя лично всех представителей прекрасного пола с наступающим замечательным международным праздником и пожелать Вам крепкого здоровья, долголетия, семейного благополучия и творческих успехов!

«ХРАНИТЕЛЬ НАРОДНОГО СЛОВА»
(К 85-летию народного поэта КЧР Микаэля Чикатуева)[1]

А сердце честное, большое –
Вот то, что ценится у нас.
М. Чикатуев

Мышбзиакәа, Ҳатыр зқәу Ҟарачы-Черкьестәыла ауааҩәлар!

Сықәгылара хацсыркыр стахуп иахьа зиубилеитә шықәсхытцра азгәаҳҭо Жәлар рпоет Микаель Чкату иҩыза гәакьа, Кавказ Нхытци-Аахытци ажәларқәа реимадара зыпстазаара иахықәкы хадаз, аҧсуа поет-атрибун, аҵарауаҩ Владимир Анқәаб ицәаҳәақәа рыла:

Аныкʼ лоуми ҳазхылҩыз,
Ҳзааҙаз аныкʼ лкыкахшоуп!
Ҳашьцәа гәакьақәа,
Абаза жәлар, сшәыкәыхшоуп!

Дорогие друзья! Братья и сестры! Все, кто читает и любит народного поэта Микаэля Чикатуева, поздравляю с его юбилеем.

Да, есть на земле люди, чьи слова, дела, вся жизнь светят нам, как звезды с небес, чьи души высоки, как вершины Кавказских гор, и чисты, как родниковая вода… Говорят, у каждого человека есть своя звезда, и когда он умирает, она падает с неба и гаснет. Но у таких людей, как Чикатуев Микаэль, упавшая

[1] 14. 05. 2023 г. КЧР, г. Черкесск. Государственная филармония. Вечер, посвященный 85-летию народного поэта КЧР Чикатуева М. Х.

звезда вновь возрождается из пепла, начинает светить все ярче, и суждено гореть ей отныне вечным огнем. И тот, у кого горит в небе воскресшая из пепла звезда, бессмертен, он вечно живет в памяти и сердце своего народа, освещая ему путь к счастью и совершенству.

Заслуженный деятель культуры Республики Абхазия, лауреат Государственной премии им. Д. Гулиа Микаэль Чикатуев с юных лет почувствовал неизменную силу нравственного содержания человека, верного идеям предков. Он всегда находился в гуще событий, которым жил его народ и страна. Не всегда был гладок тот путь, по которому прошел М. Чикатуев – путь становления до Народного поэта. Ему пришлось испытать немало трудностей судьбы. Но он видел идеал в человечности, чуткости, благовоспитанности, именно эти качества и выделяли его из ряда многих других.

Микаэль Чикатуев принадлежал поколению, понемногу распрямлявшему спину после сталинских репрессий и хрущевской оттепелии с жадностью впитывающему новые веяния. В качестве поэта он создал свой неповторимый поэтический мир, который зачаровывает своей искренностью и ритмичностью. Произведения его зрелые по мысли, с устоявшимся языком, с четкой силлабо-тонической архитектурой, с мастерским освоением традиций национальной поэтической классики.

Главная идея художественного творчества М. Чикатуева — это связь времен и поколений, преемственность традиций. Мотив преемственности нравственно-эстетических традиций, насыщенный философской мыслью, является свидетельством глубины осмысления исторической действительности.

В соответствии с заявленной идеей поэт показывает специфику жизненного мира и национального духа абазгов, включающую идею этикетного долженствования. Абазара или же Апсуара, как синоним человечности, ментальность в соответствии с

нравственными представлениями народа должно формировать в каждом представителе этноса, — такой вывод читается в художественных творениях народного поэта.

Микаэль Чикатуев относится к писателям, чьи идеи, взгляды и помыслы, нашедшие отражение в их произведениях, составляют основу нашей этнокультурной идентичности.

Рассказывать, что поэзия Микаэля Чикатуева — это небывалый феномен в культурно-духовной жизни абхазо-адыгских народов, все равно что ломиться в открытую дверь. Он хорошо известен широким читательским массам. И в Абхазии личность М. Чикатуева пользуется известностью и уважением. Здесь высоко ценят его поэтическое творчество, прекрасное сочетание в нем общекавказских интонаций и яркого национального колорита. На абхазском языке изданы несколько поэтических сборников поэта («Обычай орлов», «Абазашта – край родной», «Мой Кавказ», «Сонеты», за нее он удостоен Государственной премии им. Д. Гулиа). Прекрасный поэтический его язык произведений легко достигает сердце любого читателя, преодолевая этнические границы и объединяя читателей в единое культурное пространство.

А в 2011 году выход в свет его пятитомника на родном абазинском языке стал замечательным явлением в духовной жизни Абхазии и способствовал укреплению культурных связей.

Уверенно можно говорить, что для Микаэля Хаджиевича Абхазия — это то место, где еще более возгорелось его поэтическое вдохновение. Здесь явилось и время познавать «свои печали» – время зрелых, мудрых размышлений о родине, о совестливости, о высоких нравственных началах, которыми и силен человек. «В первый раз я приехал в Абхазию в 1963 году и сделал себе традицией – ездить два раза в год! И в течение многих лет у меня это получилось! Приезжал в Абхазию каким-то опустошенным, одиноким; уезжал из Абхазии окрыленным душой

и сердцем, будто я побывал у родной матери!» — писал он в одном их своих воспоминаний.

Творчество Микаеля Хаджиевича, как говорилось уже выше, обладает той могучей притягательной силой, которая неизменно привлекает к себе большой интерес и внимание.

Наша сегодняшняя встреча является доброй традицией. А добрая, здоровая традиция не создается одной только встречей, она постепенно взращивает единомышленников-современников, а уже потом, обогащаясь новыми мыслями и добрыми делами, становится традицией для будущих поколений.

Перефразируя Уолта Уитмена, хочу напомнить нам всем: «Настоящий поэт является хранителем народного слова, его творцом и сердцем, и без труда поэта язык народа и сам народ уйдут в небытие».

Ибзиоуп хаштрак ақәымкәа узцәацәар,
Ианырыртә ҳдунеи ахаара убызшәа.
Ақаруа еиԥш еилаарцыруа уа уажәа
Анеикәаԥсо, гәахәароуп уи омашәа!

АПСНЫ И АБАЗАШТА: В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА МИКАЭЛЯ ЧИКАТУЕВА И ВЛАДИМИРА АНКВАБ[1]

Сущность поэтического мастерства не меняется с веками и тысячелетиями. Смело можно сказать, что есть народы многочисленные и немногочисленные, но нет невеликих народов. И высота поэзии ничуть не зависит от демографии. Говорят же: «…всё сущее, утратив покой, начинает звучать». И в этом звучании внятен голос всего народа, утратившего покой и вовлеченного в клокочущий поток жестокой и непреклонной истории.

Несомненно, то же самое относится и к священному ремеслу поэта. Вдохновенный Михаил Лермонтов не зря ставил выше всего ту поэзию, которая звучит «как колокол на башне вечевой».

Несмотря на факторы, препятствующие так называемому соцреализму, наше – абхазское и абазинское художественное слово не теряло своего общественного предназначения и оказывало ощутимое воздействие на развитие национальных литератур. На небосклоне художественного творчества появлялись новые таланты, незабываемые произведения, неразрывно связанные с духовной жизнью и запросами общества, отражающие героику, несущие в себе высокий нравственный заряд.

Если иметь в виду нынешнюю ситуацию, то она с еще большей актуальностью подсказывает нам, что богатый духовный опыт и традиции следует развивать и преумножать. Особенно сегодня, когда остро стоит вопрос о выживании малочисленных

[1] 15. 05. 2023 г. КЧР. СОШ а. Инжич-Чукун. Творческий вечер к 85-летию народного поэта КЧР Чикатуева М. Х. и к 95-летию абхазского поэта Анкваб В. П.

народов в условиях опасного геополитического противостояния, возрастает роль и значимость художественной литературы, изначально несущей в себе основу непреходящих нравственно-эстетических ценностей и обладающей особым магическим свойством воздействия на разум народа и его генетическую память. И в осуществлении этой задачи необходимо объединять усилия всех — как младших, так и старших.

Замечательных художников слова, оставивших яркий след в истории абхазской и абазинской словесности, немало. Рассказать о них нынешним поколениям — наш моральный долг и духовная потребность одновременно.

Микаэль Чикатуев. Владимир Анкваб.

Нет, наверное, человека, как в Абхазии, так и в Абазаште, который не осознавал бы значимость этих личностей для нашего абазгского народа. Когда размышляешь о них, невольно на ум приходят слова основоположника абхазской художественной литературы Дм. Гулиа: «Всю жизнь свою в труде, как горная вода». Да, вся деятельность Вл. Анкваб и М. Чикатуева доказывает, что они, как горная неустанная вода, не знающая покоя ни днем ни ночью, трудились во благо родной духовной культуры.

Известный абхазский поэт, ученый-литературовед, наставник Владимир Платонович Анкваб порог Абазашты переступил впервые в июне 1954 года, побывав в ауле Кубина. Кстати, и последний приезд на землю абазин, в марте 1987 года, тоже был в Кубине. А через два года, в 1956 году, при поступлении в Литинститут им. М. А. Горького он познакомился со своим однокурсником, позже народным поэтом Карачаево-Черкессии, лауреатом Госпремии Республики Абхазии им. Д. Гулиа Микаелем Чикатуевым, с которым они жили в одной комнате до конца учебы. Их сразу сблизило абхазо-абазинское этническое родство. И на протяжении последующих лет своим взаимопониманием и деятельностью они углубляли этнические духовные вза-

имоотношения. В начале 60-х годов, после завершения учебы, как говорят, разъехались по домам, начали работать – М. Чикатуев в Карачаевском пединституте, а Вл. Анкваб в Сухумском (ныне Абхазский государственный университет). И с каждым разом становилось понятнее, что им друг без друга трудно будет жить… Поэтому для преодоления разобщенности, с целью консолидации абхазо-абазинского подрастающего поколения и дальнейшего культурно-духовного развития Владимир Платонович стал со студентами чаще посещать Абазашту, хотя было немало сил, препятствовавших этим связям. Но он, несмотря на трудности, следовал принципу своих поэтических строк:

Ҳара ҳаиҟәызҭхара
Амҩақәа аркызароуп.
Ҳашьхақәа инархыҳәҳәа
Ҳнапқәа еибаркызароуп!

Как писал Дж. Лагучев: «…он был одним из основных связующих мостов между абхазами и абазинами: часто приезжал в Абазашту, и сам приглашал. Оказывал практическую помощь абазинской молодежи в поступлении в абхазский университет».

А Микаэль Чикатуев приехал, говоря его же словами, «в родную Абхазию» впервые в 1963 году. «Я сделал себе традицией – ездить в Абхазию два раза в год! Приезжал в Абхазию каким-то опустошенным, одиноким – уезжал из Абхазии окрыленным душой и сердцем, будто я побывал у родной матери!» – писал он в одном из своих выступлений. И в своей поэзии неоднократно утверждал эту мысль:

Сааит арахь шәгәы абжьы саҳарцаз,
Исхьысырц шәгәы иҭыԥхо ашәахәа,
Сааит абар – ара сынхарцаз,
Абасоуп ашьа ахьышьҭрахь ишхынҳәуа!

Или же:

Уанызбаз иацы акәым, сцаргьы иахьа,
Сыбзиабара еицакым, саахуеит ҽаԥхьа.
Ухьыз сгәаӷа итцысхуа – ԥшьоуп иаҳагьы,
О, сшьамтәыла, сыдгьыл, сыхаара, Аԥсны!..

М. Чикатуев в Абхазии приобрел сразу и много друзей, еще с Москвы он дружил с К. Чачхалиа, Ал. Гогуа, М. Ласуриа и Дж. Ахуба.

Писатели Абхазии брали его с собой на встречи с читателями в абхазские села, на разные мероприятия. И везде его выступления встречали овацией. «И нигде я не чувствовал себя гостем: брат приехал к брату – только так!..» — отмечал народный поэт позже.

С творчеством Микаеля Хаджиевича давно уже знакомы в литературных и читательских книгах Абхазии. Благодаря Вл. Анкваб, Дж. Ахуба, М. Ласуриа и мн. др., изданы сборники его стихотворений, сонеты, собрание сочинений в пяти томах. Также Чикатуев — один из тех основных северокавказских авторов, чьи произведения входят не только в вузовскую программу, но и в учебную программу для средних школ нашей республики, где его творчество представлено не только обзорно, а отведено определенное количество часов как для освещения его жизненного пути, так и для изучения текстов произведений.

Перевод и изучение творчества М. Чикатуева в абхазских школах и национальном вузе — это не простой литературный факт, а явление, содействующее глубокому взаимопониманию и развитию братских абхазо-абазинских литературно-творческих связей.

Поэт или писатель должен идти к своему читателю со своей философией, со своим понятием о смысле жизни, со своей прав-

дой, и это выдвигать на своем, ему присущем родном языке, — это и делает его настоящим писателем. Таковыми и являются Владимир Анкваб и Микаэль Чикатуев.

Литературно-творческие связи очень важны, они являются одним из основных звеньев духовно-нравственной целостности абхазо-абазинского общества.

Мы обязаны возводить в ранг высших ценностей плоды неустанного труда писателей старшего поколения, их священные помыслы и идеи, воплощению которых они посвятили свои жизни.

Сегодня, на вечере памяти двух выдающихся мастеров художественного слова, у нас есть возможность усилить акценты на некоторых вопросах для пользы будущего дела. Тем более, что мы не так часто располагаем такой возможностью.

Как говорится, добрая, здоровая традиция не создается одним разом, одной встречей, она постепенно взращивается группой единомышленников, а уже потом, обогащаясь новыми мыслями, становится традицией для поколений.

Поэтому резонно было бы заявить о создании проекта ежегодного молодежного фестиваля поэзии «Аешьа иашәа – Песня брата», объединяющего учащихся старших классов Инжич-чукунской СОШ, Кубинской СОШ им. Х. Дагужиева и студентов Абхазского госуниверситета. Планируется проводить его в мае-месяце, чередуя: год – в Абхазии, год – в Абазаште. Он мог бы стать достаточно приличной площадкой, где будет происходить и знакомство, и обмен мнениями, впечатлениями, стихами, очень важное для развития абазинской и абхазской литератур. Это как бы подтверждение того, что удаленные друг от друга колокола встречно гудят, усиливая и углубляя взаимное эхо, наводящее на мысль о том, что все мы — одна единая Душа. Со временем они превращаются в многоголосые звоны чудесного родного абхазо-абазинского Слова. Общеизвестно, что связь

времен и поколений, преемственность нравственно-эстетических традиций являются свидетельством исторической глубины осмысления действительности, мотивы которого имеют широкий выход в современность, в которой проблема сохранения этноса по-прежнему остается актуальной.

Хочу выразить огромную благодарность от имени нашего ректора, академика А. А. Гварамия, также от имени Центра абхазо-адыгской филологии им. В. П. Анкваб Абхазского государственного университета лично Вам, Фатима Еруслановна, Умар Зулкарнеевич, педагогическим коллективам и учащимся руководимых Вами общеобразовательных школ, а также начальнику управления образования и культуры Абазинского муниципального района Земфире Магомедовне Муртазовой за то, что Вы с душевной теплотой способствуете тесному сближению нашей молодежи, по воле судьбы проживающей по обе стороны Кавказских хребтов. Пусть наша сегодняшняя встреча станет началом объединения и доброй традицией сближения нашего подрастающего поколения, да и всех нас…

И в завершение разрешите прочитать первую публикацию М. Чикатуева в «Литгазете», стихотворение «Любовь» на абхазском языке (в собственном переводе):

Иҟам абаза бызшәала
«Бзиа дызбеит» ажәа –
«Искит абзиабара» – ауп иуаҳауа,
Сгәаанагарала:
Уа ашьхаҟәа рымӷан,
Аҽыѳҷкәын,
иуапа еиҟәа еиӷых,
Рашьла дхыкәлааха дышнеиуа –
Игәы иҽанӡамкәан
Иҟәараҕ нахашәон!..

Ус схәыцуан, схәыҷраан.
Аха, исҳәароуп –
Сеилкаара аҽшаԥсахыз,
Ꙋажәа санырҭыс.
Иансызкаԥха ишаеӡәаха,
Зынʒа ишәҭфҩыхааха,
Сгәы анарԥха,
«Санакы абзиабра» схаҵа…
Ишсеилкаарҭахаз ибзиаӡәкьаны
«Ишыркуа» иара.

«ПОЭЗИЯ ДАЕТ ЧЕЛОВЕКУ КРЫЛЬЯ»[1]

Дорогие друзья!
Уважаемые участники «Чегетских чтений»!

Разрешите от имени профессорско-преподавательского состава Абхазского государственного университета, от Центра абхазо-адыгской филологии им. В. П. Анкваб и от себя лично поздравить Вас с Международным днем поэзии и пожелать Вам долгих лет жизни, крепкого здоровья и больших творческих достижений на ниве сохранения и развития этнической духовной культуры.

Небезызвестно, в каком мире мы сегодня живем: моральные принципы систематически нарушаются, отражая ставшие неизбежными процессы нового передела мира на более реальной основе, чему свидетельствуют многие факты современной новейшей истории.

Развитие мира заключается в победе духовной силы над материальной, что сопровождается одухотворением материального бытия. Идея духовности органически растворена во всей развертке культурного и исторического бытия человека, что дает основание говорить о духовности как родовом понятии человеческого способа жизни. Иначе говоря, она и есть то, что сплавляет воедино все механизмы высшего уровня в определенном способе существования человека.

Способствуя дальнейшему развитию, дополнительный импульс духовности, важность которой актуальна сегодня как никогда, при-

[1] 22. 03. 2024 г. Кабардино-Балкария, г. Нальчик. Международный день поэзии.

дает человеку поэзия. Да, в целом художественная литература является одним из основных стержней исторической памяти народа, которая звучит как своеобразное упреждение того деструктивного, что может лишить национальную культуру смыслового ядра.

Поэзия дает человеку крылья, т.к. душе человека тесно на внешнем уровне обыденной жизни, ей нужен полет, ощущения свободы и слияния с миром.

Ни для кого не секрет, что из переходного нашего времени взрастет другой человек, путь которого – либо вниз к хаосу, либо на подъем к вышележащим уровням нравственного бытия.

Исходя из вышеизложенного, хотелось бы отметить, что на пути признания в человеке Высшего начала Духа, одним из основных «столбов» основания является воздействие поэтического слога на умы людей. Общеизвестно, что высшим продуктом мирового прогресса является духовное самопознание человека, у которого духовный стержень будет способствовать отражению его самоценности, проявляясь в высшем способе реализации отношения к другому, направленному на выявление и сохранение красоты человеческих отношений. Да, неустанно можно говорить о значении поэзии в развитии духовной личности.

Подобные литературно-творческие связи очень важны, они являются одним из основных звеньев духовно-нравственных традиций. Как говорится, добрая, здоровая традиция не создается одним разом, одной встречей. Она постепенно взращивается группой единомышленников, а уже потом, обогащаясь новыми мыслями, становится традицией для будущих поколений, как это происходит с сегодняшними «Чегетскими чтениями». А связь времен и поколений, преемственность нравственно-эстетических традиций являются свидетельством исторической глубины осмысления действительности.

Хочу выразить огромную благодарность организаторам за приглашение для участия в такой прекрасной, душевно теплой встрече.

ПОД КОДОМ «СЕГОДНЯ»
(заметки о поэзии Абзагуа Колбая (Акалгба))

Прошлое у наших народов, как известно, длинное и богатое. Предкам нашим, оберегая в памяти и душе, удалось донести его до наших дней сквозь невиданные исторические испытания.

Сегодняшняя наша встреча еще раз является подтверждением сохранения и развития духовной культуры братских народов, тем более, по меткому замечанию выдающегося мастера художественного слова Фазиля Искандера, когда «волны всемирной халтуры, бушуют у наших корней…».

Думаю, не ошибусь, если скажу, что организация таких духовных очагов, когда идет всеобщая универсализация, при которой духовные основы этнокультуры и психологии, к сожалению, подвержены разрушению и размыванию, подхлестывает бдительность представителей многих этносов, в особенности малочисленных.

Нравственные, эстетические ценности — это не просто набор традиционных понятий и представлений. Они организованы по определенным принципам, подчиняются законам иерархии, сгруппированы вокруг мировоззренческого центра, ядра, которое соотносится с более глубоким ценностным уровнем, скрытым под уровнем внешним. Именно постижение этого ядра и есть первое и основное условие целостного знания. Дополнительный импульс этому, импульс духовности придает человеку Поэзия. Она заставляет его подняться над обыденностью и соучаствовать в решении глобальных проблем эволюции, с которыми сталкивается человечество в нынешнем информационно-коммуникативном пространстве.

А человек остается человеком до тех пор, пока в нем живо стремление к добру.

Да, не зря сказал и народный поэт Абхазии, основоположник абхазской художественной литературы Дмитрий Гулиа, что «всякий, кто идет к добру, как к цели, близок мне, как кровный брат!».

В начале прошлого столетия Д. Гулиа, работая в учительской семинарии в Сухуме, где создал кружок литературно-сценического направления, который впоследствии стал издавать рукописный журнал «Утренняя звезда», писал: «Наши питомцы читали свой журнал «Утреннюю звезду», и с той поры я убедился, что мой труд не пропал даром, посев дал свои всходы. Я видел звезду, и надо полагать, что скоро станет светло».

Да, действительно, эти всходы начали давать богатый урожай, обогащающий духовную культуру родного народа. И главный герой нашего творческого вечера Абзагу Колбая является одним из ярких представителей пятого поколения тех успешных всходов.

Абзагу Татарханович Колбая (Акалгба) родился 27 июня 1992 года в поистине историческом селе Абгархук Гудаутского района, на малой родине многих замечательных и выдающихся сынов земли абхазской, которые являются гордостью своего народа.

Но жить на родине Нартов и Абраскила не так просто. Для этого надо быть стойким и упорным, как дерево из стихотворения народного поэта Б. Шинкуба, что растет у обрывистой скалы, корни которого обнажены, но оно все равно держится цепко за землю и не падает. Таково мужество и здешних людей, предков Абзагуа, от очага которых и началась дорога его в литературу. Выражаясь строками известного поэта П. Бебиа:

Твердо верил он в одно:
И его средь многих зерен
Прорасти должно зерно!

В 2010 году, окончив Гудаутскую среднюю школу №3 им. Героя Абхазии Ф. Ч. Авидзба, Абзагу Татарханович Колбая поступил в Абхазский государственный университет на филологический факультет по специальности «Абхазский язык и литература», который окончил в 2015 году.

Абзагу начал писать с ранних лет. Свое первое стихотворение опубликовал в 2009 году в газете «Абхазский университет» будучи школьником. И с того времени начал принимать активное участие в работе литературно-творческого объединения «Ацәыкәбар» («Капля») при кабинете абхазской литературы, ныне – Центре абхазо-адыгской филологии им. В. П. Анкваб Абхазского госуниверситета, откуда, можно сказать, и взял свой поэтический старт. И с этого времени систематически начали появляться стихи молодого поэта на страницах периодической печати Абхазии: литературных журналов «Алашара» («Свет»), «Аԥсынгьари» («Наковальня»), газет «Аԥсуа университет», «Ецваджаа» («Созвездие»), «Бзыбь» и т.д., также и в коллективных изданиях молодых авторов «Ашацкыра» («Рассвет») и «Аҟата» («Росток»). Переводы стихотворений выходили в печать и в известных литературных журналах и газетах России, таких как «День и ночь» (№4, 2012), «Аврора» (№2, 2012), «Литературная газета», «Вайнах».

В 2011 году Абзагу Колбая был участником IV Совещания молодых писателей в г. Владикавказ. В том же году участвовал в I Международном совещании молодых писателей России и стран СНГ, проходившей в Переделкино.

В 2013 году в республиканском конкурсе «Лидер года» стал обладателем номинации «Писатель года».

Первый сборник стихов «Частица молнии» на абхазском языке вышел в свет в 2013 году, когда он учился еще на третьем курсе.

Стихам Абзагуа Колбая (Акалгба) присущи ощущения радости, бодрости, темперамент горного потока, как Дахуарта, бегущий из глубоких каменных ущелий в его родном селе. Поэзия его умеет будить, воспитывать мысль и увлекать чувства. Во многих стихотворениях писателя, выросшего в деревне мудрецов и великолепных сказителей, что, безусловно, способствовало росту и становлению одаренного от природы человека, мы знакомимся с мудростью народа, его философией, его представлениями о чести, доброте и человечности.

С 2015 по 2017 г. Абзагу Колбая становился лауреатом премии литературно-художественного журнала Союза писателей Абхазии «Алашара» («Свет») среди молодых авторов в области поэзии.

С 2016 по 2018 г. он является слушателем Высших литературных курсов при Литинституте им. М. А. Горького в г. Москва (семинар поэзии А. В. Василевского).

В 2018 г. выходит второй сборник стихов поэта «Ровесник солнца» (на абхазском языке). И в этом же году Колбая был принят в члены Союза писателей Абхазии. С тех пор и по сей день является преподавателем кафедры абхазской литературы Абхазского государственного университета.

Лирический герой поэта горячо любит свой край, свой отчий дом, родной очаг. Так как здесь его прошлое, настоящее и его будущее. Высокое чувство преданности родной Апсны нашли выражение во многих поэтических строках автора.

Главенствующее место в арсенале творчества Абзагуа Колбая занимает гражданская и философская лирика. Об этом свидетельствуют стихи, такие как «Пусть будет трудным мой путь», «Молчание гор нарушит…», «Этой ночью я впервые…»

и т.д. Стихотворение «Цветком от суши душа» одно из многих из этой серии:

Цветком от суши душа,
Без слез оторвется
с корнями…
И станет мечтою дыша,
Любовью между нами и днями…

Плывет тишина времени,
Меж волнами
с тенью корабля…
И нашего бога без имени,
Назовет вечной жизнью
Земля.

Как видно, в художественный мир автора колоритно вписываются философские размышления о загадочной сущности бытия человеческого. Абзагу Татарханович никогда не старался тратить свою поэтическую силу на риторику, т.е. на дежурные стихи, — он пишет по заказу сердца.

Чем дальше, тем энергичней работает поэт. Растет круг интересов, расширяются границы его поэзии. В ближайшем будущем увидит свет его третий сборник стихов «Песнь дыхания», где лирика поэта льется естественно и свободно, а лирический герой в водовороте текущих событий шагает по жгучим дорогам современности.

Болезнь и смерть, любовь и обман и тому подобные темы, присутствующие в жизни обычного человека, в творчестве Абзагуа Колбая органично переплетены с такими вопросами, как: где начало и конец мира, как постичь собственное предназначение и понять свою душу и т.д. Именно такое переплетение и

составляет то, к чему, может быть неосознанно, стремится каждый живущий.

Одним словом, выражая собственные мысли и чувства, автор делает читателя неравнодушным к проблемам жизни, которые проживает человек.

Об А. Колбая с уверенностью можно сказать, что он и поэт-песенник, т.к. многие его стихи, свыше двух десятков, переложены на музыку и стали любимыми народом. Сегодня песни эти исполняют профессиональные артисты абхазской эстрады, их часто передают и по национальному радио.

Выражаясь словами Ев. Евтушенко: «…они будут жить столько же, сколько будет жить абхазский язык, а он будет жить вечно».

Накопив небольшой жизненный «материал» и творческий опыт, Абзагу Колбая ощутил потребность обратиться и к эпическому жанру, т.е. к поэмам и рассказам. Смело можно сказать, что, создавая их, он и здесь остается поэтом. В каком бы жанре он ни работал, красной нитью сквозь его творчество проходит мысль об ответственности художника слова, высокой преданности родной литературе.

У Абзагуа Колбая впереди еще годы и годы работы, вдохновения и творчества. Он человек исключительной скромности и трудолюбия, полон творческих сил и энергии. И пусть не громок голос поэта, и пусть нет шума вокруг имени его, но песня, что искренне поет он, живет, и ее слышит родной народ.

Да, не зря сказал и сам поэт, что жизнь не сон, который проходит под кодом «сегодня».

Коротко рассказав о поэте, нам остается выразить организаторам огромную благодарность, поэту пожелать счастливого пути к новым творческим вершинам, а участникам вечера — крепкого здоровья, кавказского долголетия и мирного неба над головой.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе 3
Полезная и ценная книга 8

Страницы истории абхазской литературы 10
«Я видел яркую звезду…» 10
Владислав Ардзинба: Аспекты функционирования и развития государственного абхазского языка 19
Тема Родины в поэзии Омара Беигуаа 31
Апсадгьыл ахьаа Омар Беигəаа ипоезиаҿы 34
По заветам нартов жил… (К 95-летию со дня рождения абхазского поэта, литературоведа В. П. Анкваб) 45
«Если я сын народа…» (о творческой и научно-педагогической деятельности поэта, литературоведа В. П. Анкваб) 53
Кабардино-Балкария в контексте абхазской поэзии (на материале творчества М. Т. Ласуриа) 62
Поэзия – как источник формирования языкового самосознания 69
Газета «Апсны» (1919-1920 гг.) в контексте абхазской духовной культуры 75
Абхазия в творчестве К. Г. Паустовского (повесть «Бросок на юг») 82

Некоторые особенности Северо-Кавказского литературного пространства 92
Аспекты абхазо-адыгских культурно-духовных связей: традиции – современность – перспективы (о Центре

абхазо-адыгской филологии им. В. П. Анкваб, АГУ) 92
Дмитрий Гулиа и Татлустан Табулов в контексте абхазско-абазинской научной мысли 101
Творчество Т. М. Керашева в контексте абхазской художественной литературы 104
«Поэт обагрённых зарею вершин» (об этических аспектах поэзии Микаэля Чикатуева) 110
«Мое сердце останется вместо меня…» (о творческих связях Керима Мхце с Абхазией) 119
Заурбий Налоев: в контексте абхазо-адыгской духовной культуры (К 95-летию со дня рождения) 129
Перед бессмертием и века бессильны… (К 95-летию со дня рождения известного абазинского поэта и прозаика К. С-Г. Джегутанова) 135
О некоторых особенностях использования пословиц в романах Б. Шинкуба «Последний из ушедших» и Б. Тхайцухова «Горсть земли» 142
Нравственно-этические аспекты поэзии Расула Гамзатова (на материал абхазских переводов) 150
Коста Хетагуров и осетинская литература в контексте абхазской национальной печати 157

Юбилеи. Выступления. Заметки 161
Баграт Шинкуба и писатели Кабардино-Балкарии 162
«Как родник она журчит…». 165
Аҧсуа-абаза литературатә еимадарақәа рҭоурых ахьтә 168
Ҷыр Ҳамиди Ҭлабыча Миреи рырҷиара аҧсуа литература аконтекст аҟны 171
Великий сын народа Абаза. 176
«Шәымш бзиаз, сыжәлар!» 180
«Хранитель народного слова» (К 85-летию народного поэта КЧР Микаэля Чикатуева). 183

Апсны и Абазашта: в контексте творчества Микаэля Чикатуева и Владимира Анкваб 187
«Поэзия дает человеку крылья» 194
Под кодом «сегодня» (заметки о поэзии Абзагуа Колбая (Акалгба)) 196

Научное издание

Ахра Владимирович Анкваб

Феномены литературного пространства

Редакторы *И. В. Ружавинская, Т. Ю. Алексеева*
Верстка *А. Ш. Береджи*

Подписано в печать 02.09.2025 г.
Формат 60х84 1/16. Усл. печ. лист 13

Тираж: 200 экз.

Отпечатано в соответствии с
предоставленными материалами
в типографии АГУ

г. Сухум, ул. Университетская 1.
E-mail: tipografiya.agu@mail.ru